

**Лариса Михайлова Родриго Гарсиа-и-Робертсон
Аллен Стил Морин Ф. Макхью Рэй Олдридж
Брэдли Дентон Л. Тиммел Дукамп Брюс Стерлинг
Владимир Герасименко Александр Ковалев
Татьяна Добрусина**

Сверхновая американская фантастика, 1994 № 02

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 2

FineReader 12 <http://lib.rus.ec/b/437192>

Колонка редактора

Лариса Михайлова

Поколение, достигшее... компьютера

Помните, у Саймака — «Поколение, достигшее цели»? Отчасти и про компьютер в фантастике можно вот так сказать настолько писатели успели мифологизировать образ компьютера как мыслящей машины, что движение в направлении этого притягательного образа прекрасно заменяет читателям компьютер настоящий. Особенно тем, у кого его пока нет. Счастливым же обладателям этого чуда века не до фантастики — им бы с реальными проблемами пользователя справиться вирусы всякие, обеспечение стабильности функционирования модемной связи. Не то, чтобы фантасты не писали о сем прежде («говорили мы вам предупреждали»), но это все же проблемы в реальной системе координат, рабочие так сказать, трудности. А вообще удобно, спору нет.

Гораздо существеннее для НФ иные ипостаси компьютерного бытия, включенного неотъемлемой частью в современные представления о мире, который объединен глобальной сетью коммуникации с мгновенной обратной связью (об этом статья Б. Стерлинга «Интерсеть»). Неодолимо привлекательна возможность с помощью компьютера создавать иные миры, что, собственно, всегда было прерогативой писателей и в особенности, писателей-фантастов. Здесь таится источник вдохновения А. Стила и Р. Олдриджа — начинающих, но весьма интересных авторов Милости просим в виртуальные миры.

Сто лет назад, в 1894 году, родился Норберт Винер — основоположник кибернетики. Сообщения о его юбилее разнесла по миру компьютерная спутниковая связь. В большой степени именно благодаря ему наше поколение достигло компьютера. И сам отец кибернетики, конечно, не отказал бы себе в удовольствии поиграть в современные компьютерные игры. Фантастику уж он тем паче любил — и читать и писать.

А наш второй номер начинается с заключительной части диалогии Рода Гарсиа-и-Робертсона о Старой Вере «Хоровод», с героями которого, Анной Нортумберлендской и Джоком из Сайда, читатели уже знакомы.

* * *

Редакция выражает благодарность датчанам Хеннингу Бенцену, Герде Тости из Ольборга и корреспонденту датского радио в Москве Вибекке Сперлинг за существенную техническую поддержку, а также — американцам Элизабет Халл и Фредерику Полу за неоценимую информационную помощь.

Проза

Род Гарсиа-и-Робертсон **Хоровод¹**

1 © Rod Garcia-y-Robertson. The Spiral Dance. F&SF, February 1990.

Весна, волшебница Весна,
Ты нежность, фея года.
Все распускается, цветет.
Кружатся хороводы²

Томас Нэш 1567—1601

Церковь на траве

Графиня Анна Нортумберлендская стояла поодаль от танцующих. Сама того не замечая, она покачивалась в такт мелодии, которую лихо наяривали подвыпившие, фальшивящие музыканты. В воздухе разносился пивной дух, на медленном огне тихо бурлила кровь Ячменного Джона. Музыка звала и манила, зажигательный вихрь танца кружил даже трезвые головы. Ноги сами несли Анну в круг, но она не поддавалась искушению. Все остальные шотландцы задорно отплясывали. Опьяняющие запахи, вихрь танцующих пар, пронзительные звуки волынок никого не могли оставить равнодушным. Но Анна по-прежнему держалась в стороне, отказываясь от вина и приглашений.

В самый разгар празднества внезапно раздался конский топот. Музыка смолкла. Анна приподнялась на цыпочки посмотреть, что происходит. Женщины в широких развевающихся юбках и кельтских накидках, мужчины в пышных, просторных рубашках, заправленных в кожаные брюки, расступались перед невестой откуда взявшимися всадниками.

Анна взяла свою молоденькую служанку Элисон за руку, желая уберечь от опасности.

Отряд состоял из дюжины всадников, вооруженных луками, самострелами, аркебузами, мечами с двойной рукояткой. На пиках трепетали синие с белым вымпелы. Отряд возглавлял огромный шотландец с угрюмым и грубым лицом, за его спиной, как парус, развевался плащ в синюю клетку, скрепленный у горла брошью в виде солнца с расходящимися лучами. Анна легко узнала эту одежду. Стюарты, королева Мария, король Джеймс были выходцами из Шотландии.

— Керры, — скорее с любопытством, чем с тревогой, проговорила Элисон.

За несколько месяцев, проведенных в Шотландии, Анна успела слишком хорошо познакомиться со всеми кланами, что жили рядом с английской границей. Синий с белым были цветами Керра, а солнце — его эмблемой. Всадники держали пики у левого бока, по примеру левши Керра. Никто не назвал бы Керров безобидными. В их клане постоянно вспыхивали ссоры. Керры Фернихерсты знали графиню Анну и неплохо относились к ней, хотя и не любили ее мужа. Однако с Анной они были учтивы, обходительны и называли ее «ваша светлость».

Она заметила синее саржевое одеяние священника из Джеббурга. Его окружали всадники с длинными закругленными топорами. Эти топоры всегда пугали Анну.

Похоже, отряд совсем не Керров Фернихерстов. Те враждовали с Джеббургскими Керрами и сейчас сражались с Уолтером Керром из

Сессфорда, губернатором пограничья между Англией и Шотландией. Анна крепче взяла Элисон за руку и, не говоря ни слова, повела ее в самую гущу толпы. Она крепко закусил губу, опасаясь выдать себя английской речью. Если ее увидят, то беды не миновать.

Уолтер Керр объединился с Елизаветой против своей королевы Марии. Недели две назад в горах побывал граф Сассекс с Джоном Форстером, сжигая все на своем пути и преследуя непокорных беглецов. После их набега горцы остались без крова, и теперь небо заменяло им крышу над головой. Приходская церквушка сгорела дотла, остатки шпилья теперь валялись на танцевальной поляне — топоры разрушили то немногое, что не успел пожрать огонь.

Керры расступились, пропуская вперед проповедника. Длинный, костлявый, он злобно глядел на собравшихся из-под полей своей черной шляпы. Его глаза были налиты кровью.

— Разве не сказано в Писании, что негоже предаваться веселью в день отдохновения Господня, уподобляясь неверным филистимлянам?

Из толпы вышел Джок Армстронг из Сайда. Он напоминал гордого волка-одиночку, которому не писаны людские законы.

О том, что он был соратником Керров, напоминала бело-синяя ленточка на шляпе. Керры и Армстронги носили одинаковые цвета. Анну возмутило и напугало легкомыслие и беспечность Джoka. «К чему привлекать внимание, зачем дразнить гусей», — рассердилась она.

— Ваша светлость ошибается, — вежливо начал Джок. — Мы простые люди, танцуем как умеем, нам чужие танцы не по вкусу, будь они французские или, как вы сказали, филистимлянские.

В ответ на дерзость Армстронга Керры грубо расхохотались. Элисон не сводила с Джoka влюбленных глаз и не скрывала своего восхищения. Джок не побоялся дать отпор непрошеным гостям и стал героем дня. Анна вздохнула, надеясь, что Керры не бросятся рубить головы отчаянным опальным горцам и их восторженным подружкам.

Сухопарый проповедник с отталкивающей внешностью, тронув поводья, с угрожающим видом двинулся прямо на Джoka.

— Я требую, чтобы вы прекратили эти языческие пляски. Они вас до добра не доведут. Я не потерплю воскресных шабашей с танцами, пением и играми.

— Но наш священник говорит, что в плясках и песнях нет ничего дурного, — мирно возразил Джок, указывая на невысокого, аккуратно выбритого человека, стоящего возле костра. — А по парламентскому указу мы должны слушаться только своего проповедника. И в наших краях он единственный пастырь.

— Ваш священник — отъявленный папист, вдобавок он вовсе не проповедник, а такой же неотесанный мужлан, как и вы все. Мне известно, что он целыми днями не просыхает от вина.

Священник рычал, как турок, которого окунули в святую купель. Он чувствовал себя чересчур уверенно. Анна подозревала, что уверенность ему придавали не только Керры. Похоже, его поддерживали куда более мощные силы. Например, Елизавета. Шотландцы приграничья не любили и боялись ее больше, чем всего шотландского парламента вместе взятого.

— Святой отец. — Джок непостижимым образом сохранял ледяное спокойствие и невозмутимость. — Макнаб — наш священник, а если он и пьяница, так все горцы пьют как королевские лососи. Мы привыкли к нему, и проповеди он читает ничуть не хуже трезвого.

Слушая эту беседу, Сессфорды не могли скрыть усмешки. Они явно были на стороне Джока. Простые, грубые, они и сами были не прочь выпить и приударить за девушками, независимо от дня недели.

Анна опять потянула Элисон за руку. Ей хотелось убежать отсюда.

Священник выпрямился в седле и сурово посмотрел на притихшую толпу.

— Ваши разнузданные, богомерзкие сборища давно запрещены законом. Вы не должны ни петь, ни плясать по воскресеньям, ни хлестать это вонючее пойло, ваше вересковое вино. — Он закатил глаза. — Пастух не должен пасти овец, мельник не должен работать на мельнице.

Священник приподнялся в стременах, его лицо покраснело, ноздри раздулись, глаза горели праведным гневом: — Женщинам нельзя торговать ни на рынке, ни где-либо еще. Пусть хлопчут по дому и ублажают своих мужей.

Это заявление было встречено оскорбительным залившимся женским смехом.

— Заткните ваши бесстыжие глотки! — взревел священник. От натуги его глаза чуть не вылезли из орбит. — Я приказываю вам разойтись и отправляться по домам!

Кто-то кинулся спасать котел с пивом, началась неразбериха, все смешалось, всадники принялись разгонять людей древками своих пик. Анна подобрала юбки и побежала вслед за толпой, не выпуская руки Элисон. Люди бросились к деревне. Анна успокаивала себя, говоря, что Джоку ничего не грозит и он может сам за себя постоять. Керры безуспешно пытались отрезать людей от деревни, загоняя их в лес. Появление в деревне было для них равносильно поражению. Вооружившись против своих обидчиков лопатами и ножами, горцы запросто могли одолеть конников. Спотыкаясь о корни деревьев, карабкаясь по каменистым склонам, Анна тащила за собой растерявшуюся Элисон.

Анна жалела добродушных горцев. Настал конец их привольной разгульной жизни.

Перейдя через быстрый ручей и взобравшись на высокий холм, обе женщины с облегчением опустились на мягкий, пружинящий мох. Под ногами шуршали крепкие стебли вереска. Отсюда хорошо был виден Тевиотдейл. Слезы навернулись на глаза у Анны. Деревья, искрящаяся вода, луга. Почерневшие, выжженные поля. На них, мирно соседствуя друг с другом, пощипывали травку жирные чероноголовые овцы Тевиота и белые Шевиота.

Пушистые ягнята, родившиеся весной, бродили по лугу, пошатываясь на еще нетвердых ногах. Издавна шотландцы жили на этих залитых солнцем высокогорьях и пасли свой скот. Они спускались вниз только в воскресные и праздничные дни.

— Он великолепен, госпожа, — выдохнула Элисон. Ее хорошенькое свежее личико обрамляли рыжие кудри.

— Кто великолепен? — спросила Анна, сразу догадавшись, о ком идет речь.

— Джок Армстронг, — последовал незамедлительный ответ. Девушка явно была без ума от Джока. Крутанувшись на носках, она мечтательно закрыла глаза.

— Один против шайки Керров! И джедбургских головорезов с топорами, не говоря уже об святоше из города.

— Мужчина не должен быть таким безрассудным, — неодобрительно сказала Анна. В этот момент она подумала о своем муже. Он тоже был храбр и не помышлял об опасности. И теперь сидит в темнице, ожидая казни. Анна надеялась, что Джок избежит такой участи.

— Ах, любая женщина была бы счастлива, если Джок обратил бы на нее внимание. Повезет же кому-то! — завистливо проговорила Элисон.

Анна ничего ей не ответила. Она знала, что в молодости редко прислушиваются к мудрым советам.

Колючая трава немилосердно царапала кожу, цеплялась за юбки, графиня радовалась, что Элисон идет впереди.

— Почему вы не танцуете вместе со всеми? — Элисон сочувственно и с некоторой робостью взглянула на Анну.

— Я больше привыкла к французским, быстрым гальярдам, чем к вашим диким пляскам. Хотя когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, один дерзкий юноша простолюдин в первый день Мая учил меня шуточному народному танцу.

Элисон часто танцевала с Джоком. Одно загляденье было смотреть, когда они кружились под залиvistые звуки рожков. Анне почему-то тревожно было видеть их вместе. В такие минуты она казалась себе древней старухой. Порой она жалела, что сословные предрассудки настолько въелись в ее сознание, что она не может позволить себе забыться и беспечно веселиться с этими простыми, милыми и добрыми людьми.

Элисон недавно исполнилось пятнадцать, но она танцевала вместе со взрослыми. Босые пятки мелькали из-под развевающихся юбок, руки были сомкнуты у Джок на спине, губы приоткрылись в блаженной неге. Ей доставляли удовольствие его прикосновения. Тело этой юной девушки было создано для наслаждений, и она не хотела упускать ни одного из них.

С приходом весны шотландские горцы проводили воскресные дни, предаваясь буйным утехам, пляскам, футболу. Все крепкие мужчины участвовали в играх. Каждый забитый гол отмечали домашним вересковым пивом, стоявшим тут же, в бочонках. Горцы любили футбол. Элисон и ее подружки были страстными болельщицами. Обычно они окружали поле, по которому бегали играющие, хлопали в ладоши, улюлюкали, а то, подобрав юбки, сами включались в игру.

Элисон вдруг решительно заявила, что будь Анна хоть трижды графиня, ей не стоит лишать себя тех немногих радостей, которые порой дарит им жизнь.

— Хотите я научу вас танцевать рил³? Это совсем просто, у вас получится. Повторяйте за мной...

Закинув за голову изящные тонкие руки, Элисон сделала несколько шажков. Анна попыталась повторить ее движения, но запуталась в густой траве и чуть не упала. Элисон успела вовремя подхватить ее. Они дружно расхохотались. Не выпуская руки графини из своей, девушка собиралась продолжить обучение.

Анна решительно воспротивилась.

— Тебе легко танцевать, а у меня муж в темнице.

С тех пор, как Армстронги из Харлоу предали ее Тома, Анне ни разу

3 Рил — быстрый шотландский танец.

не приходило в голову, что она может позволить себе какие-то вольности, а уж тем более бездумно отплясывать под звуки волынок. Хотя иногда она невольно завидовала этим простым грубоватым людям.

Элисон по-прежнему держала руку Анны в своей теплой ладошке. Так они и пошли дальше. Анна согласилась передохнуть, только когда они достигли большого озера. Вода переливалась под дневным солнцем всеми цветами радуги, от густо-зеленого возле берега до темно-красного, как хорошее выдержанное вино, на середине. За маленькими рощицами начинался Эттрикский лес. По узкой горной долине им навстречу трусцой бежал черный волк. Должно быть, Джок давно поджидал их, чтобы поприветствовать.

Анна жила на крохотной ферме над озером, в каменном доме, принадлежащем лорду Баклеху. Граф Сассекский успел спалить дотла весь Тевиотдейл, но, войдя в раж, совершенно забыл об этом укромном уголке. В доме иногда останавливались на отдых пастухи, а порой приезжали поохотиться лорды. Забывая о своих нескончаемых кровавых расправах, хозяева приграничных земель с удовольствием стреляли мелкую дичь и зверье. Сейчас Баклех вынужден скрываться от англичан и Керра из Сессфорда, потому и разрешил Анне пожить в его владениях. Крыша грубо вытесанного из камня строения была покрыта соломой. Окна заколочены досками. Четыре каменных стены являлись собственностью Баклеха, зато крышу крыла мать Элисон. Ей разрешили забрать всю солому с собой, если владелец когда-нибудь откажет ей в жилье.

В былые времена Анна владела особняками и замками в Варкворте, Альнвике, Кокермауте. А сейчас радовалась, что у нее есть хоть это жалкое жилище.

В доме, кроме Анны, Элисон и Джока, собралось множество грязных, неряшливо одетых селян, предвкушавших воскресный обед. Эти попрошайки составляли цвет нации здешних мест. Здесь были проповедник Макнаб с женой, Кроузеры, Оливеры. Все с нетерпением ждали тушеной баранины, приготовленной Доброй матушкой Скот. Макнаб прочитал короткую благодарственную молитву на чудовищной латыни, а вслед за ним Джок нараспев произнес несколько слов:

Имущие не могут есть,
Кто хочет — не дается им.
У нас же нынче мясо есть,
И Бога мы благодарим⁴.

Анна смотрела на куски баранины, плавающие с черносливом в жирном соусе. Никто не осмеливался первым прикоснуться к еде. Воцарилась неловкая тишина. Джок ловко отхватил кинжалом сочный бараний язык и положил его на тарелку Анны.

— Первый кусок — даме, — сказал он, протянув ей кинжал.

Анна осторожно отрезала себе маленький кусочек. Гости с облегчением вздохнули и с жадностью набросились на еду. Надо видеть, с каким аппетитом едят шотландцы, всю зиму кормившиеся «черным пуддингом» — овсянкой, замешанной на овечьей крови. Они самозабвенно облизывали пальцы, по которым тек теплый жир, и без

всякого стеснения вылизывали подливку из плошек.

Вместо вилок они пользовались кинжалами, висевшими у каждого за поясом. Острые лезвия отсекали лакомые куски, отделяли мясо от костей — словом, здешний народ прекрасно обходился без серебряных столовых приборов. Они с хрустом перемалывали кости, высасывая из них нежный костный мозг. Анне же страшно недоставало вилок, чаш с водой для ополаскивания рук, лилейно-белых скатертей и салфеток.

Графиня, даже если она волею судеб вынуждена была стать беглянкой, заслуживала куда более достойного общества, чем этот разношерстный сброд, но Анне и в голову не приходило сетовать; бесхитростные горцы, порой дикие в своей разнузданной простоте, были ей сейчас милее многих из прежнего окружения.

Элисон была искусной плясуньей, а ее мать не только восхитительно готовила, так, что пальчики оближешь, она еще знала толк в травах, и слыла лучшей повивальной бабкой во всей округе. Почтительно называя ее «Доброй Матушкой», горцы частенько просили ее изгнать ту или иную хворобу. Ее считали настоящей хозяйкой дома, относясь к Анне как к существу хрупкому и непонятному.

Анна прислушивалась к разговорам за столом. Горцы дружно решили, что преподобный отец из Джеббурга — вовсе не священник, а нечистая сила в облике священника, наказание, посланное им за грехи.

— Он похож на хорька, лихорадка его заberi, — высказалась мать Элисон. Крепкая розовощекая Матушка была остра на язык. — А может, они в городе все такие? Копоть, сажа, дышать нечем, вот они и сходят с ума. Уж если даже священник несет такую околесицу, что можно, а чего нельзя по воскресеньям, то тут наверняка бес попутал.

Анна не вмешивалась в застольную беседу. Для шотландцев ее знатность не имела значения, и она не чувствовала никакого превосходства над ними. Для них Анна оставалась чужой, и не просто чужой, а чужестранкой, ее старались не замечать. Она была для них все равно что китайская принцесса, далекая, непонятная, ненужная. Ее кормили, поили, одевали, ничего не ожидая взамен, ни платы, ни благодарности, ничего. Если бы она осмелилась вмешаться в их разговоры с каким-нибудь советом, мнением, они бы, наверное, согласно покивали головами, поулыбались и тут же забыли.

Любимым праздником горцев был Бельтан — Праздник Костров, отмечавшийся в первый день мая. Накануне все собирались вместе, самозабвенно танцуя, веселясь, влюбляясь. От Анны не укрылось, что Элисон уже не первый раз многообещающе улыбалась Джоку. От такой откровенности и непосредственности Анне стало не по себе.

Графиня не переставала удивляться Макнабу, который относился к выходкам своей паствы как к должному. Да и сам он не очень-то выделялся на фоне своих прихожан. Судя по сосредоточенному виду, он собирался приурочить мессу к языческому празднику, будто на свете не существовало ни Папы, ни архиепископа. Неизвестно, было ли это невежеством или, напротив, он слишком хорошо разбирался в этих людях. Как-то Анна напомнила ему про обет безбрачия. Он страшно удивился и ответил, что все здешние священники имеют семью. В дословном переводе его собственное имя означало «сын настоятеля», оно пришло от кельтских аббатов из Северной Шотландии. Его латынь оставляла желать лучшего, Анна подозревала, что он говорил на странной смеси латинского, гэльского и кельтского языков. Исполнив свой долг, Макнаб с

облегчением присоединился к празднеству. Лицо его сияло.

Гости разошлись, но Анна и Джок еще долго не вставали из-за стола. Элисон тоже осталась сидеть, не сводя с Джок влюбленных глаз.

— Иногда лучше склонить голову, чем совсем лишиться ее, — глубокомысленно изрек Джок. Он тоже был чужаком, пришедшим с юга, из-за Шевиотских холмов. Но среди горцев Джок, в отличие от Анны, пользовался уважением, к нему прислушивались, с ним советовались. О его сверхъестественных способностях говорили почтительным шепотом.

— Давайте сходим в церковь, я хочу послушать, что будет говорить этот новоявленный реформист.

Анна с горечью вспомнила, какими варварскими методами насаждалась реформистская вера на севере Англии, сколько горя пришлось хлебнуть ее родному Нортумберленду.

Джок покачал головой.

— Да, насчет песен и танцев, тут он, конечно, загнул, а вот про женские обязанности — это интересно. — Он лукаво посмотрел на Анну. — Неплохо вечером сидеть и попивать кларет⁵, пока твоя милашка стряпает печенье.

Анна хитро улыбнулась в ответ.

— Зато всю неделю мужчины должны работать. Да и вообще этот священник оставил вам не так уж много развлечений. Ни выпить в субботу, ни поиграть в футбол в воскресенье, ни отдохнуть после этого в страстной понедельник, никаких праздников. Так что вам не позавидуешь, — закончила она с притворным вздохом. Шотландский календарь чуть ли не наполовину состоял из праздников. Похоже, что Армстронги никогда не утруждали себя работой, мелькнуло в голове у Анны.

— Да, ничего хорошего от него ожидать не приходится.

Анна печально задумалась.

— Этот человек внушает мне страх.

Джок мягко взял Анну за руку.

— Милая, так и времена сейчас пошли страшные. Не только Эллиоты, но и некоторые из Армстронгов продались Елизавете, набив свой кошелек блестящими монетами. Враги окружают нас со всех сторон, Леннокс — в Хермидадже, англичане — в Хьюме и Фаст Касле.

Анна знала, что граф Сассекс огнем и мечом прошел по Тевинтдейлу, камня на камне не оставив. Опасность подстерегала ее повсюду, у нее не осталось даже крохотной лазейки. Друзья Керры из Фернихерста тоже вынуждены были скрываться, как и Баклех со своими людьми. Шотландцы, жившие в долинах, изнывали под гнетом лорда Сессфорда и сторонника Елизаветы герцога Леннокса. Шотландия истекала кровью гражданской войны, а Анна оказалась на стороне проигравших. Ей некому было доверять, кроме Джок и язычников с гор.

Казалось, Джок уловил ход ее мыслей, он видел, что Анна цепляется за него, как утопающий за соломинку. Он сильнее сжал ее руку.

— Не бойся, милочка. Как говорится, весна не за горами. — Джок заговорщицки подмигнул Элисон, как бы приглашая ее успокоить Анну.

— Скоро наступит Бельтан, — подхватила она. — А летом всегда все кажется проще.

5 Кларет — церковное красное вино

Анна горько думала о том, что за осень и зиму она лишилась всего — Тома, титула, замков, состояния. Теперь графиня делила соломенный тюфяк с местной служанкой, мечтавшей ночами о воре-оборотне. Что принесет ей лето, как изменится ее судьба, одному Богу было известно. Она лишь спросила:

— А что бывает летом?

— Неужто не знаете? Дни становятся длиннее, теплее. — Джок снисходительно улыбнулся, словно удивился, что графиня не знает столь простых вещей.

* * *

И если то прельстит тебя,
Приди ко мне, живи любя
И с песнями пастуший пляс
Разбудит майским утром нас⁶

Кристофер Марло (1564-1593)

Воскресный день и Майская Ночь

Полгода назад Анна поклялась страшной клятвой, что покончит с собой, если попадет в руки инквизиторов и они будут угрожать ей пытками. Жизнь в изгнании на многое открыла ей глаза, вера окрепла в ней, закаленная в страданиях и лишениях. Анна оплакивала безвозвратно ушедшее прекрасное прошлое, она знала, что его не воротить, что та Церковь, под сенью которой она родилась, выросла и вышла замуж, никогда не возродится.

Как-то раз, отбросив прочь страхи и сомнения, Анна отправилась вместе с Джоком и остальными на воскресную службу в здешнюю церковь. Горцы ходили туда каждую неделю, надеясь, что их души еще не потеряны для Бога.

Выстроенная в новом стиле, церковь стояла внизу в долине. Ее одну из немногих пощадил лорд Сассекс. Слабо освещенная, тесная и душная, она не располагала Анну к общению с Богом. Мужчины и женщины стояли раздельно, в противном случае неистребимое стремление к легкому флирту могло бы иметь нежелательные последствия. Анне не удалось протиснуться вперед, поэтому она оказалась в задних рядах толпы. Ей было видно только возвышение, с которого читались проповеди. Священник грозно предупредил, что мужчинам запрещено снимать головные уборы, что никто не должен стоять коленопреклоненным, а то их заподозрят в пособничестве папистам.

Джедбургский священник представил собравшимся тощего, бледного от волнения выпускника университета в Глазго, сказав, что сегодняшнюю службу проведет не он сам, а этот молодой человек, посвятивший свою жизнь беззаветному служению Господу. Он, объяснил джедбургский священник, является адептом новой веры. В ее основу положены не слепые предрассудки, а научный подход. Анна заметила, что юный адепт выглядит куда чище и опрятней, чем преподобный Макнаб, привыкший

есть руками и вытирать их об одежду.

Сначала выпускник вознес хвалу тусклой крохотной церкви. Привыкшая к пышному убранству церквей на родине, Анна в своем женском невежестве полагала, что здешний храм больше годится для скота, чем для прихода, но в глубине души смутно осознавала, что истинно верующим безразлично, богат он или беден.

Витражи следует выбить, пышные покровы сорвать, иконы и церковную утварь порубить на дрова — останки церкви после набега стервятников графа Сассекса должны напоминать о тех страшных днях. Да, эта церковь — памятник порушенной, поруганной Веры. Ее станут называть капищем, Сатанинской Синагогой, Содомом и Гоморрой, Вавилонской Блудницей, а Папу — главным сводником и греховодником.

Молоденький выпускник высокопарно заявил:

— Мы поднимемся на праведную войну, войну очистительную, искоренительную, ту, на которую Бог послал сынов Израиля, чтобы покончили они с хаананейцами, провозгласившими эту римскую шлюху чистой и незапятнанной супругой Христа. Человеческие сердца отравлены, развращены индугенциями, раздаваемыми без разбора всем и каждому! — Тут голос новоявленного проповедника сорвался.

— Балаганы, маскарады, карнавалы, пьянство, распутство — все это безобразие сопровождается и вдохновляется дьявольской музыкой, а она дурманит людей!

В глазах молодого оратора пылал священный огонь. Его постепенно охватывал религиозный экстаз. Горцы остались совершенно равнодушны к его проповеди. Когда он наконец замолчал, все устремились к алтарю, где ждало печенье и церковное вино.

Джок шепнул Анне на ухо.

— Ну слава Богу, а то сил не хватало слушать эти бредни Визгливому юнцу пошло бы на пользу самому пораспутничать, а не метать на прелюбодеев громы и молнии.

Анна предостерегающе наступила Джоку на ногу. Ей хотелось поскорей вырваться отсюда на свежий воздух и увидеть солнце. Она истосковалась по сладкому, однако напыщенная речь проповедника отбила у нее аппетит. В Шотландии и простой хлеб почитался за благо, обычно его заменяла ячменная каша. Выпускник поверг в смущение паству, заявив, что вино и хлеб не есть тело Христово. К тому же он назвал Писание сказками для детей и дикарей. Настроение у Анны было безнадежно испорчено.

— Только выжившие из ума старухи могут болтать о чудесных превращениях. Любой здравомыслящий человек понимает абсурдность подобных заявлений.

С этими словами джебургский священник впился зубами в хлеб, поднял свой кубок и поднес его к губам.

Джок злорадно ухмыльнулся. Анна в ужасе замерла, ожидая, что будет дальше.

В наступившей тишине священник внезапно поперхнулся, закашлялся, его лицо исказилось, словно он хлебнул яда. Из рта хлынула красная жидкость, забрызгав одеяние священнослужителя. Кларет превратился в кровь.

После того, как все уgomонились и разошлись, Анна упрекнула Джoka за дерзкую выходку.

Джок сделал вид, что удивился.

— Разве плохо, что его собственное оружие обернулось против него? Он просто напрашивался на это своим чванством. — Джок покачал головой. — К тому же и кларет был на редкость дрянной.

Анна не разделяла такого легкомыслия. Она предвидела, что сегодняшние неприятности добром не кончатся.

— Почему ты осуждаешь меня? — Армстронг напустил на себя вид оскорбленной невинности, хотя в его глазах плясали озорные огоньки. — Всем известно, что кларет есть кровь Христова.

Так — то вот пытаться обратить оборотня в реформистскую веру.

Казалось, что канун Майской ночи отделяла от воскресенья целая вечность. По заросшему вереском торфянику долгой чередой шли люди, держа в руках зажженные факелы из смолистой сосны, и пели:

Мы тайной тропой
К Матери нашей пришли
Травы росой
Клонит апрель до земли

Матушка Скотт выводила сильным высоким голосом слова призывной песни к Марии, приглашая ее на праздник Майской Ночи:

К звукам наших песен.
Дева, снизойди
Сын — Король всех весен
У твоей груди

Хор шотландцев подхватил ее слова:

Мы тихо приходим в лесок,
Под Материнскую сень.
Будто роса на цветок
В последний апрельский день⁷.

Матушка Скотт по праву старшей запалила от факела костер у древнего каменного столба. В ту же секунду пламя весело занялось. Горцы собрались вокруг костра.

Элисон протянула Анне ковш с пивом. Рядом с ней, напоминая своим обликом викинга, стоял Джок в своей неизменной куртке, подбитой волчьим мехом, и черных штанах из вывернутой воловьей шкуры. На голове у него были привязаны оленьи рога. Почти все были наряжены в диковинные маскарадные одежды. Девушки украсили волосы весенними цветами.

— Никто не должен оставаться трезвым в Майскую ночь, — пояснил Джок. Анна поблагодарила, но пить не стала. Макнаба нигде видно не было. То ли он внял упрекам джедбургского священника и теперь терзался муками совести, то ли уже валялся, захмелев, где-нибудь под кустом, сказать было трудно. Как-никак веселье в этот апрельский денек началось еще засветло. Не страдая робостью, Джок занял место священника — бросил свой факел в костер и выпрыгнул на середину

⁷ Стихи в переводе О. Воздвиженской.

круга. Он принялся отплясывать джигу, наигрывая на волынке. Элисон и матушка Скотт присоединились к нему. Кружившийся хоровод сходил к костру, факелы превращали рил в огненное колесо, метались длинные тени, падавшие на столб в центре.

Матушка Скотт пела под звуки волынки:

Матерью Деве
Единою быть
Волею Неба
Бога родить

В ответ ей прогремел хор пляшущих шотландцев:

С веселой толпою
К Материходишь ты,
Тихой росой
Май окропил цветы.

Анна с трудом сдерживалась, чтобы не поддаться искушению и не начать веселиться со всеми. Приблизив лицо к ковшу с пивом, она с наслаждением вдохнула резковатый терпкий аромат. Ничто не заставит этих людей отказаться от песен, от дурманящего напитка, от захватывающих дух плясок. Любовь к музыке заложена в них с рождения. Они поют, когда работают и когда отдыхают, пастухи наигрывают колыбельные своим овцам, женщины поют протяжные песни за прялкой.

Анна пригубила из ковша, говоря себе, что в этом нет ничего постыдного, ничего языческого. Коловращение танца вело свою историю из глубины времен извечным путем смерти и возрождения, извечный круговорот Природы, всего живого: в лоно земли и из него вновь наружу. Анна начала понимать, что значит для этих людей Танец. Они прогоняли Зиму, а вместе с ней и все несчастья и неудачи. Они верили, что с приходом Весны их жизнь изменится к лучшему. Они оставляли во вчерашнем дне отчаяние, голод и холод. А дни и впрямь становились теплее. Теперь, вплоть до наступления Тельтана они смогут жить в горах и заново отстраивать сожженные Сассексом зимние жилища.

Радостные лица лоснились от пота. Отсветы пламени озаряли людей и разгоняли тени. На одну-единственную ночь забывались войны, набеги, ссоры. Вино и костер горячили сердца. Все выше взлетали женские юбки. Мужчины разделись донага. Ахнув, Анна увидела, как Джок сбросил свои черные кожаные штаны и, полуголый, подхватив Элисон, закружился вместе с остальными в бесстыдном упоении танца. Анна, как замороженная, смотрела на танцующие пары. Машинально поднеся к губам ковш, она чуть ли не до дна осушила его. От выпитого у нее тут же зашумело в голове.

В памяти всплыли строчки стиха, которому в детстве учил ее француз-репетитор. Там говорилось о шабаше ведьм, кружащихся под аркой Авиньонского моста.

«Sous le pont d'Avignon, on y dance tout en round».

Спираль танца скручивалась все стремительнее, но Анна все же не дала втянуть себя в круг. Поверх мельтешащих голов она разглядела оленьи рожки Джок и огненно-рыжую копну волос своей служанки. Почти все танцующие были обнажены. По древнему обычаю в Майскую

ночь обеты, данные мужьями женам и женами мужьям, теряли силу. Тела бесстыдно переплетались в отблесках огня, мелькали белые груди, стройные бедра. Женское и мужское естество пульсировало в такт волынке Джок. Безумство музыки достигло предела. Танцующие побросали факелы в костер и бросились прочь от огня, и ликующий хор растворился в ночи.

Анна стояла потрясенная, сжимая в руке пустой ковш. Хоровод распался. Джок и Элисон куда-то исчезли. Матушки Скотт тоже нигде не было видно. У костра резвились ребятишки. Собравшись в кружок, старухи каркали что-то на своем непонятном наречии. Старики толпились возле бочонка с пивом. Анна в растерянности озиралась по сторонам. Все танцоры словно растворились во тьме, кроме нескольких человек, не выдержавших этого вихря и теперь без сил свалившихся наземь. Из темноты доносился громкий веселый смех. Где-то пронзительно и сладострастно кричала женщина.

Анна бросила на землю ковш, опустилась на колени и шепотом начала молиться. Никто не ждет ее в этой ночи, ей некуда и не к кому бежать. Джок, конечно, веселится с Элисон. Правда, Анна подозревала, что, подойди она к ним, Джок не стал бы возражать. В отношениях с женщинами, как успела убедиться Анна, он придерживался широких взглядов. Но наутро графиня не смогла бы посмотреть в глаза своей служанке. Проведя ночь нагишом под открытым небом, извиваясь под тем же мужчиной, который только что ласкал Элисон... Я замужняя женщина, я графиня в конце концов, а не какая-нибудь распутная пастушка.

Встав на колени перед костром, Анна стала взывать к Богу. Это было непросто, и Анна вновь пожалела о несостоявшейся мессе.

Ей явился Христос, но лик его лукаво ухмылялся. Из-под тернового венца выглядывали оленьи рога... Анна вознесла молитву деве Марии, снизошедшей к ней в Рождество, Марии-голубке, Марии Майской. Анна молилась не за себя, а за мужа, томящегося в сырой темнице, за его освобождение. Потом Анна спросила, чего хочет от нее Пресвятая Дева.

Анна Нортумберлендская спрашивала, а Мария Майская отвечала. Пламя разгоралось, поднимаясь все выше и выше к небесам, оно становилось похожим на гигантский цветок, от которого во все стороны разлетались искорки-лепестки. Анна завороченно смотрела, как из самой середины огненной розы вырастала фигура девы Марии, окутанная дымом. Дева словно не ощущала нестерпимого жара, ее лицо оставалось спокойным.

Облако дыма, окутывавшее Деву Марию, исчезло в пламени подобно платью ведьмы, сжигаемой на костре. Как ведьма, совершенно нагая, она закружилась в танце, языки пламени лизали ей ступни, не осмеливаясь опалить. Поманив к себе Анну, она запела:

С веселою толпою
К Матери вступишь ты
Тихой росой
Май окропил цветы

«Анна, иди сюда, возгласи имя мое, я — огонь. Ты щепка для моего костра».

Медленно поднявшись с колен, Анна сделала шаг к костру и тут же

была отброшена петлящим дыханием огня.

Неужели Мария хочет, чтобы она сгорела заживо? Анна не могла поверить в такую жестокость. Дышать становилось все труднее.

— Смилуйся, я ведь всего лишь из бренной плоти и не могу прийти к Тебе сквозь огонь и боль.

Пламенная Дева ни на секунду не прекращала свой танец-вихрь. Она пела, в голосе радость мешалась с печалью.

«Ты — трут, ты — дерево сухое для моего огня. Приди скорей, признай меня».

— Мария...

Анна лежала, распростертая на земле. У нее не было сил подняться навстречу жару. По спине струился пот. Искры опаляли платье, волосы, ресницы. Пламенная Дева таяла в огненных языках. Ее пение заглушали порывы ночного ветра.

«Не отвергай меня, не спорь с огнем».

Внезапно раздались испуганные крики, застучали подковы...

Анна резко обернулась... и ничего не увидела, ослепленная ярким пламенем костра. Горцы в суматохе разбежались в разные стороны. Трезвые хватали тех, кто уже не держался на ногах, и спешили прочь от огня. Мимо Анны торопливо проковыляла какая-то старуха, истошно вопя: «Керры! Керры!»

Выяснить, действительно ли Керры, лорд Сассекский или Четыре Всадника Апокалипсиса настигли их в ночи, времени не было. Главное — успеть вовремя скрыться. Она проворно вскочила и пустилась догонять мчащихся, что было сил, горцев. Это было нелегко, у беглецов словно выросли крылья. Анну охватило отчаяние. В темноте она споткнулась и упала, зарывшись лицом в мягкий мох. Торопливые шаги постепенно стихали в лесной глуши, среди черных стволов деревьев. Анна сползла в овраг, цепляясь руками за каменистый склон. Она сильно поранила плечо, все тело болело от ушибов.

Земля содрогалась под копытами лошадей, подгоняемых разгоряченными всадниками. Анна затаила дыхание. Ночь превратилась в Хаос. Лошадь перескочила через овраг, осыпав Анну комьями грязи и камушками, на мгновение заслонив звезды. Лошадь, скакавшая следом, со всего маху споткнулась и скатилась в овраг. В двух шагах от Анны кто-то выругался по-шотландски. Шумно отфыркиваясь, лошадь выбралась наверх, и исчезла, оставив за собой облако пыли.

Все смолкло, и от этого Анне стало страшно. Она лежала на земле, поглаживая ноющее плечо и чутко прислушивалась. До нее не доносилось ни звука, только далекие холодные звезды равнодушно взирали на нее из черноты неба. Опасаясь, что всадники вернутся, Анна решила поискать укрытие. Продираясь сквозь колючие сучья и ветки, она услышала шорох позади.

Графиня похолодела от страха. Она была уверена, что звук ей не померещился. Шаги показались ей мягче и тише конских. По ложине осторожно пробирался какой-то зверь. Анна приникла к земле и робко оглянулась через плечо. Из темноты появился огромный волк, по-собачьи свесив язык. Из его пасти вырывалось тяжелое дыхание. Темные очертания гибкого звериного тела выступили из глубокой тени. Низко пригнув морду к земле, волк медленно, молча приближался. Глаза и зубы посверкивали в ярком свете луны.

Огромное лесное чудовище, черное, как смертный грех, шло прямо

на нее. Облизнув пересохшие губы, Анна выдавила из себя:

— Это ты, Джок? Скажи, что это ты.

Молчание. Анна оцепенело смотрела, как волк мягко, словно не желая испугать, подошел к ней и, прихватив зубами за руку, потянул за собой.

— Джок, я же взрослая женщина, а не волчонок, и вполне могу идти сама, так что не стоит кусаться, — насмешливо сказала Анна.

Слегка мотнув головой, волк отпустил ее и затрусил обратно. Анна двинулась следом, обдирая колени и стараясь не отставать.

Слабый ветерок донес лошадиный запах. Анна в нерешительности остановилась. Волк, привстав на задние лапы, начал расти и через несколько секунд превратился в человека. Перед Анной, пьяно ухмыляясь, стоял Джок в одной лишь куртке из волчьего меха. Не желая стоять на коленях перед полуголым мужиком, Анна поднялась на ноги. Поблизости мирно паслись две лошади, возле них виднелось какое-то светлое пятно. Элисон. Девушка безмятежно спала, свернувшись калачиком и подложив ладошку под щеку. Другая рука прикрывала разодранное на груди платье.

— Она ранена? — От гнева голос Анны прозвучал резче и громче, чем обычно. Она приподняла сонную девушку за плечи, голова Элисон, качнувшись, перекатилась Анне на грудь. Сомкнутые ресницы Элисон казались шелковистыми, как у ребенка.

— Нет, она просто спит. Танцы, вино, эта ночь — слишком много для нее. Когда девушку вот так сморит сон — до утра не добудишься. Спящая, она в объятиях Матери, под ее покровительством.

— Верно, немало девушек отправил ты в ее объятия?

— Это не первая Майская ночь в моей жизни. — Джок хрипловато рассмеялся, вскочил в седло и наклонился, протянув руки к Элисон. Девушка сладко спала, угнездившись на коленях у Анны, и той очень не хотелось передавать ее Джоку. Анна с трудом поднялась на ноги, но дальше нести крепкую, отяжелевшую от сна служанку оказалась не в силах. С Элисон на руках ей было не сесть в седло, поэтому Анна передала теплую свою ношу Джоку.

Сев верхом, Анна прошептала:

— Где ты раздобыл лошадей? — Низкорослый пони под ней оказался на удивление резвым. Анна крепко ухватилась за поводья, сжала ногами бока лошади.

— Ну, я... в общем, я их одолжил. Трудно найти что-нибудь подходящее, когда так темно, что хоть глаз выколи. Да и деревьев поблизости нет, одни болота. Пришлось потрудиться, — похвастался Джок. — Джедбургские парни наши места плохо знают. Они еще не скоро отсюда выберутся. И поделом. Раз не смогли уследить за лошадьми, пусть плетутся пешком.

Джок придерживался расхожего в здешних местах мнения, что человек не имеет права считать животных своей собственностью, раз не он их создал. Точно так же не он сотворил поля, на которых пасутся эти божьи твари. Люди смертны, к тому же Господь велел делиться. Джок терпеливо объяснял Анне эти простые истины, как малому ребенку.

— Собственность — понятие временное. Она то и дело переходит из рук в руки. Сегодня я украл у соседа то, что нужно мне, а когда что-то потребуется ему, он украдет у меня.

До них донеслось завывание ветра. Чуткие уши лошадей нервно

подрагивали в темноте. Сухие корявые сучья потрескивали под копытами. Нервы Анны были напряжены до предела. Джок то и дело останавливался и прислушивался к гнетущей тишине, нарушавшейся лишь жутким посвистом ветра. Убедившись, что поблизости никого нет, они продолжили путь.

— Времена меняются, и, как правило, от плохих к худшим. — В другое время Анну позабавили бы такие высказывания, но сейчас ее мысли были заняты совсем другим. Она устала, замерзла, проголодалась, а полуголый Джок с волосатыми ногами, казалось, совсем не чувствовал холода.

Элисон сладко спала, уткнувшись лицом в грудь Джоку. Руки и ноги совсем голые. Анна сняла свою шаль и, неловко перегнувшись в седле, укутала свою служанку. Та спросонок пробормотала что-то, но так и не проснулась.

— Не извольте беспокоиться. Здешние крошки вполне выносливы.

— Это еще не повод, чтобы с ними так обращаться.

— Вы хотите сказать, что я был с ней груб? — удивился Джок.

— Не знаю и не желаю знать, как вы себя вели. Я только видела, что вы напоили ее до бесчувствия и затащили в кусты.

— Госпожа, это был прекрасный ячменный напиток, чистый, как слеза младенца, а не то отвратительное пойло, которое варят на островах. От него потом отдышаться невозможно. А в кусты я ее не тащил, она сама прибежала.

Воцарилось неловкое молчание.

— Анна, между нами сейчас словно черная кошка пробежала, — мягко произнес Джок. — А мне бы не хотелось ссориться. В Майскую Ночь брачные клятвы и обеты теряют свою силу. Я постоянно думаю о тебе. Я мечтал о том, как мы будем танцевать вместе, а потом скроемся ото всех... Я был бы так счастлив...

— Еще бы, — усмехнулась Анна, радуясь, что в темноте не видно ее лица. Она давно ждала этого признания, но сейчас оно застало ее врасплох. Она представила себя со стороны. Гордая, неприступная графиня Анна сидит на украденной лошади, рядом с ней оборотень, похитивший эту лошадь. Теперь он объясняется Анне в любви, а в седле рядом с ним спящая девушка, с которой он миловался на Празднике Костров.

— Ты совсем не похожа на здешних вертихвосток. Ты красивая, умная, ты знаешь, что стоит тебе только свистнуть, как я тут же примчусь на зов. Но ты вбила себе в голову, что замужество — это крест, который надо нести до конца своих дней. Нет слов, это вызывает уважение, но ты уж слишком серьезно и трепетно относишься к брачным узам.

— Дело не в прочности. Они есть, и от них никуда не деться. — Боже, до чего она опустилась! Говорить о верности и измене, когда Том сидит в тюрьме! И с кем! С сатиром, у которого из густых волос торчат олени рога. — Я поклялась на Библии... Ничто не заставит меня нарушить обет.

— Библия, Священное Писание, законы... В наших краях, как ваша светлость, должно быть, успели заметить, все это не имеет никакого значения. Я тут как-то прочитал несколько глав из Писания и поразился, до чего там все складно написано. От Авраама до Соломона Божьи дети никогда не были ретивыми поборниками брака. А в отдельных местах так прямо и говорится, что подобает мужчине делать с хорошенькой девушкой.

— Если каждый будет выдергивать из Библии особо понравившиеся

места, то Священное Писание исказят до неузнаваемости и принизят его до примитивного уровня, до уровня соития.

— Я не собираюсь принижать значение ваших книг и оскорблять чувства верующих. Я не стану просить вас задрать юбку прямо здесь. Скажу лишь, что нас, горцев, не запугать гееной огненной, и пусть нам не грозят виселицей. Никто из шотландцев не откажется от задуманного. У Армстронгов свои понятия о чести. По-моему, она либо есть у человека, либо ее нет, вот и все.

— А у вас она есть? — лукаво поинтересовалась Анна. Ее начали забавлять эти фривольные романтические эскапады.

— Хватает, чтобы дать женщине то, чего она хочет. Вы не обращаете на меня внимания, я не нужен вам, что ж, я уважаю ваши чувства. Но почему вы беретесь судить меня за то, что эта девочка...

Джок резко оборвал себя на полуслове, сделав знак Анне, чтобы она молчала. Она не решилась возразить, зная, что ее обоняние сильно уступает волчьему нюху. Похоже, что и со слухом дело обстояло так же.

— Сюда идут... — глухо прорычал Джок.

— Кто идет?

— Хотите подождать и посмотреть?

С холмов донесся далекий топот копыт, приглушенные крики, бряцание оружия. Джок был прав, к ним приближались вооруженные всадники, и дожидаться их было по меньшей мере неразумно. Поддав своим пони под бока, Джок и Анна помчались во весь опор. Графиня крепко вцепилась в конскую гриву. Ее лошадка обошла пони Джoka, скакавшего с двойной ношей. Анна оглянулась и увидела позади темную колышущуюся массу, грозно надвигавшуюся на них. В темноте холодно поблескивали железные пики.

От неожиданности Анна дернула за поводья, лошадь замедлила свой бешеный бег, и Джок опять вырвался вперед. Больше всего Анна боялась отстать и остаться одной. Их словно преследовал злой рок, препятствия возникали на каждом шагу. Неожиданно пони Анны споткнулся, и она кувыркком перелетела через его голову.

Придя в себя, Анна обнаружила, что лежит, распластавшись на земле, а чуть поодаль, обезумев от боли и страха, бьется в судорогах ее лошадь. Передняя нога пони неестественно вывернулась, скорей всего сломана. Бедное животное безуспешно пыталось подняться.

К Анне стремглав подлетел Джок, соскочил с седла и сунул ей в руки поводья. Элисон лежала у него на плече.

— Скачите! Моя лошадь устала и не вынесет двоих.

— Но что же будет с вами? Нам нужна еще одна лошадь!

— Нам некогда ее искать и вообще сейчас не время препираться. — Армстронг положил Элисон на траву и посадил Анну в седло. Элисон наконец проснулась и удивленным затуманенным взглядом поглядела сперва на Джoka, потом на Анну, явно не понимая, где она и что с ней происходит.

— Давайте мне девушку, — потребовала графиня. Как не была она напугана, она не могла бросить Элисон на произвол судьбы. Не говоря ни слова, Джок выхватил у нее из-за пояса нож и полоснул им по крупу лошадки. Взвизвись на дыбы, животное рванулось вперед. Анна едва удержалась в седле. Краем глаза она успела заметить, что брошенный пони все пытается из последних сил подняться. Джок стоял рядом с Элисон, в его руках блестело лезвие ножа. Прямо на них летел отряд

всадников.

Пони под Анной мчался, не разбирая дороги, по оврагам и лощинам. Она с трудом удерживала в руках поводья. Вдруг лошадь захрапела и метнулась в сторону — рядом мелькнула волчья тень.

Волк глухо зарычал и куснул пони за ногу у копыта. Теперь и без вопросов стало ясно, что это Джок. Со стороны можно было подумать, что огромная пастушья собака подгоняет отставшую овцу. Волк то забежал вперед, проверяя дорогу, то возвращался, не переставая хватать лошадь за ноги. Анна крепко вцепилась в густую гриву. Дикий галоп немилосердно сотрясал все тело, она с трудом сдерживала рыдания, которые душили ее при мысли об Элисон, оставшейся на холодной черной пустоши.

Джок отстал, и Анна пустила лошадь шагом. Немного погодя волк опять присоединился к ней. Из его пасти вылетали клубы пара. Между клыками бессильно свешивался розовый язык. Джок больше не пытался подгонять лошадь, видимо, они оторвались от преследователей, а, может быть, у тех появилась другая цель.

Об Элисон думать было нестерпимо больно. Ей хотелось, чтобы Джок принял человеческое обличье и рассказал, как все было. Может, он сотворил чудо и сделал девушку невидимой. Но спросить Анна не осмелилась, она страшилась услышать другой ответ.

Терзаясь, Анна спрыгнула на землю и, опустив голову, медленно пошла рядом с лошадью. Светало. Графиня брела, еле передвигая ноги от усталости. Вода длинного озера серебрилась в свете занимающегося утра.

Анна наивно полагала, что они плутали по лесу, не разбирая дороги, а оказалось, что волк все это время упорно пробирался к дому лорда Баклеха. Теперь он трусцой побежал по натопанной тропинке, ведущей к дому.

Черные пустые глазницы окон смотрели мрачно и неприветливо, из закопченной трубы давно не вился дымок. Дверь была заперта, и никто не вышел навстречу усталым путникам.

На руках у Анны запеклась черная кровь. Она вздрогнула, вспомнив, как безжалостно Джок полоснул ножом ее лошадь. Сейчас он превратится в человека, и она спросит его об Элисон и услышит, что девушку пришлось оставить джедбургцам.

Внезапно волк предупреждающе зарычал. Анна замерла от испуга. Всадники с гоготом вынырнули из глубокого оврага, пролежавшего вдоль скалистого хребта. Дом лорда Баклеха стоял рядом с этими скалами. Оглушительно затрещали ружья, воздух заволокло дымом. Запахло порохом. Пони Анны жалобно заржал и рухнул, как подкошенный. Графиня бросила поводья и стрелой метнулась прочь.

Чьи-то руки в перчатках схватили ее за плечи и подняли в воздух. Зажатая меж двух всадников, она не сразу сдалась, ноги все будто еще бежали. Анна видела черные дула аркебуз, нацеленные на Джок, угольно-черного волка могли поразить только серебряные пули. Ухмыляющийся бородач в железном шлеме, похожем на чайник, посадил ее перед собой.

Все исчезло во мраке. На Анну набросили мешок. Через толстую ткань она чувствовала холод железа и тяжелое дыхание всадника, везшего ее. В темноте до нее доносились резкие голоса шотландцев, довольных ее унижением.

* * *

Я привел тебя в круг.
Теперь скажи, если можешь.

**Отрывок из обращения Уоллеса к шотландцам
перед битвой при Фалкирке в день св. Марии
Магдалины.**

Первая степень, вторая степень

Тюрьма, куда бросили Анну, находилась в высокой башне. В камере не было окон, только крестообразная прорезь в стене, а под ней каменный порожек. По сути, это была бойница. Щели в стене пересекались на уровне плеч, и, пристроившись с арбалетом или аркебузой, можно было вести огонь. Воздух и свет почти не проникали в это мрачное место. Анна подтащила соломенный тюфяк поближе к прорези. Там, за островерхими крышами Джедбурга, лежали поля и пастбища.

Только они, да еще кусочек неба, могли порадовать графиню и утешить ее. Дома, в которых суетились незнакомые люди, кривые, извилистые улицы совсем не привлекали ее. Анна никогда не любила большие города, особенно Лондон и Йорк. Она старалась не жить там подолгу. Отвратительные запахи, грязь и духота угнетали графиню Анну. Городские жители вызывали у нее неприязнь. Они появлялись, подобострастно кланяясь, расшаркивались, а за спиной насмешничали, думая, что она ничего не замечает. Анна предпочитала общаться с простыми крестьянами, что кормили ее, ухаживали за лошадьми, пели ей песни в Рождество, а попадая в нужду, смиренно просили помощи. Анна легко могла вообразить, что происходит в домах с остроконечными крышами. Наряженные в свои красновато-коричневые камзолы, зажиточные джедбургские горожане наверняка важно восседают за дощатыми столами, едят с оловянных тарелок жирных гусей, вскормленных кукурузой. Жены, подмастерья, ученики, слуги почитают каждого из них своим господином. Алчные, завистливые, они теперь пресмыкаются перед графом Сассексом, как некогда угодничали перед ее Томом. От всего Тевинотдейла остались обгоревшие замки да сожженные деревни, и только в Джедбурге царило кажущееся спокойствие. Это внешнее благополучие было оплачено жизнями многих англичан, которых расчетливые горожане выдали графу Сассекскому, попутно предав и своих братьев-шотландцев. Сейчас они наверняка перемывают ей кости и злословят, норовя обобрать до нитки, а потом выдать английской королеве.

Анна не завидовала их жалкому покою, чопорному самодовольству, безопасности, основанной на взятках и предательствах. Она презирала их добытые чужой кровью деньги и не желала их откормленных гусей с неизменной капустой, хотя ее-то скармливали горожане гусем и не потчевали: уделом Анны стали крапивные щи, в которых плавали хрящи и кусочки сала. Она забыла вкус настоящего хлеба и чистой воды. Узницу держали на скудном тюремном пайке, почти впроголодь. Если ее рацион не изменится, подумала Анна, скоро она так исхудает, что сможет ускользнуть через щели темницы. А там, как перышко, пролетит тридцать футов вниз, приземлится в давно пересохшем рву, перелезет через стену

и вновь окажется на свободе, и никакого выкупа им тогда не видать.

Она коротала время, воскрешая в памяти пиры, банкеты, вспоминая, что подавали на стол. В ее воображении проплывали нежные отбивные, зажаренные в желтке и посыпанные шафраном; телятина, кролики, куропатки, угри, шуки, павлины с сыром и вишнями.

Воспоминания немного разнообразили тоскливое существование Анны, но насытить не могли. От мыслей о будущем графиню охватывала глубокая тоска. Скорее всего ей предстоит поменять шотландскую тюрьму на английскую. Ее судьба — в руках Елизаветы. Муж томится в одном из здешних узилищ, и Елизавета с герцогом Ленноксом еще не договорились о цене его жизни. Его ждут топор как предателя или веревка, как вора. Однако теперешнее положение давало, как ни удивительно, своего рода свободу. Мысли о Джоке больше не мучали совесть, нечего бояться стать неверной женой. Анна с Томом теперь на равных. Вспоминая красавца Армстронга, меняющего свое обличье, Анна не сожалела более о том, что так неосмотрительно увлеклась им. Она думала о благородном воре и улыбалась; теперь она отгорожена от мира каменными стенами и соблазн ей не грозит. Жаль, что им не суждено больше свидеться!

Тяжелая дубовая дверь неожиданно распахнулась. Улыбка сошла с лица графини. На пороге стоял джедбургский священник, длинный, неумолимый, в сером суконном одеянии. Вид у него был зловещий. Из-за его спины выглядывал невысокий служка в очках с толстыми стеклами. Он производил впечатление образованного и хорошо воспитанного человека. За ними вошли стражники, неся огромный кожаный сундук. В нем что-то противно лязгнуло, когда его опустили на пол.

Анна вежливо поздоровалась с капитаном стражников; он всегда был любезен с графиней. Как-то один из тупоголовых охранников злобно пробормотал, явно рассчитывая, что его услышат:

— Одно слово, ведьма, и говорит-то не по-нашему.

Капитан с упреком одернул его:

— В таком случае Хьюм и Фаст Касл просто кишат ведьмами. Графиня всего лишь говорит по-английски.

С этими словами капитан поклонился Анне, извинившись перед ней за грубость своих подчиненных.

Натянуто улыбаясь, Анна кивнула в ответ на извинения. Ее охватил дикий безотчетный страх. Она услышала слово, наводящее ужас на всех узниц. *Ведьма!* Пусть его даже произнес всего лишь олух с куриными мозгами. У таких недоумков редко возникают собственные мысли. Чаще всего они повторяют чужие. Неужели ее и впрямь собираются обвинить в колдовстве?

Сначала священник представил себя и своего спутника в присущей ему грубой и резкой манере.

— Со мной вы уже знакомы. А это доктор Гесслер, он приехал из-за границы. Он несколько лет прожил в вашей стране.

Обнажив лысеющую голову, Гесслер на хорошем английском пояснил, что родился в Базеле, но большую часть жизни провел в Женеве и разных городах Германии.

— Я был в Лондоне, в Эссексе, но на севере впервые. По вашему выговору я понял, что вы из Северной Англии. Моя специальность — языки.

Анна ответила, что она — графиня Нортумберлендская, хотя

понимала, что теперь скорее зовется ею, чем является на деле.

— Однажды я проезжал Нортумберленд, прелестное место, весной там очень красиво, тепло, все вокруг зеленеет. — Гесслер и Анна улыбнулись друг другу. Нечего и говорить, что Нортумберленд казался раем в сравнении с убогой и нищей Шотландией с ее пронизывающими ветрами, не утихающими в любое время года.

Священник сурово оборвал этот обмен любезностями:

— Мы пришли не для того, чтобы обсуждать климат и красоты природы, а для того, чтобы судить эту женщину за содеянные ею преступления.

Анна впервые обратила внимание на священника и с достоинством возразила:

— Я не совершала никаких преступлений в Шотландии. Вы не имеете права предъявлять обвинения английской аристократке. Да, я мятежница, я выступила против своей королевы, но лишь она вправе судить меня, а не вы, — единственным оружием графини в этот момент была ее родовитость и то, что она англичанка.

Гесслер глянул на священника.

— Вы удовлетворены таким ответом?

— Совершенно неудовлетворен. По-моему, она такая же графиня, как я, но даже если она говорит правду, то мне наплевать. Меня не интересует английская блудница, будь она хоть трижды королевой. Меня интересуют преступления, совершенные этой, — священник ткнул в Анну пальцем, — женщиной в Шотландии.

Гесслер снял очки и стал задумчиво протирать стекла мягкой голубой тряпочкой. Водрузив их на место, он повернулся к Анне.

— Преподобный отец недоволен вашим ответом, поэтому нам придется приступить к первой степени.

— К первой степени? — удивленная Анна пыталась понять, что скрывается за этими словами.

— Совершенно верно. Я — Следователь Истины. Наука нашла способ безошибочно отделять правду от лжи. Я буду с вами откровенен и надеюсь, что могу ожидать того же и от вас. Первая степень состоит в том, что мы продемонстрируем вам наши орудия. Обычно их пускают в ход лишь на третьей степени.

— Какие орудия? — Анна попятилась к своей соломенной постели.

— Хорошо, что вы спросили об этом, — заметил доктор Гесслер, подтаскивая кожаный сундук поближе к графине. Анна недоуменно смотрела, как он щелкал замками и развязывал ремни, стягивающие сундук.

— Вот они, эти орудия. — Гесслер достал щипцы, посередине которых была натянута короткая струна. Она позволяла сводить и удерживать вместе острые концы. — Это щипцы, или клещи.

Дальше он извлек из глубин сундука с полдюжины разных тисков и тисочков, размером с палец.

— Извольте поглядеть на тиски. Мы называем их «Мигни разок», — заметил священник.

Оцепенев от ужаса, Анна смотрела, как маленький человечек один за другим выкладывает жуткую коллекцию, словно сумасшедший лудильщик выставляет напоказ свои изделия. Гвозди, иглы, шипастые железные проволоки... Казалось, этому никогда не придет конец. Анна забралась с ногами на тюфяк и прижалась спиной к выдолбленному в стене кресту,

желая отодвинуться как можно дальше от этих чудовищных железных игрушек. Каждая из них была предназначена для безжалостных пыток.

— Госпожа, вам нет нужды беспокоиться, — мягко произнес Гесслер. — Я же сказал, что только покажу их вам. Эти орудия не применяются вплоть до третьей степени. Представьте себе лестницу. А это ступени. Первая абсолютно безопасна. И никто не заставляет вас подниматься выше.

— Уберите это, — дрожащим голосом попросила Анна. Ветерок с воли охлаждал спину. — Вы не имеете права...

— Кстати, а вот и *сапожок*. — Гесслер достал железное подобие сапога, с винтами и клиньями. Он опустился на колени перед Анной. — Вам ничего не грозит до тех пор, пока вы стоите на первой ступени, то есть до тех пор, пока вы будете говорить нам правду и только правду.

— Я вам не лгу! — закричала графиня так, словно Гесслер стоял не рядом с ней, а где-то далеко-далеко.

— Я графиня Нортумберлендская. Вы можете получить за меня хороший выкуп, если я останусь цела и невредима.

Священника, похоже, рассмешили эти слова.

— В Шотландии строго чтут закон. Все равны перед ним. Ваше положение не спасет вас. В прошлом году лорда Лайона, главнокомандующего, сожгли как колдуна. А он, в отличие от вас, был шотландец и мужчина.

Гесслер одобрительно кивнул.

— Мне ведомо и большее. Я слышал, как женщины клялись и божились, что они беременны, что одержимы, что они монахини, некоторые даже сознавались, что они Майские королевы. Все это не имеет ровно никакого значения. Важно, почему вы оказались здесь.

— А почему я оказалась здесь? Что вы хотите этим сказать? — Анне казалось, что весь мир сосредоточился в каменных стенах темницы, и этот мир сошел с ума.

— Вам это должно быть известно лучше, чем нам, — примирительно сказал Гесслер. — Ну что же, откровенность за откровенность. Я честно предупредил вас, при первой степени эти орудия не применяются. Я честно предупредил, что это происходит только на третьей. Если вы не будете столь же честны с нами, вам придется их попробовать.

— Я не сделала ничего дурного. — Анна знала, что на ее совести много грехов, но ее мучителей не интересовало ни то, что она полюбила Джокя, ни то, что она бросила Элисон одну в лесу.

Маленькие глазки преподобного отца буравили ее с нескрываемым отвращением.

— Для начала можете признаться, что вы папистка.

— Меня с рождения воспитывали в этой вере. — Анна старалась побороть дрожь в голосе. — Меня учили, что в каждой женщине живет Пресвятая Дева, а в каждом мужчине — Иисус Христос, как в Папе Римском, так и в вас. — В последних словах прозвучал плохо скрытый вызов. Анна скорее допускала, что и в священника, и в Гесслера вселился Дьявол.

— Это заявление пахнет ересью. Ваш Папа Римский отправлял на костер и за меньшее.

— Тогда передайте мое дело в Рим. Сэкономите на дровах.

Священник возмущенно хмыкнул и приказал послать за писарем.

Анна повторила свой протест и в его присутствии. Писарь послушно

занес все на пергамент и удалился. Но Анну это не успокоило.

Гесслер вновь посмотрел на священника.

— Теперь вы удовлетворены?

— Нет.

Следователь Истины принялся упаковывать свои жуткие орудия.

— Тогда придется перейти ко второй степени.

Не сказав больше ни слова, оба вышли.

Анна тяжело перевела дух. Она до смерти перепугалась, что ей сейчас придется испытать на себе адский реквизит Гесслера. Они специально затеяли этот спектакль, чтобы помучить ее. А теперь тянули время, еще больше запугивая. Надо сказать, что они в этом преуспели. Анна не знала, какой станет вторая степень, и больше всего хотела сейчас вернуться к первой. Гнев и негодование померкли перед разъедающим душу ужасом.

Она судорожно пыталась сообразить, каких признаний ждут от нее мучители. Их не интересует ни ее знатность, ни выкуп, который за нее можно получить. Безумие, настоящее безумие! Они не стали разбираться с настоящими преступниками, а вместо этого запретили петь и плясать жителям Тевиотдейла, полагая, что борются с ересью. Лучше бы эти хваленые государственные мужи занялись раболопными подданными графа Сассекса и английской королевы.

Что же ей им сказать? Как бывает в подобных случаях, у ее обвинителей нет никаких сколько-нибудь серьезных улик и доказательств ее преступления. Они могут лишь догадываться, что она участвовала в праздновании Бельтана. Они, правда, и сами были в лесу, когда проходили ритуальные танцы, сами видели, как справляют обряды, они выследили ее возле дома Баклеха. Сказать, что она была лишь сторонним наблюдателем? Нет, она не осмелится. Стоит только допустить малейшую оплошность, сознаться в малом, как они вытянут из нее все. И тогда ей прямая дорога на костер. Они извратят любое ее слово и будут мучить и пытаться до тех пор, пока не вырвут у нее признание, что она ведьма, летает на помеле и ест маленьких детей. Анна решила ничего не говорить. Лучше пытки, чем костер. Нечего сказать, горько подумала графиня, богатый выбор.

Заслышав шаги, Анна в страхе посмотрела на дверь. Тяжелый засов со скрежетом отодвинулся, дубовая дверь приоткрылась, и в камеру втолкнули Элисон.

У Анны вырвался вздох облегчения. Слава Богу, жива! Раскаяние мучило Анну с того самого момента, как она ускакала на лошади, оставив свою служанку лежать одну на сырой земле.

Элисон стояла с опущенной головой, прядь волос скрывала ее лицо, она явно избегала встречаться с Анной взглядом.

Графиня ласково подозвала к себе девушку, и та, неловко, как-то боком, подошла поближе. От ее некогда белого платья остались одни лохмотья. Элисон была так трогательна в своем смущении, что Анна с трудом сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Чувство вины с новой силой охватило ее.

— Прости меня, прости, — только и смогла еле слышно выговорить графиня.

Элисон подняла голову. Стыд и раскаяние были написаны на ее лице. Внезапно она разразилась бурными рыданиями. В слезах она бросилась Анне на грудь, сбивчиво умоляя графиню тоже простить ее. Анна гладила

девушку по голове, пытаюсь успокоить ее и уверяя, что та ни в чем не виновата.

— Нет, нет, я знаю, я поступила гадко, — глотая слезы, лепетала Элисон, — но я не могла выдать им свою мать.

— Ты все сделала правильно. — Анна чувствовала себя очень глупо. Она не понимала, в чем раскаивается Элисон, и утешала ее, как маленькую провинившуюся девочку.

— Они хотели, чтобы я назвала всех, но я не могла выдать маму, — Элисон плакала все горше и горше. До Анны начал доходить страшный смысл ее слов.

— Я назвала им Джока.

— Это не страшно, Джок может за себя постоять, — сказала Анна, а про себя добавила, «не то что мы». Она представила, как Гесслер показывает Джоку свои дьявольские железные игрушки. Да волколак просто-напросто бросился бы на этого мозгляка и вырвал у него все внутренности. Он не стал бы раздумывать, а поступил бы, как обыкновенный голодный волк.

— Я назвала вас, — прошептала Элисон, прижавшись к Анне еще крепче.

Графиня продолжала рассеянно гладить девушку по спине. Она все поняла. К чужестранцам на границе относились хорошо, особенно к гостям, но они всегда оставались чужими. Своя кровь всегда своя кровь, особенно когда речь идет о жизни и смерти. К тому же Элисон, должно быть, помнила, что Джок и Анна бежали, оставив ее одну. О чем она думала, уснув в майскую ночь и наутро очутившись в джедбургской тюрьме? Да и кто не дрогнет перед угрозой зверских истязаний и пыток? Нет, бремя вины целиком лежит на Анне, ей и держать за все ответ. Она бежала из страны, спасаясь от возмездия. Преданных и верных ей людей секли, вешали, им отрубали головы. Нельзя допустить, чтобы из-за нее пострадали ни в чем не повинные шотландцы.

— Госпожа, я сказала, что вы ведьма.

— Это уже не имеет значения. — Анна призвала на помощь всю свою выдержку и решительность. Настал роковой миг. Анне показалось, что она чувствует потрескивание горящих сучьев и слышит запах паленого. Теперь ее обвинят в колдовстве. У них есть свидетель. Ей придется как-то опровергнуть слова Элисон. Не графиня будет давать показания против своей служанки, а подозреваемая против свидетеля. Ее единственное спасение было в том, чтобы как можно убедительнее доказать свою невиновность.

— А Джок придет за нами? Он ведь все может.

Анна горько усмехнулась.

— Да, *sans peur et sans reproche*, — мягко, с чувством сказала она. Пред лицом страданий и смерти ни к чему было сердиться на Джока. Лучше уж высказать свое восхищение.

— Что вы сказали? — Элисон никогда не слышала французской речи. Анна ласково взъерошила спутанные волосы девушки.

— Я сказала, что Джок — рыцарь без страха и упрека. Конечно, он придет. Если сможет.

Будь Джок хоть трижды оборотень, он не сможет проникнуть в каменную башню, неусыпно охраняемую свирепыми джедбургскими мясниками. Но почему Элисон спросила об этом?

Дверь снова отворилась. На этот раз на пороге стоял Гесслер. Он был

не один. С ним пришли священник и пара дюжих охранников. Элисон задрожала и теснее прижалась к Анне, отвернув лицо от вошедших.

— При второй степени вам предстоит познакомиться с тем, на что способны наши орудия. — Следователь Истины говорил вежливо и предупредительно.

— Убирайтесь! — крикнула Анна.

Гесслер сделал знак своим подручным.

— Займитесь девчонкой.

Положив на пол топоры, охранники оторвали сопротивляющуюся Элисон от графини. Гесслер подошел к девушке и приподнял подол ее платья. Рука Анны непроизвольно взметнулась ко рту, словно желая предупредить непрошенный вопль ужаса. Вместо пальцев ног она увидела искалеченные обрубки, покрытые черной запекшейся кровью.

— А теперь покажи руки, — скомандовал Гесслер. Элисон протянула одну руку, придерживая другой разодранное платье. Гесслер схватил девушку за запястье. Анна отвернулась, закрыв лицо руками. С нее было довольно. Она не хотела видеть, что еще они сделали с Элисон. Анна вспомнила, какой грацией и изяществом были исполнены движения девушки, когда та кружилась в танце.

Не открывая глаз, Анна почувствовала на себе взгляд Гесслера.

— Вторая степень существует исключительно для вашего блага, чтобы вы воочию могли изведать, каковы наши орудия на деле. Многие не верят в них, пока не испробуют на собственном опыте. — Гесслер, казалось, удивлялся, насколько глупы и безрассудны могут быть люди.

* * *

Мы играли вам на свирели,
И вы не плясали.

Евангелие от Матфея, XI, 17

Легкая смерть

Посреди ночи Анну разбудили. Настало время третьей степени.

Руки в грубых рукавицах крепко встряхнули ее, прогнав остатки сна. Серые люди в серых стеганых одеждах рывком поставили ее на ноги и вывели из камеры. Ночь дышала ужасом. Яркий свет факелов слепил ей глаза, Анна то и дело спотыкалась, спускаясь вниз по винтовой лестнице. За факелами плясала Ночь. Молчаливые провожатые избегали смотреть на Анну. Она поняла, куда ее ведут. Все доводы, которые она собиралась представить в свою защиту, рухнули, как картонный домик. Уверенность покинула ее, сменившись опустошенностью и ужасом. Ее положение было безнадежным. Ничто на свете не могло ее спасти.

Сердце графини ожесточалось с каждым шагом. Круг жизни подошел к своему завершению. Ее часы сочтены. Она восстала против своей королевы. Под ее знаменами шли на смерть. Это была не война армий, а война людей. Она чувствовала поддержку узников, брошенных в темницы королевскими наемниками, она слышала последние напутствия тех, кто умирал с ее именем и именем Пресвятой Девы на устах. Анна видела, как ее люди шли в бой, она познала горечь и унижение отступления. Теперь настал ее час. Но последнее ее сражение будет проходить не на поле

битвы, она будет стоять в темном, мрачном сыром подземелье, безоружная, незащищенная, брошенная всеми, перед безжалостными неумолимыми палачами. Она ничего не скажет им, и ее приговорят к сожжению на костре.

Долгий, нескончаемый спуск, казалось, вел в Ад. Каменные стены сочились влагой, тяжелый спертый воздух забивал легкие. Вскоре они добрались до самого нижнего подвала, где когда-то хранилось зерно. Пол был выложен каменными плитами. Посредине виднелась деревянная крышка люка. Тюремщики отвалили ее, подтолкнули Анну к отверстию и приказали спускаться вниз.

Прогнившие ступеньки вели в смрадную черную дыру, из которой поднимался влажный удушливый пар. Острия пик то и дело утыкались Анне в спину, потирая ее. Из отдушин веяло холодом. В дрожащем пламени свечей и багровых отсветах раскаленного угля внизу проступали фигуры священника и Гесслера. Они были словно дьяволы, правящие в сотворенном ими небольшом собственном Аду. Тихо ойкнув, Анна остановилась, как вкопанная. С низкого потолка свисало, раскачиваясь, чье-то обнаженное тело. Руки человека были туго стянуты у запястий толстыми ремнями, наголо обритая голова безвольно перекачивалась на груди. Анна узнала преподобного Макнаба, любимого и уважаемого горцами. Она вцепилась в деревянные перила и отступила на шаг. Острие пики больно кольнуло ее в спину. Назад дороги не было. Анна с трудом отвела глаза от искалеченного бесчувственного тела и, еле передвигая ноги, стала спускаться дальше.

Графиню трясло, как в лихорадке. Она стояла, уставившись в утоптаный множеством ног черный земляной пол. Анна начала беззвучно молиться Пресвятой Деве Марии, ей было страшно.

«Пречистая Дева, спаси и сохрани, не оставляй меня одну, я не вынесу этих мук».

Кто-то грубо схватил Анну за платье, одним движением разорвав его на спине. Анна судорожно прижала платье к груди. Она ужаснулась, представив, что ее, как и Макнаба, разденут догола.

— Посадите ее на кресло, — раздался голос Гесслера.

Тюремщики молча подвели ее к жутко проступавшему в полумраке высокому железному креслу и усадили, пристегнув за талию, запястья и лодыжки кожаными ремнями. Сиденье оказалось холодным, как лед, и Анна испугалась, что ее обнаженное тело примерзнет к нему.

Гесслер сделал знак своим подручным, чтобы те удалились. Боже, что замыслил этот дьявол во плоти, если он отослал своих подручных, которых не испугаешь видом крови?

— Это Кресло Ведьм, — пояснил Гесслер. Он волоком подтащил жаровню к месту, где сидела Анна. Под сиденьем обнаружился железный ящик с крышкой.

— Сюда бросают уголь и дрова. Огонь можно разжечь слабее или сильнее, как потребуется.

«О, Дева Мария, помоги, я совсем одна и должна молчать!»

— А с этим сапожком вы уже знакомы, — привычным движением Гесслер надел Анне на левую ногу сапог и защелкнул металлические замки на бедре и у лодыжки.

«О, Дева Мария, помоги, заступись, замкни мне уста!»

В сапог воткнули клин, больно расцарапав кожу и прищемив голень. Анна стиснула зубы, но не закричала и не заплакала. Лучше это, чем

гореть заживо.

— Сначала мы работаем с мелкими суставами. — Гесслер достал тиски. Винты резко и пронзительно заскрежетали, когда он закрепил их у Анны на пальцах ног. Железо больно впилося в нежную кожу. Повернув голову, Анна изо всех сил вцепилась зубами в плечо, чтобы одной болью заглушить другую. Затаив дыхание, она хотела одного — поскорей потерять сознание, провалиться в черную бездну, где нет ни боли, ни страданий. Но сознание не покидало ее, легкие требовали воздуха, тело боролось за каждый вздох.

Когда тиски сомкнулись на другом пальце, раздался хруст, Анна не смогла сдержать истошный вопль.

— Прекрасно, — довольным тоном отметил Гесслер. — Наконец-то вы соизволили нарушить молчание. Честные ответы избавят вас от дальнейших мучений.

Грудь Анны тяжело вздымалась.

— Если бы я была ведьмой, неужели вы думаете, что смогли бы безнаказанно издеваться надо мной?

— Здесь не место для споров. Дискуссия вряд ли пойдет вам на пользу. Нам нужна от вас правда, и только правда. — Гесслер потянулся к следующему пальцу.

— Правда? — Анну мутило, у нее начиналась истерика. — Да вы понятия не имеете, что такое правда!

— Ну почему же, — снисходительно ответил Гесслер. — Вот вы находитесь здесь — это ведь правда, не так ли? — Тут он внезапно схватил ее за волосы, принуждая взглянуть, что случилось с ее ногой. Анна крепко зажмурилась, представляя ногу прежней, изящной и легкой.

«Пусть изувечат, лишь бы не сожгли!»

На минуту воцарилась тишина, и Гесслер спросил мягким вкрадчивым голосом:

— Анна, вы боитесь, что вас сожгут?

Интересно, есть ли хоть один человек, что не боялся бы этого? Анна почувствовала, что Гесслер опустился рядом с ней на колени.

— Так вы молчите, опасаясь, что вас сожгут как ведьму? — в его голосе звучало сочувствие и понимание.

Анна облизнула пересохшие губы и крепко стиснула зубы, чтобы ни звуком не выдать себя. Стоит ей произнести хоть слово, как ее привяжут к столбу, и вокруг нее взорвется яростное пламя. Лязг железа прервал ее мысли.

Гесслер не спеша подкладывал сухие ветки и прутья в ящик под креслом. Анна рванулась, но ремни держали крепко. Ее опалило жаром углей, брошенных Гесслером поверх поленьев.

— Вот и костер, которого вы так боялись. И потушить его может только правда.

Анна задыхалась, пот застилал глаза.

«Боже, неужели я должна погибнуть?»

В голове всплыли слова песни, их звонко выводил чистый высокий голос.

«Ты — дерево сухое для моего огня... Анна, не бойся костра...»

Не бояться? Но разве можно не бояться, когда так больно жжет?

Среди багровой тьмы в глазах Анны танцевала Мария.

«Не отвергай меня...»

— Я признаюсь, — судорожно выдохнула Анна.

— Признаетесь в чем?

— Я — ведьма. — Раскаленное железо жгло так, что терпеть больше не было сил.

— Слава Богу, наконец-то мы слышим правду. — Анна узнала голос священника.

— Господи, я же призналась, уберите огонь!

Гесслер плеснул на Анну холодной водой. Угли зашипели.

— Вот видите, насколько лучше говорить правду. Позовите писаря.

Анна открыла глаза. От железного кресла поднимался пар. В застланных слезами глазах голый почерневший Макнаб напоминал чудовищную пародию на распятие. Анна перевела взгляд на промокший подол.

«Мария, неужели это правда? Неужели я ведьма? Моя плоть не вынесла боли, мне пришлось сознаться в том, чего никогда не было, чтобы прекратить мучения...»

Страх исчез. Ему на смену пришли опустошение и безысходность. Она сама вынесла себе приговор.

Писарь оказался бледным, испуганным мальчишкой, в его дрожащих руках шелестел пергамент. Анна повторила свое признание, и мальчишка послушно записал ее слова.

— Скажите, какие преступления вы совершили, будучи ведьмой?

Анна поглядела на свои колени.

— Я сказала, что я ведьма. Или это само по себе не преступление?

— Мы должны знать все, — возразил священник.

Какие им нужны преступления? Анне ничего не приходило в голову.

— Вы сознаётесь, что пытались отравить священника, — пришел ей на помощь Гесслер, — превратив у него во рту вино в некую отвратительную сверхъестественную субстанцию?

— Кровь естественна и не отвратительна.

— Это была не кровь. И вы еще смеете отрицать, что хотели отравить меня? — взвизгнул священник.

— Я не смею ничего отрицать.

— Запишите, что она отравила меня. Вы были на Черной Мессе в канун Мая?

— Это была не месса. Там не было священника. — Анна посмотрела туда, где висел распятый Макнаб. Теперь она поняла, как они нашли место, где проходил майский обряд, как добрались до дома Баклеха. До чего изуродовали Макнаба!

— Вы ходили на языческие проповеди этого еретика?

Анна сказала, что ходила. Мальчишка-писарь аккуратно занес все даты и дни недели.

— Были ли там, кроме вас, еще ведьмы?

— Не знаю, кровь Ячменного Джона опьянила меня.

— Запишите, что она пила кровь. — Мальчишка торопливо заносил все показания. — А теперь назовите нам имена.

Анна опять подняла глаза на Макнаба, явственно представив себе страшную участь выданных ею людей. Она без запинки назвала своего деверя Гарри. В свое время Гарри отнял у Тома графство. Анна назвала алчного горбуна Дарси, эрла Сассекского, словом, всех, кто предал ее. Назвала она и Елизавету.

— Королева Елизавета?

— Да. Ведь я английская графиня. Колдовству я научилась на родине,

а не в Шотландии. Королева Англии — главная ведьма, она устраивает шабаши в кругу придворных дам.

— Нас этим не удивить. Правление женщин всегда богомерзко. Но нам нужны другие, шотландские имена, назовите нам шотландских ведьм.

— Может, попробовать сапожок? — задумчиво произнес Гесслер.

— Нет, нет! Я сознаюсь! Я все расскажу. — Гесслер уже подкручивал винт. Было слышно, как в руках у писаря дрожит пергамент. И опять этот невыносимый скрежет... Ногу сдавило, потом пришла боль.

— Шотландские имена!

— Проповедник Макнаб, — через силу выдавила Анна. Все равно его уже не спасти.

— Не смейте дерзить! — Тиски раздирали мышцы на части, в мире не осталось ничего, кроме боли.

— Зачем вы покрываете девчонку? Она же сама призналась во всем, донесла на вас, у нас есть ее показания, — услужливо подсказал Гесслер.

Железо скрежетало, все сильнее сдавливая кость. Издалека доносился голос Марии: «Танцуй, Анна, не стой на месте!»

— Да, это Элисон! Мы были там с ней вместе. Она тоже ведьма! — Анна почти ничего не видела и не соображала от боли.

— А что вам известно о ее матери?

«О Боже! Кость вот-вот треснет!»

— Не поминай имя Господа всуе, проклятая ведьма! Так как насчет Доброй Матушки Скотт? И не вздумай дерзить, а то мы сломаем тебе ногу!

— Нет, Матушка здесь ни при чем! — Анна лихорадочно подыскивала подходящее имя. Пришло в голову только одно.

— Джок Армстронг из Сайда. Это он превратил вино в кровь! Сжальтесь, я ничего от вас не скрываю!

При упоминании имени Джокса священник всем телом подался вперед и заговорил, медленно отчеканивая каждое слово.

— Девушка Элисон Скотт призналась, что она блудодействовала с дьяволом, известным под именем Джокса Армстронга из Сайда. Вы тоже предавались похоти и разврату с вышеозначенным дьяволом?

— Нет. — Анна покачала головой, и сразу поняла, что ответила неправильно. — Моя нога!.. Да, да, предавалась!

— И на что это похоже?

— Что похоже? — До Анны не сразу дошел смысл вопроса.

— Ощущали вы жар или холод, когда совокуплялись с дьяволом?

— Боже!

Гесслер вдруг отпустил винты. Анна бессильно поникла в кресле. Сквозь боль до нее доносилась перебранка между священником и Гесслером.

— Почему вы прекратили допрос?

— Она созналась во всем, показала на остальных. Этого достаточно, чтобы десять раз отправить ее на костер.

— Нет, здесь дело в принципе. Она блудодействовала с дьяволом.

— Я помогаю правосудию, а средства должны соответствовать целям. Дайте мне предписание, где говорилось бы о необходимости выяснения размеров дьявольского члена, и я добьюсь точных признаний от этих женщин. Но до той поры я прекращаю допрос.

Процесс шел быстро, приговор был известен заранее. Судьи говорили

только по-шотландски. Анна достаточно хорошо освоила язык и поняла, что ей предоставлено право отказаться от своих показаний. Отказ от показаний означал лишь новые пытки, а потом все равно костер. Анна решила миновать уже пройденную ступень, и, гордо подняв голову, во всеуслышание повторила, что признает себя ведьмой. Она испытывала горькое удовлетворение от того, что ничем не связана с этими жалкими подлыми людишками. Злобно глянув на нее, они наложили на нее проклятие за дьявольскую гордыню и присудили вывести на рыночную площадь и сжечь живьем у позорного столба.

Приговор не отличался ни новизной, ни изобретательностью. Но Анна чувствовала подспудное удовольствие судей. Сильный всегда прав.

Суд внес некоторое разнообразие в монотонное существование Анны. Она целыми днями лежала ничком в своей камере, чувствуя, как понемногу уходит боль из ее измученного тела. Нога заживала медленно — ведь Анну почти не кормили. Да, ее правая нога уже никогда не станет прежней. Один палец оторван, остальные безнадежно изувечены. Анна заставляла себя ходить, скрипя зубами от боли. Она не хотела, чтобы ее несли, на костер она взойдет сама. Судьи пообещали ей последнюю прогулку. Правда, недолгую — от дверей тюрьмы на телеге повезут прямо на рыночную площадь, где и казнят.

Площадь Анна видела каждый день через крест своего окна. Виселица, лавки, позорный столб. Теперь поражение было полным. Боль принудила Анну оболгать саму себя, предать тех, кто был дорог ей, и тех, кто любил ее. Осталось сделать последний шаг. Понести последнее наказание.

Она то сходила с ума от страха, то лежала совершенно безучастная ко всему, равнодушно дожидая последние дни и часы. Анна чутко улавливала все шорохи, вслушиваясь в тишину ночи, солнечный свет дарил ее последними лучами. Облака, как бы прощаясь с ней, проплывали мимо креста окна.

Когда Анна пыталась шевелить искалеченными пальцами, затихающая боль снова усиливалась. Гесслер соединил ее душу с телом. Ей пришлось поступиться душой, чтобы облегчить телесные муки, но скоро душа покинет свою оболочку, оставив брэнную плоть корчиться в языках пламени. Анна не боялась, что после сожжения от нее ничего не останется. С детства ей внушали мысль о бессмертии души. Костер не пугал Анну. Но она оплакивала безвременное расставание с жизнью, пытаясь в песнях излить свою скорбь.

С веселой толпою
К Матери вступишь ты
Тихой росой
Май окропил цветы.

Вечером перед казнью ее одиночество нарушило появление прыщавого юнца, читавшего проповедь с амвона новой церкви. Он ничуть не изменился, что поразило Анну. Ей-то казалось, что с памятного воскресенья накануне Майского дня и ночи прошла целая вечность.

Что ему надо? Прочитать ей очередную лекцию о развращенности Рима или обсудить красоты соборной архитектуры? Неужели он не понимает, что здесь не место и не время для этого? Юнец принялся рассуждать об обновленной религии и торжестве науки над

предрассудками и суевериями. Вера основывается на разуме и логике, самозабвенно вещал он, размахивая руками. Найден новый подход к прочтению Писания. Наконец, как завещано пророками, люди будут снова почитать в Боге воплощение разума и справедливости.

Анна вполуха слушала эту высокопарную околесицу, но потом не выдержала и прервала не по годам рыного мальчишку:

— Замолчите! Мне дорога каждая минута. Я не намерена тратить отпущенное мне драгоценное время на вашу болтовню. Ваши разумные и справедливые ждут не дождутся утра, чтобы обложить меня вязанками хвороста и поджечь их. Что может предложить мне ваша хваленая церковь?

Священник слегка смутился. Он явно не ожидал столь резкого отпора.

— Боюсь, что ваша церковь руководствуется не здравым смыслом и логикой, о которой вы так красиво говорили, а исключительно собственной выгодой. Допустим, я приму вашу религию. Что меня ждет дальше? Завтрак у престола Господня после сожжения? Что вы можете мне предложить, кроме крапивной похлебки?

Лицо проповедника посветлело.

— Я хочу убедить вас в том, что эти абсурдные фантазии всего лишь папистские суеверия. Никто на земле не может обещать вам, что вы попадете на небеса. Все в руках Божьих, и нам, смертным, не дано права изменять волю Его. Я понимаю, учение — это сурово, но разумно. Вспомните о распятом разбойнике. Он не получил ни крещения, ни причастия, Господь пообещал ему...

— Вы распяли разбойника... Если сам Господь мирится с этим, то зачем вы докучаете мне ненужными разговорами? Что вам еще от меня надо?

Неугомонный оратор не сразу унялся.

— Перейдите в нашу веру, и хотя мы не обещаем вам места на небесах, но на земле вас не сожгут.

— Не сожгут? — Анне показалось, что она ослышалась. Ее пальцы впились в соломенный тюфяк, ноги свело от напряжения. Что он говорит, почему ходит вокруг да около самого главного?

— Вы, паписты, считаете, что душа очищается, проходя сквозь огонь. Но сожжение — это не очищение, а жестокое наказание. Стоит вам только отречься от старой веры и склонить голову перед Новой Церковью, и вас незачем будет посылать на костер за колдовство.

Мысли дико заплясали у нее в голове. Неужели надо было так мучить ее, не сказав сразу, чего от нее хотят?

— Что я должна сказать?

— О, важны не слова, а ваши чувства. Помолитесь со мной. Вернитесь в лоно церкви, пока у вас еще есть время.

— Что значит «пока есть время»?

— Вы должны понести заслуженное наказание за содеянное вами зло. Вы пытались отравить священника, вы вступили в сговор с дьяволом. За это вас ждет казнь, но куда более милосердная, чем сожжение. Вас повесят. Это быстрая и легкая смерть, — радостно произнес прыщавый проповедник.

Анна издала протяжный стон.

— Повешение значительно более разумный способ наказания. Костер — это так ужасно!

— Заткнитесь! — закричала Анна. Она вскочила и топнула ногой, позабыв об искалеченных пальцах. — Замолчите, а иначе я окончательно сойду с ума! Если ваша Церковь может предложить мне только танец в петле за преступления, которых я не совершала, то лучше я останусь со своими предрассудками. Последнюю ночь я хочу побыть одна, если сие будет сочтено разумным.

— Разве вы не пытались отравить священника?

— Никто его не травил, а иначе этот болтливый дурак давно был бы мертв.

— Правда это или нет, уже решил суд. Это дело судьи, а не проповедника.

— Судьи и палача. — Анна приподняла подол платья и показала изуродованные ступни. — Я в полной мере извела шотландское правосудие.

Она повернулась к свету так, чтобы он мог видеть ожоги на ногах.

— Так что избавьте меня от рассуждений об ужасах сожжения. Мне преподали хороший урок.

Проповедник испугался и попросил ее опустить платье. Она ведет себя неразумно. Женщины вообще живут чувствами и не упускают ни малейшей возможности выставить свои прелести напоказ, выговорил он ей.

Анна набросилась на него, как дикая кошка, и выгнала из камеры. Ее трясло от бешенства и отчаяния. Этот мальчишка, еще не познавший страданий, на краткий миг пробудил в ней надежду, и тут же растоптал ее. Еще долго она ковыляла по камере от стены к стене, стараясь не ступать на больную ногу, и приходила в себя от визита непрошеного гостя. Мало-помалу ярость стихла и на смену ей пришла черная тоска. Анна опустилась на колени перед бойницей, похожей на распятие.

В непроглядной ночи тускло мерцали звезды. Лунные тени покрывали каменный пол. Анна сложила руки на груди и всем сердцем обратилась к Деве Марии. Она изгнала гнев из самых сокровенных глубин своей души и воплотила свой страх в молитву. Она вопрошала Святую Деву, хочет ли Та, чтобы Анна приняла мученичество.

Ей не было ответа. Анна безнадежно уронила голову на грудь, ее пальцы устало застыли на холодном камне.

Неожиданно тишину прорезал тоскливый зовущий вой одинокого волка. Анна встрепелась и напряженно вслушалась в темноту.

— Джок, это ты?

За острыми крышами уснувших домов простирались безмолвные черные поля. Внезапно на рыночной площади, залитой лунным светом, между длинных рядов виселиц промелькнула волчья тень. Волк вышел на середину площади, прямо под башню и, сев на задние лапы, задрал голову и уставился желтыми немигающими глазами вверх, туда, где томилась Анна.

— Джок, это ты?

Волк завыл глухо и протяжно, вой проникал сквозь мрачные стены темницы. Раздалось хлопанье птичьих крыльев. На узкий каменный выступ села голубка.

От неожиданности Анна отшатнулась.

Голубка внимательно изучала Анну круглым птичьим глазом, похожим на бусину, потом слетела в камеру и приблизилась к тюфяку. Она вырастала с каждым мгновением. Крылья трепетали, превращаясь в

белые одежды. Перед Анной предстала закутанная в белоснежное покрывало высокая стройная девушка. Ее полудетский взор казался неистовым, да и сама она напоминала подростка. Воздушное прозрачное покрывало не прятало ее красивого сильного тела, но нагота не смущала Марию. И печаль и радость были написаны на ее лице.

Анна собралась с духом и повторила вопрос, не дающий ей покоя.

— Мария, ты хочешь моей смерти?

Сердце отчаянно билось, страшась услышать ответ.

«Анна, люди смертны, рано или поздно они должны обратиться в пепел и прах, из которого вышли».

— Но почему я должна умереть сегодня на рассвете и почему такой страшной смертью?

«Не все ли равно, когда и как ты встретишь Смерть, раз ты отказалась танцевать со мной?»

Мария плавно повернулась на носках и снова стала Майской Девой Зеленого Леса, беспечно отплясывающей среди бездомных и отверженных.

— Танцевать?

«Анна, тебя звали, но ты не пошла в круг. Ты противилась Огню».

— Боже, светает, близится утро. Как скоро... — Анна зябко передернула плечами. Как смела она беспокоить Бессмертную Деву неведомыми той горестями и страхами обыкновенных людей? Жизнь среди шотландцев научила Анну Нортумберлендскую, что она такой же человек, как и все.

Лицо Девы смягчилось.

«Анна, неужели ты полагаешь, что мое сердце не обливается кровью, когда страдают и гибнут мои дети? Неужели думаешь ты, что лицо мое не было мокро от слез, когда сына моего прибивали гвоздями к кресту? Когда сжигали моих дочерей? Танцуй! Танцуй сейчас! Это лучшее время, другого не будет».

Анна с усилием поднялась с пола, одной рукой держась за стену. Каждое движение резкой болью отдавалось в теле. Мария затрепетала и вновь превратилась в голубку. Анна благоговейно смотрела, как она начала танцевать на кресте, нарисованным лунным светом на каменных плитах пола.

Танец становился все стремительней, он набирал силу, крылья описывали в воздухе круги, голубка переступала мелкими шажками, кивала, гибко и упруго скручивая и раскручивая бесконечную спираль танца. Анна знала этот танец. Она видела его узор в мозаике полов в кафедральных соборах, в лабиринтах, устроенных для увеселения, и в старинных орнаментах, вырезанных по кости и камню. Она видела этот танец в канун Мая. Бесконечная спираль смерти и возрождения. Внутрь земного лона и из материнского лона к свету.

Анна стала осторожно повторять движения Девы-голубки. Виток за витком, внутрь и наружу, она медленно кружилась по камере. Спираль начала сужаться, Анна отняла руку от стены. Мелодия волынки, в которой радость сливалась с печалью, проникала под мрачные своды башни, осеняла крест-бойницу и звала за собой. Звук то поднимался ввысь, то затихал, мотив выводил в воздухе священные витки.

Стараясь кружиться на левой ноге и едва опираясь на правую, Анна неотступно следовала за голубкой. Голубка сложила крылья, и Анна убрала руки за спину, вспомнив, как кружилась Элисон на зеленой траве

у разрушенной старой церкви.

Боль стихла, ноги сами несли Анну, она самозабвенно проникала все дальше и дальше в лабиринт, не помня уже о костре и смерти. Страхи остались позади, ее тело двигалось, оно жило, душа пела. Близился рассвет. Силы покинули графиню. Она упала на солому и заснула под убаюкивающие звуки музыки. Голубка вылетела в каменную щель, расправила крылья и унеслась навстречу огненным лучам солнца. Анна сквозь дрему пробормотала слова прощания и погрузилась в глубокий, без сновидений, сон.

Наутро, когда в камеру явились стражники, им пришлось долго расталкивать ее. Открыв заспанные глаза, Анна увидела над собой их раздраженные лица — этим мужланам никогда не доводилось видеть, чтобы приговоренный к казни спал так безмятежно.

Анна привела себя в порядок, отряхнув солому с платья и пригладив волосы, давно не знавшие расчески, а затем ей связали руки.

— Одна морока с этими ведьмами, — пробурчал кто-то из стражников.

Ее свели вниз на мощный внутренний двор, где уже ждала запряженная телега с Элисон и телом Макнаба. Связанные руки не дали женщинам обняться. Анна поцеловала Элисон и сказала, как хорошо, что можно наконец-то распрощаться с темницей. Дрожа от рассветного холода, в одной замызганной белой рубаше до пят, Элисон слабо улыбнулась в ответ.

— Тебе являлась Мария? — спросила Анна.

Девушка покачала головой.

— Ах да, конечно, ты ведь знаешь этот танец.

Элисон посмотрела на Анну, как на помешанную, но та, словно не заметив этого, придвинулась ближе, чтобы их связанные руки могли встретиться.

— Иди сюда и держи меня за руку, пока мы будем разговаривать.

Анна почувствовала прикосновение к ладони. Станным было это касание, Анна не сразу поняла, что на руке Элисон недостает двух пальцев.

Телега медленно тронулась с места и загромыкала по булыжнику, потом по доскам подъемного моста. Женщины стояли, тесно прижавшись друг к другу, не разнимая рук, глаза в глаза. Анне приходилось напрягать голос, чтобы стук колес не заглушал ее слов. Она не видела ничего вокруг, кроме тусклой, вымученной улыбки обескровленных девичьих губ. Рука Элисон была влажной, несмотря на утреннюю прохладу. Так они выехали на площадь.

Тело Макнаба сняли и привязали к столбу. Джедбургский священник влез на телегу, держа в руках веревку.

Анна отвернулась, впервые заметив угрюмые лица толпы. В глазах людей на площади любопытство мешалось со стыдом, горожане оставили свои теплые постели, оторвались от утренних трудов, дабы поглядеть, как двух женщин сожгут живьем.

Но кое-кто спозаранку уже неплохо поработал: дрова и вязанки хвороста лежали наготове у столбов, чтобы огонь горел жарче. Священник из Джедбурга последний раз попытался разочаровать толпу. Он предложил Элисон веревку, которую в народе называли «легкой смертью». Если она отречется от своего колдовства и станет молить Церковь даровать ей прощение, ее повесят перед тем, как сжечь.

Элисон что-то зашептала, Анна напрягла слух, чтобы разобрать ее

слова Девушка стояла с опущенными глазами, с трудом разлепляя запекшиеся губы Священник наклонился к ней поближе и приказал говорить громко и ясно, а иначе ей не миновать костра Элисон что было сил плюнула ему в лицо.

Священник отскочил, как ошпаренный Анна расхохоталась. Он посмотрел на приговоренную, будто она его ограбила. Затем утерся и повернулся к Анне, теребя свою веревку.

Продолжая смеяться, Анна начала свой танец. Она крутнулась на здоровой ноге, взметнув солому, устилавшую телегу, и поймала взгляд Элисон. Ошарашенная девушка вначале смотрела непонимающе, затем тоже стала медленно двигаться. Сперва Элисон топталась на месте, будто проверяя себя. Но постепенно принаоровилась к ритму Анны, и обе женщины, смеясь, закружились в танце. Будто телега была их сценой, и кроме нее в целом мире ничто не существовало.

Со стороны коновязи, где были оставлены лошади толпившихся на площади людей, раздалось пронзительное пение волынки.

Лицо священника перекосила безумная гримаса. Ноги его задергались в такт музыке. Он неуклюже взмахивал руками, не выпуская из них пеньковой веревки, вовлеченный в круговерть танца на телеге. Магическая сила танца завороживала всех собравшихся. Подмастерья лихо отплясывали со своими хозяевами. Стража побросала топоры и пустилась в обнимку — самые догадливые подхватили подвернувшихся джедбургских теток.

Музыка звучала все громче и пронзительней.

Расталкивая возбужденную, позабывшую обо всем на свете толпу, к телеге пробирался всадник. Еще две лошади шли в поводу. Джок Армстронг длинным клинком перерезал веревки, удерживавшие тело Макнаба, и одной рукой перекинул его через седло. Подведя пони к телеге, Джок просунул лезвие в щель сбоку и перерезал путы, связывающие обеих женщин.

Анна помогла Элисон взобраться в седло и сама села верхом. Раздувая щеки, Джок играл все громче. Жители Джедбурга словно обезумели. Они прыгали, кружились, вертелись, кто во что горазд. Одевание священника широко развевалось, шляпа давно слетела, по лицу градом струились крупные капли пота.

Пони спокойно миновали разгуливающую толпу и понесли всадников через спящие поля. Анна не сводила с Джок влюбленных глаз. Ей подумалось, что на сей раз не танцевал-то сам Джок.

Аллен Стил Затерявшиеся в торговых рядах⁸

«Затерявшиеся в торговых рядах» — первая публикация Аллена Стила в F&SF. Аллен писал короткие фантастические рассказы для «Science Fiction Age» и «Isaac Asimov's Science Fiction Magazine», ряда антологий. Он опубликовал шесть романов. Седьмой, «Повторение Иерихона», выходит в издательстве «Ace» в 1994 году.

По словам Аллена, идея рассказа, предлагаемого вашему

вниманию, пришла к нему после того посещения кибернетической лаборатории в Остине (штат Техас), где он увидел генерированный компьютером «торговый ряд».

На следующий день после того, как Ребекка Ди-Майола потерялась в торговых рядах, Джо Басс вылетел утренним самолетом «Трансуорлд Эйр Лайнз» из Бостона в Сент-Луис. Можно бы, конечно, разыскать ее и не покидая штаб-квартиры корпорации «Кибер-Сервис» в Фрамингеме, но он предпочитал действовать иначе. Особенно если дело касалось детей; ребята обычно слишком несговорчивы, чтобы легко сдаться, и Басс интуитивно хотел сначала увидеть Ребекку, прежде чем начинать отыскивать.

Главный торговый представитель их компании в Сент-Луисе встретил Басса у ворот, когда самолет прибыл в международный аэропорт Ламберт. Это был крупный малый со среднего Запада с обязательными для торговца усами, его рот работал будто от солнечных батарей. Почти молча проводив Басса до автостоянки, стоило захлопнуться дверце, он начал говорить непрерывно — быстро, нервно бубня и не слушая собеседника, словно жаркое летнее солнце зарядило энергией его голосовые связки:

— Мы не знаем, как это могло произойти... в семье есть все обычные предохранительные файлы, для устранения случайных ошибок... отец девочки ввел в систему часовой таймер, но вы знаете теперешних ребят, они способны натворить что угодно, оставь вы их на время без присмотра...

— Да уж, — произнес Басс. Он рассеянно поглаживал алюминиевый кейс с портативной системой, лежавший у него на коленях. Компьютер Джо не выпускал из рук с самого самолета, даже когда торгпред укладывал его дорожную сумку в багажник.

— Ох-ох... я слышал, вы подловили моего сына пару лет назад, когда он выгружал бета-тестовые игрушки из одного Ай-Би-Эма... отстранили парня от компьютера на шесть месяцев, проучили как следует... но вот что странно, там не появилось ничего нового, кроме пары кроссовок от «Атлет'с Фут», и это в первые пятнадцать минут при вхождении... она не сделала ничего с тех пор... эй, хотите сигарету?

— Нет, — ответил Басс. — Не курю.

Он наблюдал за потоком транспорта по внутренней полосе. Бассу не приходилось бывать в Сент-Луисе, который, впрочем, сильно смахивает на Цинциннати, Миннеаполис, Кливленд, Хьюстон, Лос-Анджелес, да на любой город, куда прежде его посылал «Кибер-Сервис»: крутые выезды, ведущие к загородным пряничным домикам и к деловым округам на пригорках, электронные рекламные щиты и задавленные зверушки на обочинах магистрали.

— Вы правы... мне бы и самому бросить... распечатка первоначального поиска находится на заднем сидении, если хотите взглянуть... конечно, вам эта программа, наверно, знакома... у нас тут не возникнет проблем с копами, а?.. Я имею в виду, ведь все мы следуем служебным инструкциям, исполняем просьбы заказчиков... да, знаете, я сочувствую тому, что произошло с этой малышкой, но нас не обвинят, если что не так, правда?.. Ну, я прикупил пару билетов на бейсбол сегодня вечером на стадионе Буш, так что если захотите развлечься... места прямо за основной базой, и Метсы в городе, в общем, может быть, захватим парочку пивка и...

Джо оторвался от проплывающего мимо пейзажа и взглянул на торгпреда. С момента встречи в аэропорту торговый агент назвал свое имя, по крайней мере, трижды, но Басс никак не мог его припомнить. У агента под мышками на майке расплылись два больших потных пятна, он трепался слишком много, пытался увильнуть от любого проступка, реального или мнимого, возможного в такой ситуации; таково было впечатление Басса о нем. Имя значения не имело.

— Сделайте одолжение, — сказал Басс. — Заткнитесь и молчите, пока не доедете до места. О'кей?

Лицо агента покраснело, губы под усами а'ля Берт Рейнолдс задрожали, но по крайней мере он перестал болтать. Уставился прямо перед собой и нажал на газ, «форд» рванул сквозь ряды автомобилей, а Басс мысленно еще раз подвел итоги известному, на случай, если дела обернутся не лучшим образом. Затем удобно откинулся назад и закрыл глаза, наслаждаясь пусть напряженной, но тишиной внутри машины.

Скоро он увидит Ребекку. Вот тогда и начнется работа.

Резиденция Ди-Майола находилась в Клейтоне, одном из самых респектабельных районов пригорода Сент-Луиса: большие дома на маленьких участках, выстроенные опрятными улицами вокруг магазинчиков, стильных ресторанов и скверов. У всех особняков внутренний двор в полгектара в тени дубов и вязов; там парковались последние модели «БМВ», «мазды» и «вольво», как на подбор цвета беж, красные или пепельно-серые. По тротуару спортивным шагом вперевалку шествовала парочка дам среднего возраста в ярких тренировочных костюмах, сморщенные лица защищены солнечными козырьками. Басс насчитал по крайней мере три встречных машины с копами, полицейские вертолеты постоянно рыскали в лазурном небе. Американский апартеид: городские боевые зоны в северном округе, где копы вели войну с темнокожими уличными бандитами каждую ночь, были расположены совершенно в ином временном измерении. Здесь единственный в поле зрения афроамериканец жарится на летнем солнцепеке, толкая косилку по чужому газону.

Агент свернул к двухэтажному дому в неокOLONиальном стиле; казалось, он бы не прочь войти внутрь, но Джо не собирался позволять ему выйти из машины. Напротив, Басс взял свой кейс и выбрейся из «форда», попросив торгпреда подбросить чемодан в гостиницу — когда закончит, он вызовет такси. Агенту явно полегчало; он пролепетал на прощание что-то из разговорника начинающих коммивояжеров — «ни пуха», «всего хорошего» или «удачи, парень» — пока Басс захлопывал дверь. Джо подождал, пока его «форд», вырвав с дорожки, скроется из вида, потом развернулся и шагнул к двери.

Нажимая на кнопку звонка, он услышал знакомое рокотание скрытой камеры, поворачивающейся, чтобы сфокусироваться на нем. Он не оглядывался и не двигался, просто стоял перед дверью, всматриваясь в архаичное медное дверное кольцо. Через несколько секунд электронный замок зажужжал, дверь открылась изнутри.

Женщина, открывшая на звонок, выглядела молодой версией тех двух, которых он видел пару минут назад: стройная крашеная блондинка, аристократичная только с первого взгляда, ее увядающая сорокалетняя красота была словно с косметических прилавков «Лорд-энд-Тейлор», официальные манеры казались следствием полуночного чтения из «Мисс

Маннерс». Дама была одета в ярко-оранжевый спортивный костюм — очевидно, это излюбленная униформа домохозяек Клейтона — она совсем не улыбалась, выглядывая в полуоткрытую дверь; секунду разглядывала Басса прежде, чем заговорить.

— О! — Женщина изобразила вежливое удивление. — Должно быть, вы из компьютерной компании.

Будто дверная телекамера еще не достаточно хорошо осмотрела Джо Басса. Легко представить себе, каким она его видела: маленький толстый человечек с убывающей шевелюрой и растущим брюшком, одетый в расхожий деловой костюм от Дж. К. Пенни и старые башмаки «Сирз». Совершенно не клейтоновский субъект.

— Да, мэм, — ответил он. — Джозеф Басс, Корпорация «Кибер-Сервис». Джо поставил на дорожку свой компьютер, достал пакет с карточками из внутреннего кармана кейса и протянул одну из визиток:

— Я хотел бы видеть Ребекку Ди-Майола.

— Понятно... — Дама взяла карточку и взглянула на нее, сравнивая голограмму с его физиономией. Когда она опять подняла глаза, прищуренный взгляд метнулся куда-то в пространство за спиной Басса, проверяя, не наблюдает ли кто за ними с тротуара за газоном. Потом спрятала визитку в карман, еще немного приоткрыла дверь и отступила, пропуская его:

— Пожалуйста, входите, мистер Басс.

— Спасибо, мэм.

Он вытер башмаки о дверной коврик — с узорной надписью «Ди-Майола» и вышитой золотой охотничьей собакой, сидящей на деревенском лужку, затем вошел в переднюю. Все сплошь мрамор, фарфор, ирландское стекло и бразильское красное дерево, нигде ни пылинки. Чудесный дом.

— Вы, наверное...

— Миссис Ди-Майола. Эвангелина Ди-Майола. — Она протянула руку ладонью вниз; Басс поставил свой дипломат и пожал ее. Кожа ее ладони была мягкая и гладкая: ей не приходилось держать ничего тяжелее теннисной ракетки. Рукопожатие вышло недолгим и формальным.

— Я рада, что вы смогли так скоро приехать, мистер... как, вы сказали, ваше имя?

— Басс. Джозеф Басс.

Она слегка улыбнулась, затем осторожно захлопнула дверь у него за спиной.

— Дома ли мистер Ди-Майола?

Ее улыбка угасла, женщина отступила назад, сложив руки вместе.

— Мужа нет в городе, он в Японии по делам. Он...

Ее взгляд перебрался на пол, изучая индийский ковер под ногами, она что-то пробормотала.

— Прошу прощения, миссис Ди-Майола, — сказал Басс. — Не понял.

Эвангелина Ди-Майола снова подняла глаза, в них мелькнула мольба.

— Муж не знает, что случилось с Ребеккой, — повторила она. — Он не звонил уже два или три дня. Я не хотела, чтобы он узнал, иначе...

И вновь ее голос дрогнул, а взгляд ушел в сторону.

— Он бы расстроился? — закончил Басс.

— Да. Расстроился. — Миссис Ди-Майола глубоко вздохнула и на минуту прикрыла глаза, пытаясь собраться. Когда она снова взглянула на Басса, ее взгляд снова стал твердым и прямым. — Когда я говорила по

телефону с кем-то из вашей компании, они сказали, что пришлют кого-то на помощь, но я, кажется, не все поняла. Вы не могли бы объяснить, что вы будете делать, мистер Басс? — Она немного нахмурилась. — Вы, наверное, техник?

Похоже, Эвангелина равняла его со слесарем или электриком.

— Я консультант компании, — пояснил Басс. — Психолог-кибернетик... вроде компьютерного сыщика.

— А... понимаю. — Эвангелина Ди-Майола пыталась выглядеть умудренной, и в то же время, казалось, слово «сыщик» озадачило ее. Бассу стало интересно, сколько она сама потратила на лечение стресса, спуская по сотне долларов в час на высококлассных психотерапевтов.

— Если вас интересует мой опыт, — продолжил он, — последние три года я работаю в «Кибер-Сервисе», улаживая ситуации наподобие вашей.

И вновь она слегка нахмурилась.

— Прежде я занимался исследованиями в лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском технологическом институте, потом получил степень доктора по психологии у Вандербилта и занимался клиническими опытами в Баптистской больнице в Нэшвилле. Я также консультировал в «Ай-Би-Эм» и «Тошиба», и...

— О'кей. Я поняла. — Миссис Ди-Майола нетерпеливо взмахнула рукой. — Я хочу только знать, можете вы привести в порядок мою дочь?

Не «помочь». Не «вылечить». Даже не «поговорить»... она сказала «привести в порядок», словно речь шла о стиральной машине с поломанным мотором или об автомобиле с некстати прорвавшейся радиаторной прокладкой. Эвангелина Ди-Майола заметила свою промашку, едва вымолвив те слова; сквозь макияж от Эсти Лаудер было заметно, как покраснело ее лицо. Но взгляд тут же сделался вызывающим, предостерегая Джо от не относящихся к делу выводов. Здесь он мастер, прибывший для починки системы, которая вышла из строя вопреки гарантийным обязательствам.

Что, впрочем, было правдой.

Джо ничего не сказал; просто ждал продолжения. Ему и прежде приходилось бывать в такой ситуации: он знал, что она сейчас скажет, словно этот диалог был заранее подготовлен в виде схемы или логической диаграммы.

— Я хочу... — начала Эвангелина Ди-Майола, потом остановилась, чтобы пересмотреть свои слова. — Я хотела бы, чтобы вы нашли мою дочь. — Глубокий вздох. — Нашли и попытались заставить ее снова заговорить со мной.

Басс все еще не отвечал. Он ждал одного слова, которое хотел услышать от Эвангелины Ди-Майола.

Она знала, чего он хочет; ее губы слегка дрогнули:

— Пожалуйста, — едва прошептала она.

— Конечно, миссис Ди-Майола, — сказал Джо. Затем поднял свой дипломат и сошел с коврика. Проникновение в ее чудесный дом было маленькой победой, и Джо позволил себе легкую улыбку в качестве утешительного приза:

— Будьте любезны, проводите меня к ней...

Эвангелина Ди-Майола провела его через холл с канделябрами на первом этаже, вверх по винтовой широкой лестнице на второй этаж, но прежде, чем отправиться на поиски Ребекки, Басс попросил показать ему

комнату девочки. Эвангелина задумалась на секунду, затем молча кивнула и проводила Джо в спальню рядом с лестницей.

Ребекка Ди-Майола прожила свои первые пятнадцать лет не бедно. Она спала на королевского размера кровати с пологом, покрытой голубым покрывалом, где разместился широкий ассортимент плюшевых зверюшек. У девочки был собственный телевизор с повышенной четкостью изображения, укомплектованный Сега-боксом и кабельным переключателем; на ее столе был компьютер «Эппл Мак-III» и видеофон; в кабинете стояла стереосистема для лазерных дисков. Плакаты с рок-идолами и юными телезвездами были прикреплены кнопками к белоснежным стенам, в открытом гардеробе была развешана новая одежда: шелковые праздничные платья, стильная школьная форма, спортивные свитера и джинсы «Ливайс-502». На книжной полке у ее кровати всякая всячина: школьная классика, голые красотки Китти Келли, комиксы в броских обложках; сверху виднелась стеклянная банка, полная монет, в основном пяти- и десятицентовиков.

— Видите ли, Ребекка единственный ребенок, — объясняла ее мать Бассу, стоявшему в раздумье посреди комнаты. — У нее еще должен был быть младший брат, но... в общем, произошел несчастный случай, и теперь малышка у нас осталась одна.

— Малышка, — выдохнул он.

Чудесное слово.

Басс перешел к туалетному столику. Сверху под стеклом десятка два фотографий, с младенческих лет и кончая недавними снимками. Он остановился, чтобы взглянуть на них. Ребекка была живой, сияющей маленькой девочкой, много где побывавшей и много чего перепробовавшей. Вот она катается на пони в летнем лагере в Озарке. Здесь играет с прибором на Мауи. Позирует с гидом-бифитером у ворот Букингемского дворца, смотрит в огромный телескоп в обсерватории, стоит на голове перед Белым Домом — всегда с улыбкой машет рукой, полная детской радости. Принцесса из Миссури.

— Наверное, мы ее слишком баловали. — Голос матери доносился откуда-то из-за его спины. — Она получала все, чего ей хотелось. Хотя это портило ребенка, но... Боже, если есть деньги, почему бы и нет? По крайней мере она не то, что ее подруга Роза... родители которой были хиппи и воспитывали свою дочь в жуткой коммуне в Теннесси, где все ели только неочищенный рис и тофу...

Но что-то менялось, пока Ребекка росла; Басс заметил это по последним фотографиям. По мере перехода из детства в девичество улыбка Ребекки постепенно угасала, перерастая в какое-то угрюмое удивление. Она утратила свою кукольную грациозность и поправилась, затем опять вытянулась. Ее грудь заметно развилась: когда девочке было тринадцать, она прятала ее под мешковатые свитера, но двумя годами позже Ребекка сменила их на узкие кофточки зимой и облегающие футболки летом. Она поменяла цвет волос со светлых на темные и обратно на светлые, отпустив их до плеч. И перестала ездить на Гавайи, в Англию и в Вашингтон: большинство последних фотографий сделаны у кого-то в гостях.

— Мы пытались послать Ребекку в закрытую школу, — продолжала Эвангелина Ди-Майола. — Но не прошло и двух месяцев, как ее исключили. Мы отдали девочку в Кантри Дей... хорошая школа, лучшая в городе... но и тогда ее оценки не улучшились. И мне не нравились... вы

понимаете, подростки другого типа, с которыми она связалась. Из южной части города, вы знаете...

На двух старых фотографиях можно было узнать молодую женщину, Эвангелину Ди-Майола, довольно беззаботную, но ни на одном из снимков не было человека, которого можно было бы назвать отцом девочки. Девушкой Ребекка стала появляться на фотографиях все больше одна, словно просила кого-то сфотографировать ее или включала фото-таймер, чтобы снять не особенно четкий собственный портрет. На одном снимке она забавляется с птичкой перед камерой; на другом — сидит на своей кровати, лишь в лифчике и трусиках, на коленях у нее склянка с солодовым ликером. На этой картинке она скорее пьяный призрак, чем принцесса.

— Как она занялась компьютерами? — спросил Басс.

— Гм?.. А, компьютеры, — Эвангелина Ди-Майола очнулась.

— Когда дочери было лет девять-десять, кажется... отец купил ей, после того, как она использовала его собственный для работы над школьным проектом в четвертом классе. С тех пор у нее свой.

Ее уверенный тон вернулся, хотя к нему подмешивалось плохо скрытое смущение.

— У малышки неплохо получалось с компьютерами, Бог знает, отчего. Думаю, в ее возрасте я вряд ли понимала, что такое... скажем, Интел-686, или восемьдесят мега-чего-то. Зачем это знать маленькой девочке?..

— Когда вы с мужем приобрели у нас систему ВР, миссис Ди-Майола?

Она замолкла и уставилась на него. Когда Эвангелина заговорила вновь, голос был таким же ледяным, как ее глаза.

— Около шести месяцев назад, мистер Басс, — произнесла она. — Тогда-то мистер Ди-Майола переделал запасную спальню в...

Она проглотила конец фразы и снова нахмурилась.

— В компьютерную комнату, — закончил Басс.

— Да. В компьютерную. Вон там, через зал. — Губы Эвангелины превратились в узкую линию губной помады. — Дональд... мой муж... подарил ее девочке на Рождество в прошлом году. Она перепробовала разные программы... игры, путешествия и многое другое... но по-настоящему привязалась к вашей Виртуальной Галерее. Очень скоро это стало ее единственным занятием дома. Полное погружение в торговые ряды. — Глаза женщины сузились, она пристально взглянула на Басса:

— Это все еще покрывается гарантией, как вам известно. Я проверила, прежде чем позвонить в вашу компанию. Помимо стоимости авиаперелета, не думаю, что мы вам должны...

— Нет, не должны. — Басс отвернулся от туалетного столика, от заброшенной мозаики Ребеккиной жизни. Он пошел к двери, избегая смотреть в лицо ее матери:

— Все будет указано при финальном расчете. Теперь, может быть, проводите меня к вашей дочери...

Он был готов отправиться по магазинам.

Компьютерная комната была расположена как раз через зал напротив спальни Ребекки; видимо, изначально это помещение планировалось как детская для так и не родившегося маленького брата. Стены и потолок комнаты были покрыты мягким пенопластом поверх магнитных сенсоров; если здесь прежде и были окна, теперь они заложены и совсем не видны под покрытием. Мебель почти отсутствовала

за исключением единственного кожаного кресла около встроенного в правую стену терминала ВР.

Оснащенная звукоизоляцией и кондиционером, чистая и без запахов, компьютерная комната походила на палату для буйнопомешанных.

Ребекка Ди-Майола сидела скрестив ноги на покрытом ковром полу напротив пустого кресла. Руки ее, в дата-перчатках, потерянно покоились на коленях, и, если бы не опущенные плечи и согнутый позвоночник, могло показаться, что девочка погружена в дзен-медитацию. Но Ребекка выглядела такой изнуренной, словно, пройдя несколько миль через жаркую пустыню, она достигла оазиса, а тот высох.

Джо медленно обошел девочку вокруг, изучая ее. Большая часть лица Ребекки была спрятана под черным шлемом, который покрывал почти всю голову — видно лишь нос, губы, длинные светлые волосы, спадающие из-под него сзади. Оранжевый дата-костюм из спандекса, обычно облегающий человека как вторая кожа, теперь висел на груди и плечах — Ребекка была очень худенькой девушкой, — лишенный выражения рот привлек внимание Басса.

Он присел на корточки, вглядываясь в непроницаемую маску ее лица.

— Ребекка, — позвал Басс. — Ты слышишь меня?

— Бесполезно, — тут же произнесла ее мать из дверного проема у Басса за спиной. — Я пыталась говорить с ней, просила ее, кричала на нее, но она не...

Джо яростно глянул через плечо на Эвангелину Ди-Майола: женщина сразу замолчала. Его взгляд поднялся на терминал ВР; по зеленым лампочкам на панели он понял, что комната все еще в работе.

— Вы не пробовали отключить ее? — спросил он тихо. — Вы не нажимали эту кнопку и не перезагружали компьютер, вообще, не пытались прервать связь?

На секунду выражение лица миссис Ди-Майола стало враждебным:

— Разумеется, нет! — вспыхнула она. — Вы что, думаете, я не в своем уме? Я могу не знать многих вещей об этом, мистер Басс, но я читала газетные истории. Я знаю, что может произойти с человеком в результате этого... как вы там называете его, ВР-шока... когда внезапно отключают. Я умею читать, знаете ли...

Басс молча смотрел на Эвангелину Ди-Майола, пока голос ее не затих. Она оперлась о дверную раму, оказавшись неожиданно много старше, чем то допускали тщеславие и косметика. Наконец, впервые с тех пор как Джо вошел в ее дом, миссис Ди-Майола выглядела испуганной женщиной средних лет, пытающейся понять нечто такое, чего ее изнеженная, защищенная жизнь прежде никогда не давала ей почувствовать.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Сделайте что-нибудь, ради моего ребенка.

Басс отвернулся от нее к недвижному, пустому лицу Ребекки. Господи помоги, скольких ребят он видел такими? Гарри в Хьюстоне, пресмыкающийся на золотых горах в норе Смауга, затерявшийся в фэнтези Толкиена. Крисси в Миннеаполисе, стоявшая на краю неправдоподобно высокого утеса на Ганимеде, созерцая восход Юпитера над ледяным горизонтом. Дэвид, бедный Дэвид, сидевший скрестив ноги, как и Ребекка, заключенный в черную беспросветную пустоту, в такой тоске, что единственным спасением было отключить его, вычеркнув из его дальнейшей жизни опыт семнадцати лет.

А потом были Джофф, и Ахим, и Майк, и Доротея, и Джейн...

Сперва, только начиная работу в «Кибер-Сервисе», он считал их трагической аномалией, уродливыми случайностями, попадающимися время от времени. Но теперь, пару лет спустя, Джо знал, что не будет недостатка в ребекках, и он устал от них. Столько боли из-за ничего, запас сочувствия уже исчерпан. Во всяком случае, это будет его последняя работа для компании. Пусть теперь ответственность перейдет к другому. Джо Басс устал.

Она будет последней, думал Басс, отлично сознавая, что уже не первый раз дает такое обещание самому себе.

Джо глубоко вдохнул и медленно выдохнул, не отрывая глаз от лица Ребекки.

— Пожалуйста, оставьте нас, — сказал он напоследок. — Мы с ней должны побыть одни, с Ребеккой, это ненадолго.

Ее мать колебалась. На минуту Бассу показалось, что она собирается с ним спорить, но затем услышал, как закрылась дверь. Джо остался наедине с девочкой.

Басс открыл свой чемоданчик и приготовился к прогулке. Его технические приспособления были в рабочем состоянии, без прикрас для клиентов и рекламы оборудования ВР: дата-перчатки по руке. «Снупи-шлем» со встроенными наушниками и микрофоном, тяжелые очки, подключенные шнурами к портативному компьютеру в кейсе, надежно защищенному мягкими прокладками. У Джо был моток ленты, чтобы прикрепить тонкие чувствительные датчики к рукам и ногам; еще одним проводом он подсоединился к терминалу компьютерной комнаты; Басс включил быструю проверку систем, чтобы убедиться в том, что соединение достаточно прочное и программа телеприсутствия загрузилась. Затем он отправился в Виртуальную Галерею.

Джо Басс стоял между уровнями огромного крытого торгового центра. Лучи летнего солнца проходили сквозь стеклянный потолок, отбрасывая неестественные, слишком резкие тени от скамеек, деревьев в кадках, постмодернистских скульптур. Над широкими дверными проемами и навесами искусственных магазинов именами тысяч корпораций ярко сверкали вывески, уходящие в бесконечность. «Тимекс», «Волденбукс», «Дж. Кру», «Банана Рипаблик», «Бэббидж», «Элиот Мьюзик», «Виктория Сикрет», «Гэп», «Тойз'Р Ас», «Холлмарк», «Брукс Бразерз»... бескрайний коридор различных вкусов и интересов; шабаш потребления, трехмерные фантомы свободного предпринимательства.

Но Виртуальная Галерея была совершенно пуста, несмотря на манящие яркие огни и зазывно выложенные товары. Через торговые ряды обычно шагают созданные компьютером существа — взрослые, подростки, маленькие дети — чтобы создать иллюзию, будто магазины посещает много народу. Можно даже выбрать функцию, которая позволяет посетителю видеть других абонентов «Кибер-Сервиса», подключившихся к Галерее: житель Сан-Франциско вполне может отправиться за покупками с приятелем, живущим в Бостоне.

И здесь были готовы к употреблению обе возможности, хотя Ребекка, очевидно, их отключила. Это был плохой знак. Басс взглянул на ряд сигналов меню на красной панели в верхней части поля зрения — ВЫБОР, ПРОСМОТР, КРЕДИТ, ПОКУПКА, ПОМОЩЬ и ВЫХОД — и поднял правую руку, указывая на точку ПОМОЩЬ. На экране появилось полное меню,

объясняющее возможности торговых служб. Он коснулся пометки ДРУГОЕ, открывая второе окно в верху списка, затем произнес вслух:

— Прибыла служба безопасности «Кибер-Сервис». Басс, Джозеф Питер, код Танго Мери Ромео три-ноль-восемь-шесть-девять, дополнительный шесть-девять-восемь.

Другое окно в серебряной рамке и помеченное ТОЛЬКО ОСОБЫЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛИ легло поверх первых двух. Он поставил палец на строку СЛЕД ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ.

— Ди-Майола, Ребекка, — сказал он. — Номер счета шесть-три-шесть-восемь-один-девять-ноль-ноль-один-семь-два-пять-три, срок действия два-штрих-девять-девять. Выполняйте, пожалуйста.

Появилась ответная строка в нижней части поля зрения, частично заполнившая пол: СЛЕДОВ НЕ НАЙДЕНО. ПРИОРИТЕТ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЯВЛЕН 6-12-94 15:47.

— Отмена приоритета, — сказал он. — Ищите обратный след.

Ответная строка изменилась немедленно:

ПРИОРИТЕТ ОТМЕНЕН. ОБРАТНОГО СЛЕДА К РЕБЕККЕ ДИ-МАЙОЛА НЕ ОТМЕЧЕНО.

— Черт, — выругался Басс. Он боялся этого. Торгпред не врал, Ребекке удалось разгадать коды безопасности, которые предохраняли непосвященных от пользования кодами перемещения в Виртуальной Галерее. Так иногда случалось, когда какой-нибудь начинающий киберпанк с головой погружался в магазинную стихию, пользуясь чужим расчетным счетом. Но теперь Ребекка преодолела приоритет отслеживающей системы рядов, которая позволяла киберсыщику наподобие Джо определять перемещения субъекта в Виртуальной Галерее. Затем, еще более ухудшая положение, девочка дала компьютеру команду стереть возвратный файл движения.

Неважно это выглядело. Басс закрыл серебряное окно, затем вызвал меню, перечисляющее приобретения Ребекки за последнее вхождение и строку ее оставшегося кредита; как ему пояснил торгпред, до своего исчезновения она приобрела лишь пару кроссовок от «Атлет Фут». Напоследок Басс вызвал окно ПРОСМОТР, выяснил, кстати, что ботинки эти были парой дорогих мужских «Найков» десятого размера. Торговый заказ говорил, что они должны быть отправлены Дональду Ди-Майола по адресу его офиса в Сент-Луисе.

Нет, это не сулит ничего хорошего. Единственной покупкой Ребекки в Галерее оказалась пара кроссовок для ее отца, которые пошлют в офис, а не домой... потом девочка исчезла, приказав тщательно стереть следы позади.

Послание было тоньше банальной записки самоубийцы, но намерение было столь же очевидным.

Остался лишь один способ найти ее. Басс закрыл меню, сделал глубокий вдох и начал свою длинную прогулку через торговые ряды.

Поиск Ребекки Ди-Майола занял много часов. Даже топтание на месте, на реальном полу компьютерной комнаты, имитирующее бесконечные переходы по Галерее через торговые ряды, было весьма утомительным. Дважды Басс присаживался отдохнуть; на второй раз он снял ботинки и помассировал гудящие ступни, а потом шагал дальше в одних носках.

Он не снимал шлема и очков — это значило вывести себя из

телеприсутствия, а ему этого не хотелось. Он должен держаться внутри ребеккиного мира, этой бесстыдной и безграничной подростковой вселенной с поддельными лавками, фальшивыми водяными скульптурами и цифровыми деревьями. Без удобной подсказки электронного следа его единственной надеждой было продержаться на ходу.

Раз Джо уловил звук открывающейся двери компьютерной комнаты и почувствовал присутствие Эвангелины Ди-Майола позади себя. Он ничего не сказал и несколькими секундами спустя услышал, как дверь снова захлопнулась.

Когда Гарри сбежал в ролевую игру, то, поиграв в загадки с Голлумом, Джо смог получить намек, куда ушел мальчик, и наконец обнаружил его в драконовой пещере. Поиск Гарри оказался простым, поскольку разыскивавший его был знаком с «Хоббитом» Толкиена. В случае с Ребеккой не было извращенных подземных жителей, которые бы дали жизненно важную информацию. Все, что он мог сделать, — это следовать беспричинному, банальному течению потребительства.

Не то чтобы у него совсем не было подсказок. Басс побывал в ее спальне, видел вещи, которые Ребекка собирала в реальной жизни. То были лишь догадки, но они помогали точнее сфокусировать поиск.

У нее на кровати валялись плюшевые зверушки, поэтому Джо посещал игрушечные магазины и прошелся по длинным пустым коридорам мимо полок с пластмассовыми пистолетами, играми и куклами, пока не нашел секцию, в которой были Винни-Пухи и Микки-Маусы, кролики Багз-Банни и сотня разновидностей медвежат. Не обнаружив там девушки, Джо перешел из «Тойз'Р Ас» в магазин подростковой одежды напротив, где прошагал через ряды праздничных юбок, спортивных костюмов и трикотажа, пока не осталось ничего, что можно было бы еще посмотреть. Далее Басс прошелся до ближайшего музыкального магазина — третьего по счету с того момента, как он вошел в торговые ряды — заглянул внутрь и побродил среди ларьков с компакт-дисками последних хитов новейших групп; когда Ребекки и там не оказалось, Джо покинул «Дешевые пластинки» и пошел дальше, ожидая, пока что-нибудь не привлечет внимания.

Трюк состоял в том, чтобы думать как тинейджер, поэтому Басс игнорировал более изящную и консервативную одежду, а заодно и места, где предлагали репродукции картин или предметы для дома. Джо пропустил «Музеум Стор», «Л. Л. Бин» и «Буш-энд-Ломб», поскольку там вряд ли нашлось бы что-либо достойное фантазий пятнадцатилетней девочки. Но в то же время он должен был помнить, что она была одинока и умна — девочка, которая провела большую часть своих лет сама с собой. Ребекка разбиралась в компьютерах и новейшей электронике, поэтому Джо зашел в «Радио Шэк» и магазин «Эй-Ти-Энд-Ти». Ее занимала фотография, и он побывал там, где продают камеры. Так, через торговые ряды, Басс прошел десятки магазинов, отвечавших этим требованиям, выбирая наугад места вроде «Волгрин» и «Спенсер Гифтс», на случай, если она вдруг забрела туда.

К тому же Джо Басс помнил, что на полке над кроватью Ребекки было много книг. Девочка любила читать, и он заходил в каждый книжный магазин на своем пути — «Волденбукс», «Б. Дальтон», «Брентано», — пока ровно через четыре часа тридцать семь минут после начала поиска догадки не подтвердились; Джо Басс в конце концов нашел Ребекку Ди-Майола.

Она оказалась в дальнем углу «Марк Букс», в детской секции. Как и в реальной жизни, ее ВР-образ сидел скрестив ноги на полу, но это была единственная связь с реальностью. Теледвойник Ребекки был гораздо красивее: фигура полнее, волосы более длинные и волнистые. На ней была старомодная полосатая юбка, которая делала девочку немного похожей на повзрослевшую Алису из повестей Льюиса Кэрролла. Невинность волшебной сказки сочеталась с воззрением некоторых подростковых журналов на физическое совершенство — и это было маской, как у ее матери маской был макияж и манерность «высокой моды».

Ребекка устала сидеть на ряд книжек доктора Сьюза с приключениями придуманных зверушек, руки были сложены на коленях. Узнав ее, Басс сразу же скрылся за одним из стеллажей, чтобы девочка не заметила его. Джо вызвал окно безопасности и активировал слежение в реальном масштабе времени, на случай, если она попытается бежать. И тогда вышел из-за стеллажа.

— Ребекка? — спросил он. — Ребекка Ди-Майола?

Его голос заметно испугал девочку: недвижимое лицо дрогнуло, в то же время она попыталась встать, руки поднялись с колен, чтобы опереться о пол. Но реальное тело пережило долгие сутки без пищи и сна; Ребекка была слишком слаба, чтобы бежать. Она навзничь упала на пол магазина.

— Эй, — вежливо произнес он. — Осторожнее, здесь тоже можно пораниться.

Басс сделал шаг вперед, протягивая руки, чтобы помочь ей, но Ребекка отшатнулась, избегая его.

— Кто вы? — спросила она. — Что вы здесь делаете?

Хотя лицо компьютерного двойника Ребекки было лишено выражения, голос, профильтрованный электроникой через его наушники, все же был оттенен страхом и злобой. Басс осознавал, каким Ребекка видит его; телеобраз был почти тот же, каков он сам в реальной жизни, правда, Джо запрограммировал себе черты лица чуть мягче, а рост чуть ниже, что делало его похожим на доброго «Голландского дядюшку». Он мог бы запрограммироваться Санта-Клаусом или Микки-Маусом — с очень маленькими детьми Басс так обычно и поступал, — но в данном случае он хотел, чтобы Ребекка видела его реальным. Честность была ключом ко всему и здесь, в виртуальной реальности, и когда они, как он все-таки надеялся, выйдут из киберпространства.

— Меня зовут Джо, — начал он. — Я работаю в торговых рядах. Твоя мама попросила меня войти сюда и разыскать тебя.

Басс позволил себе усмешку; эмоции тут, однако, должны были быть выражены словами:

— Такую леди, как ты, трудно отыскать, Ребекка.

— Моя мать?... — Девочка все еще оставалась на полу. — Она послала вас за мной? О Бо-о-же...

Басс сделал еще один шаг вперед, нагнувшись и держа перед собой протянутую руку:

— Вот, давай, я тебе помогу подняться, и поговорим.

— Отойдите от меня! — вскрикнула Ребекка, ее голос сорвался. Наконец она нашла силы подняться на колени. — Еще один ваш шаг, и меня здесь не будет!

Очень издалека Басс услышал, как дверь опять мягко отворилась, он почувствовал прохладный поток свежего воздуха. Хотя Басс и не видел Эвангелину Ди-Майола, но знал, что она стоит в дверном проеме. Ее дочь не отреагировала; казалось, девушка либо не подозревает о присутствии матери, либо игнорирует ее... а Басс не рискнул обнаружить вслух это несвоевременное появление.

Джо пожал плечами и опустил руку.

— О'кей. По крайней мере честно. Я буду стоять на месте. — Он присел, положив руки на колени. — Знаешь, Ребекка, твоя мама волнуется за тебя...

— Ага, как же. Прямо истерзалась, да?

Ребекка опиралась и на ноги, и на руки, словно спринтер, готовый рвануть по сигналу стартового пистолета. В таком волнении она вряд ли сумеет размеренно бежать, но, кинувшись, может врезаться прямо в стену компьютерной комнаты и пораниться.

— В чем дело, она боится, что это повредит ее репутации?

Он вздохнул и заставил своего кибер-двойника почесать за ухом:

— Нет... нет, думаю, она действительно беспокоится о тебе, малыш.

Девочка угрюмо улыбнулась.

— Если бы вы знали эту суку, как знаю ее я, — сказала Ребекка, — вы бы поняли, как глупо это звучит. — Она остановилась. — И не называйте меня малышом. Я здорово ненавижу, когда кто-нибудь так меня зовет.

Басс услышал отчетливый вздох со стороны дверного проема. Теперь он действительно боялся, что Эвангелина Ди-Майола произнесет нечто, способное взорвать тишину...

Но дверь закрылась, чуть громче, чем прежде, теперь они снова остались наедине.

— Прости, — произнес Басс. — Я больше не буду.

Он вздохнул достаточно громко, чтобы Ребекка услышала его:

— Давай договоримся. Я не буду пытаться схватить тебя, а ты не убежишь, идет? Просто поговорим. Так будет достаточно честно?

Минута замешательства.

— Хорошо, — сказала она наконец, слегка расслабившись и изменив свою спринтерскую позу. — Вполне честно. Пусть, пока мы разговариваем, все так и будет.

Уселась на пол неуклюжей грудой, причудливая юбка задралась до бедер. Взглянула на свои колени, поправила юбку.

— Уф, — сказала она, ее смехок имел неприятный привкус истерии. — Не могу же я вам показывать свои компьютерные трусики, правда?

Басс опять пожал плечами:

— Меня это не волнует, Ребекка. Все-таки я для тебя немного староват.

— Бекк, — сказала она. Ее голос становился настойчивым. — Если вы вообще собираетесь как-нибудь меня называть, зовите Бекк.

— Бекки?

— Нет, не Бекки... Бекк.

Отвернувшись, неподвижное лицо обращено в сторону голографического дисплея книг доктора Сьюза:

— Только папа и мама зовут меня Ребеккой. Я просила их называть меня Бекк, но они говорят, что это звучит как кличка гангстера.

— Угу, — протянул Басс. — Похоже, они не особенно тебя слушали.

— Верно. — Она протянула руку и слегка коснулась обложки «Зеленых яиц с ветчиной»; у Басса в углу экрана раскрылось окно, где значилась цена книги, автор, количество страниц, тираж и рекомендуемый читательский уровень. — Отличная книга. Ждет не дожидется экранизации.

Басс дотронулся до клавиши меню и погасил окно. Ребекка раздраженно фыркнула.

— Поговорим немного о твоих родителях...

— Лучше не будем, а скажем, что поговорили.

Бекк убрала руку с книги. Какое-то время помолчала, пристально глядя на него, потом снова заговорила:

— Слушай, Джим...

— Джо.

— Джим, Джек, Джо, какая разница... Видно, ты здесь вроде сыщика, но нам обоим известно, что ты только система нейросети в Массачусетсе, подключенная к программе «АИ». — Девочка улыбнулась, теперь еще более горькой улыбкой. — Ты хорош. Парень, запрограммировавший тебя, проделал праведный труд, но ты не можешь пройти тест Тьюринга и не перегореть, понимаешь, о чем я?

— Да. Я знаю, что ты имеешь в виду.

Басс пошарил в правом кармане брюк — Бекк наблюдала за ним, — и нашел четверть доллара. Он вынул монетку, зная, что Бекк не видит ее в кибер-пространстве, потом тщательно прицелился и бросил.

Она отшатнулась, когда невидимая монетка ударила ее в грудь.

— Ой!.. Что это?

— Четвертак, который я только что бросил в тебя, — сказал он мягко. — Так что там насчет теста Тьюринга, Бекк?

— Господи...

Ее руки двигались по коленям, пока не нашли невидимую монету, зацепив ее большим и указательным пальцем.

— О, Боже, — прошептала она. — Ты реальный! Ты в комнате!

— Ну да. Серьезно. Реальней некуда.

Басс поднял руки и помахал ими.

— Послушай, Бекк... Мне бы не хотелось повторять тебе это, но этот магазин, все эти торговые ряды... это не по-настоящему. Все не взаправду, просто мультик. Конечно, это хорошая подделка, но...

— Знаю, что не реально! — пронзительно выкрикнула Бекк.

Ее рука метнулась к нему, Басс почувствовал острую боль, когда монетка впечаталась в его лоб.

— Господи Иисусе, ты думаешь, я тупая? Разумеется, я знаю, что это все нереально, оставь меня в покое!..

— Ладно, порядок. — Он потер лоб. — Но больно-то на самом деле, знаешь ли.

— Прости, — проговорила она. — Я не хотела сделать тебе больно...

Не то чтобы это прозвучало извинением, но по крайней мере факт существования живой реальности был для нее доказан. Хорошее начало.

— Не беспокойся, — продолжил Басс. — Я переживу. Понимаешь, Бекк, суть в том, что ты пытаешься убежать внутрь этой выдумки. Или даже покончить с собой...

— Я не пыталась покончить с собой! — огрызнулась она, и от злости даже вскочила. — Боже, я не желаю слушать этот бред!

Плохой ход. Он поспешил, и теперь она настроена против него. Время

отступить. Басс не стал подниматься на ноги; он понизил голос, стараясь остаться доброжелательным и настроенным на примирение, несмотря на ее враждебность.

— Бекк, пожалуйста, — сказал он. — Прости. Я не хотел об этом. Только сядь, ладно? Ведь у нас договор?

— О чем? — спросила она.

— О том же, что и минуту назад.

Джо заставил себя быть твердым. Девочка была на грани срыва; злиться на нее или быть снисходительным бесполезно.

— Да просто хочу обсудить с тобой кое-что, вот и все.

Басс молча проклинал уровень современной кибернетической технологии, которая позволяет видеть ее лицо лишь как маску. Удивительно, насколько психотерапия зависит от наблюдения выражений лица пациента; без этих тонких отмычек он был не многим лучше католического священника, слушающего исповедь через частую решетку исповедальни. Если бы Бекк сейчас убежала, Джо смог бы проследить повсюду в кибер-пространстве, теперь компьютер пере-зафиксирован на ней... но возможность общаться с девочкой будет утрачена, и вряд ли удастся вернуть ее доверие.

— Угу. Хорошо, — устало произнесла Бекк. Так много конфликтных эмоций за несколько минут. — Вы здесь, чтобы выручить меня, маленькую...

— Да, — подтвердил Джо. — Я здесь как раз, чтобы выручить тебя, маленькую. — Была его очередь немного поклянчить:

— Ну же, Бекк, успокойся. Пожалуйста, садись.

Ребекка замялась. Настал решающий момент: или она доверяет Бассу, или дело пропало. Джо молча ждал. Решение зависело только от нее одной.

— О'кей, — произнесла Бекк очень тихо. — Наверное, мы можем поговорить. — Затем она снова села на пол, обвив колени руками.

— Спасибо, — сказал Басс. — Прости, я обидел тебя.

— Ничего, — слабо выговорила Бекк. Голос ее звучал как-то сдавленно; Джо услышал, как она всхлипнула, и ее рука поднялась, чтобы вытереть нос. — Нет, я... я имела в виду, вы не... о, черт...

Он ничего не произнес, лишь сидел неподвижно и ждал.

— Да, наверное, я хотела покончить с собой, — начала Бекк, теперь ее голос был сухим, немного скрипучим. — То есть, не так, чтобы очень хотела, но... не знаю, я думала, что, может быть, если я уйду сюда, пробуду в торговых рядах достаточно долго, то кто-нибудь обратит на меня внимание...

— Твои предки?

— Да, мои родители... — Она наклонила голову и опять вытерла нос; всхлипы становились громче. — Мои дурацкие родители. Ну, моя мать... эта сиятельная сука, она всегда со своими друзьями, в клубе или ходит по магазинам, покупает всякое дерьмо, в доме я для нее вроде мебели, которую она забыла отвезти на благотворительную распродажу или вроде того...

— А твой отец? Твой папа?

Хриплый ломкий смешок:

— А я его никогда не вижу. Целыми месяцами. Он всегда далеко... в России, Германии. Японии, Австралии или другой идиотской стране. Я пытаюсь поймать его по телефону, но он не перезванивает. Вместо этого

покупает мне что-нибудь.

Бекк оторвала руки от своего лица-маски.

— Ну, по-вашему, откуда взялось все вот это вот? Мне казалось, если я попрошу что-то по-настоящему дорогое, он заметит меня... но нет, просто все оплатил. Еще одна вещь для его маленькой девочки там, дома.

— Гм... — Басс кивнул головой. — А как тебе здесь? Ну, в торговых рядах?

Несколько минут Бекк ничего не говорила. Ее глаза двигались вперед и назад, вверх и вниз, оглядывая все кругом, ища что-то на краю искусственной реальности.

— Я... я не знаю, — сказала она наконец. — Как-то затягивает... — Она снова взглянула на него. — Знаете, вы правы. Это кажется действительно глупым, когда остановишься и задумаешься. Все, что ты делаешь — это наряжаешься, ешь и покупаешь всякое дерьмо.

— Угу. Я понял тебя. — Басс осторожно подвинулся поближе к ней; теперь девочка не отшатнулась от него, даже когда он протянул руку.

Напротив, она потянулась навстречу и стиснула его ладонь, их перчатки сплелись в рукопожатии, теплота которого не могла быть симулирована компьютером. Они держались за руки несколько минут; молча, потому что не было необходимости говорить.

— Меня трясет от этого места, — сказала она под конец.

— Не говори, — ответил он. — Я работаю здесь.

Она шмыгнула носом и слабо засмеялась.

— У меня идея, — сказал Басс. — Давай уберемся отсюда и поговорим еще.

— Да... О' кей. Идет.

Бекк подняла свободную руку в невидимое пространство у себя над головой, и ее пальцы заплесали в воздухе. Затем она исчезла из поля зрения, хотя Басс все еще продолжал чувствовать ее правую руку в своей.

Он сделал долгий глубокий вдох и взглянул последний раз на книжную лавку, прежде чем вызвать меню и нажать клавишу ВЫХОД.

Некоторое время они оставались, сидя один против другого в компьютерной комнате. Ребекка сняла свой шлем, а Басс освободился от очков и наушников — так они впервые увидели друг друга наяву. Они беседовали, причем говорила в основном девочка: Бекк рассказывала о своих разочарованиях, вспыхивала, немного плакала, и когда совсем изнемогла, Джо Басс сделал все возможное, чтобы собрать все ее частички воедино.

После всего этого он отослал Бекк в ее комнату снять дата-костюм и принять хороший душ, посоветовав чего-нибудь съесть, а потом — сразу лечь в кровать. Он дал девочке свою карточку и наказал звонить ему, если ей когда-нибудь понадобится с кем-то поговорить; Бекк улыбнулась, еще раз шмыгнув носом, и застенчиво поблагодарила. Потом она оставила компьютерную комнату — хотелось бы надеяться, что навсегда.

Басс воспользовался цифровым телефоном, чтобы вызвать такси и зарезервировать место в ближайшем самолете на Бостон, затем снял снаряжение, отключил свой компьютер от комнатного терминала и начал упаковывать его в кейс. Когда Эвангелина Ди-Майола вновь возникла в дверном проеме, он не обернулся.

— Я просто хотела поблагодарить вас, — начала она. Замялась, а потом добавила: — за то, что вернули мне дочь.

— Я вытащил ее из торговых рядов, миссис Ди-Майола, — ответил Джо, все еще не глядя на эту женщину. — Возвращение Бекк домой остается вашей проблемой. Вам придется потрудиться над этим.

Миссис Ди-Майола не произнесла ни слова, пока Джо не закрыл свой чемоданчик и не поднялся. Басс заметил, как покраснели ее глаза, грима уже не было. Эвангелина отвернулась, заметно смущенная; ее правая рука опустилась в карман спортивного костюма и снова появилась с небольшой пачкой долларовых бумажек.

— Это вам за помощь, мистер Басс, — сказала она тихо. — Пожалуйста, возьмите.

Басс взглянул на деньги и покачал головой:

— Я не беру чаевых, мэм. Если вы хотите потратить их с пользой, оплатите демонтаж этой комнаты. Бекк говорила, что хочет, чтобы вы сделали это.

Она мигнула, не совсем понимая, что он сказал.

— Бекк? — спросила миссис Ди-Майола. — Моя дочь?

— Да. Ваша дочь. Она хочет, чтобы ее звали Бекк. — Басс замялся. — И на вашем месте я стал бы чаще прислушиваться к ней... если вам не хочется снова встретиться со мной.

Джо не стал дожидаться ответа. По правде говоря, единственное, чего ему сейчас хотелось, — убраться отсюда. Басс обошел Эвангелину Ди-Майола и направился по коридору, вниз, через фойе и на улицу в распахнутую парадную дверь, туда, где его уже поджидало заказанное такси.

Машина колесила по зеленым окраинам Сент-Луиса, прокладывая путь через вечерние пробки по направлению к аэропорту. Басс сидел на заднем сидении и молча разглядывал дома, мимо которых они проезжали. Он думал обо всех детях, с которыми довелось встречаться. Мэтт, Энджи, Стивен, Рауль, Бесс, Карен, Джексон, Дженнифер... и Ребекка, которую иногда зовут Бекк. Она вряд ли будет его последней работой. Как бы ни хотелось обратного, Басс знал, что всегда найдется другой торговый ряд, в который придется войти, другой потерянный малыш, которого придется искать.

Все дети, вся их боль, во всех воображимых мирах. Затерявшиеся в торговых рядах.

Морин Ф. МакХью Виртуальная любовь⁹

Больше всего в ВР меня привлекает возможность сделать все, что пожелаешь. Не только такие очевидные вещи, как убить кого-нибудь или стать археологом в Перу. Самое лучшее, когда просто выходишь, встречаешься с людьми и можешь при этом быть кем хочешь. У меня двенадцать разных личностей. Некоторые из них, например Лилит или Марти, я использую не слишком часто. Приятно просто думать, что они со мной, и когда мне захочется почувствовать себя роковой женщиной, я могу стать Лилит и пойти на вечеринку, сверкая блестками вечернего платья, оттеняющими мои огненно-рыжие волосы, пить виртуальные мартини — вы когда-нибудь пробовали настоящий мартини? Господи! — и

вертеть моим виртуальным задом всласть.

Вжиться в ВР — это талант. Когда кто угодно может стать кем угодно и каким угодно, борьба за первенство обостряется. Каждый может иметь идеальную фигуру, идеальные ноги, руки, волосы, губы, одежду стоимостью в сотни тысяч монет. Нужно что-то еще, и, что самое главное, это не дается ни деньгами, ни генетической рукой матери-природы, ни случайностями или превратностями судьбы или бедствий, а только разумом. Там, когда я — Лилит, или Алисия, или Тереза, это чистая энергия, чистое пламя разума, горящее, как электронная свеча Пляска электронов в пламени.

И можно ли по танцу определить, кто танцует?

Ну я-то могу, детка, и в этом вся штука, верно? У меня есть система ВР. Ну конечно, не самая лучшая — это всего-навсего сидячая система, и перчатки у меня подержанные. Но это хорошие перчатки, английские, производства «DNR». Шлем обошелся мне в такую сумму, что вы даже представить себе не можете, — «Мицубиси», не самый дорогой, но один из лучших. Не тяжелый, это очень важно, когда я ношу его подолгу. Я надеваю перчатки и шлем, и вот наступает момент черноты в визоре, пока система включается в работу, и ни звука в ушах, и я плыву, растворенная в довиртуальной тьме, как будто я еще на свет не родилась.

Я в гардеробной. Это маленькая сумеречная комната с зелеными стенами, похожая на актерские гримуборные. Я могу видеть перчатки на своих руках, рубиново-красные, как волшебные туфельки из страны Оз, но лица в зеркале не видно. И понятно, ведь я еще не выбрала его.

Иногда я выхожу невидимкой. Это называется таиться. Когда мне исполнилось восемнадцать и я в первый раз получила полный доступ в систему, включая программы для взрослых, я тайлась все время. Пару лет я не имела тела, не разговаривала ни с кем. Просто наблюдала. Так сказать, знакомилась с местными обычаями. Я стала знатоком личностей. Я могу сказать, когда человеку не подходит выбранная им личность, например, когда восемнадцатилетний мальчишка пытается сойти за тридцатипятилетнего Кэри Гранта. Но больше всего мне нравилось смотреть, как кто-нибудь делает это классно, так что забываешь, что это всего-навсего сконструированная личность, — и вдруг появляется какая-нибудь натяжка. Тогда говоришь про себя: «Вот ты и попался». Потому что я сама поступила бы так же.

Через некоторое время мне это надоело. Тогда я построила зеленую комнату. Первой я сделала Сьюлию. Я не собиралась ее использовать, я просто знала, что она потрясающая. Сьюлия самая значительная из всех моих личностей. Она высокого роста, и водопад каштановых волос прорезан пшеничными прядями. Под гладкой кожей играют мускулы, и от нее веет невинной дикостью. У нее очаровательная открытая улыбка. Я носила Сьюлию в зеленой комнате часами, просто была ею. А потом я снимала шлем, и приходилось вспомнить, что я — это всего лишь я. Это я ненавидела.

Но я недостаточно крутая, чтобы носить Сьюлию. Я создала ее первой, но использовала первой не ее.

Я начала с Терезы. Тереза бледна, одета в мягко струящиеся платья розовых и бледно-зеленых тонов, которые в сочетании с ее светлыми волосами вызывают ощущение весны. Тереза не заполняет собой комнату, она скорее воздействует как аромат. Тереза хорошо слушает, поэтому люди склонны доверяться ей. Люди говорят самое неожиданное,

сокровенное, если им позволить. Быть Терезой легко, потому что она очень тихая. Людям кажется, что она спокойная. Я могу быть очень тихой.

Сегодня я, наверное, выберу Алисию. Эту личность я ношу чаще всего.

На столике за баночками с кремами лежит несколько вещей. Розовый бутон — это Тереза. Если я беру розу — я становлюсь Терезой. Я беру тонкую золотую цепочку, и вот я — Алисия, изящная женщина с длинными волосами теплого каштанового цвета, подобранными наверх на французский манер. Почти у всех моих личностей длинные волосы. Меня это беспокоит, но ведь мои собственные — мышиного цвета и жидкие, а мне всегда так хотелось иметь длинные волосы, хотя с ними многовато хлопот. И все равно, это уже становится чем-то вроде почерка. Они все должны отличаться, быть индивидуальными.

Алисия смотрит на меня из зеркала, ее гладкие загорелые руки обнажены, на ней простая шелковая сорочка цвета слоновой кости. Это Алисия, простая, естественная и прямая.

Указывая перчаткой, я двигаю себя к двери. Открываю дверь и выхожу в мир.

Доступ всегда происходит через большое фойе, с развешанными списками. Я изучаю списки, пропуская игры: «Иллюминаты», «Башня рыцарей», «Ктулу», «Наездники Вуду», «Международный Шпион». Я ищу места. «Док» — это классно, там я была. В «Черной Дыре» забавно. В «Кошмаре» скучно. Мое любимое место — «Мадам де Сталь». Тыкаю пальцем в список, открывается дверь лифта. Войти. Сделать глубокий вздох.

Лифт открывается в длинную комнату, похожую на Зеркальный Зал в Версале. Слева — окна, выходящие в сад, справа — огромные зеркала в позолоченных рамах, между ними — дверь в Салон. Я направляюсь в кафе, это через три двери.

— Привет, Алисия, — говорит Поль-Мишель, бармен. — Шампанского?

— Бокал бордо.

Поль-Мишель встроен в программу. Он выслушивает ваши излияния и никогда не забывает ваших имен. Проблема только в том, что если сисоп отслеживает, то она тоже все слышит.

В кафе всего несколько человек, у окна сидит парень, я его раньше никогда не видела. Хорошая работа. Так вписывается в это французское кафе. Случайно или нет, но свет падает на него словно на портретах голландских мастеров. Вермеер. Его юное лицо — игра света и тени. Пухлые губы и темные глаза. Лицо ангела.

Он интересен. Все мужчины привлекательны, но преобладает цинический тип прожигателя жизни, как будто все покупают лица в одном магазине. Его лицо не выглядит искусственным. Оно кажется настоящим. Разумеется, это не так, но оно кажется таким. Вот это работа.

Я смотрю на него, и он улыбается мне, чуть застенчиво. Я беру свой бокал красного вина и сажусь наискосок от него. Чтобы двигаться, мне нужно только показать пальцем, и система проведет меня через помещение, при этом интерфейс преобразует так, как будто я иду. Я запрограммировала походки для всех моих личностей, используя контрабандную программу: у Сюлии мужская походка, повадка гепарда, но Алисия движется изящно. Мне нравится думать, что, судя по походке,

в юности она, наверное, занималась в танцевальном классе. Я бы хотела заниматься в танцевальном классе.

— Привет, — уговорит он. — Я Иан.

— Привет, Иан, — отзываюсь я. — Я Алисия.

Деревянная крышка стола поцарапана. На улице чудесная погода, чистое небо голубеет, и люди гуляют по Елисейским Полям. Эйфелева башня не видна, но мы могли бы ее увидеть, выйдя на улицу.

Обычно люди спрашивают что-нибудь вроде: «Вы часто здесь бываете?» или «Вы местная?», имея в виду, попали ли вы сюда по местному вызову или через сервисную систему. Я всегда вру, что через систему. Но он не спрашивает об этом, а говорит:

— Подходящее место, чтобы делать наброски или писать стихи.

— Вы художник? — спрашиваю я.

И так ясно, что да. Глядя на него, я могу видеть его искусство, он сам — воплощенный шедевр.

Он качает головой.

— Мне просто нравится здесь, — говорит он.

Не знаю, что он имеет в виду — кафе, или Салон, или вид из окна. Он бросает взгляд в окно, я тоже. Парочка неторопливо идет под руку. Она — рыжая, бледная, типичная французская девочка, он — темнокожий, похож на моряка. Оба безукоризненно просты. Он останавливается завязать ей шарф, и в этот момент я бы хотела быть ею — это странно, ведь в настоящий момент я Алисия, вся такая цельная и грациозная. Я — то, чем хочу быть. А эта парочка даже не настоящая, они всего-навсего оконная заставка, смоделированная сисопом, системным оператором, которую, кстати сказать, зовут Кассия, мы с ней иногда болтаем.

Я оглядываюсь, Иан смотрит на меня. Интересно, заметно ли на моем лице смущение.

— Ты так прекрасна, — говорит он.

Горло у меня сжимается, и я чувствую себя пойманной, раздетой. Почему он так сказал?

— Здесь каждый может быть прекрасным, — говорю я. Хотелось, чтобы это прозвучало милой, ничего не значащей фразой, а вышло обескураживающе. Он краснеет.

Это классный момент, интересно, как он это делает. Моя программа не позволяет мне краснеть.

— Копии с прекрасного обычно не бывают прекрасными. — говорит он. — Они безупречны, но все похожи друг на друга.

— А в чем же истинная красота? — спрашиваю я, уже приблизительно представляя себе, что он собирался сказать. Что-нибудь об оригинальности.

— В настоящей красоте, — говорит он, — всегда есть какая-то странность, асимметрия.

Алисия ни в коей мере не асимметрична. Я сделала ее похожей на танцовщицу. А теперь он заставил меня подумать об Алисии как о чем-то отдельном от меня.

— Не уверена, что правильно поняла тебя, — говорю я легко.

Он качает головой:

— Я не очень-то хорошо умею вести разговоры.

— Может быть, ты поэт. — Я все еще пытаюсь улыбаться, издавать соответствующие звуки. Пытаюсь помешать разговору стать серьезным.

— Нет, — говорит он резко, решительно. — Я не поэт.

Иногда в Салоне происходят очень странные, неожиданно интимные разговоры, потому что говоришь как бы не от своего лица, или, вернее, говоришь от своего лица, спрятанного в безопасности за маской.

— Я тебя раньше в Салоне не видела, — говорю я.

— Я тайлся, — отвечает он. — Бродил, как призрак. Можно тебя спросить?

Я пожимаю плечами.

— У тебя есть еще другие личности? Если не хочешь, не говори. Но сюда приходит одна женщина, что-то в ней напоминает мне тебя. Женщина постарше, в узорчатом льняном платье, волосы стянуты назад.

Кристиана. Да, это моя личность, но никак не связанная с Алисией. Они совсем не похожи; Кристиана старая мудрая женщина, высокая и сильная, ее седеющие волосы собраны сзади узлом и закреплены шнуром.

— Нет, — вру я. — Нет, я это просто я.

Он улыбается, но вид у него озадаченный. Я думаю, когда же я в последний раз использовала Кристиану? Я это делаю нечасто, а в Салон — почти никогда. Ужасно хочется спросить, видел ли он ее именно в Салоне. Потом можно было бы соврать, что я здесь никогда никого похожего не видела.

Он кусает губы:

— В ней есть что-то похожее на тебя...

Я замираю, как кролик на шоссе, попавший в полосу света фар, и напряженно вслушиваюсь.

— Эти люди, они все одинаковые, а в ней что-то есть. Она... она прекрасна. Как ты.

— Спасибо, — говорю я. Это глупо с моей стороны, хорошо еще, что я не умею краснеть. — Ты здесь кого-нибудь знаешь?

Я начинаю указывать ему на людей, рассказывать ему о них. Желтоглазый и Грег, Лизабет Р. Я просто отвлекаю его. Он кивает и улыбается и издает подходящие восклицания, но, указывая на кого-нибудь, я чувствую на себе его неотступный взгляд.

Через некоторое время я говорю:

— У меня назначена встреча с друзьями в другой программе, было очень приятно поболтать с тобой. Может, еще как-нибудь увидимся.

— Подожди минуту, — говорит он. — Как с тобой связаться?

— Мир тесен, — отвечаю я. — Как-нибудь встретимся.

Алисия неспешно выходит, а я спасаюсь бегством.

В тишине зеленой комнаты я беру в руки шнурок для волос, чтобы стать Кристианой, серьезной, важной Кристианой. Чем она похожа на Алисию? Кристиана редко улыбается, ее движения медлительны — не из-за возраста, а потому, что она серьезная и решительная. Алисия совсем другая.

Может, просто совпадение? Он новичок, он тайлся. А может, какой-то жест, мимолетный пустяк напоминает Алисию в Кристиане?

Я становлюсь Алисией. Она тоже серьезна. Я всегда думала, что в ней есть свое достоинство, но, может быть, между достоинством Алисии и решительностью Кристианы нет никакой разницы. И Тереза своей неподвижностью тоже похожа на них.

Нет, Сьюлия другая, и роковая Лилит со своим рыжим лисьим хвостом, и Сторк, которая ругается как сапожник, пьет виртуальное виски и играет в покер.

Прекрасны. Он сказал, что обе они прекрасны. Сьюлия прекрасна.

Даже ширококостная Сторк с веснушками не просто хорошенькая, а, я думаю, прекрасная. Они все прекрасны для меня.

Я снимаю Алисию и становлюсь невидимой в зеркале. Открыть дверь, призраком проскользнуть через фойе, выбрать «Мадам де Сталь», вверх на лифте и, таясь, прокрасться в кафе. Посмотреть на него, сидящего на свету. Посмотреть, может ли он разгадывать других людей. Посмотреть на него и разгадать его.

Бармен, Поль-Мишель, не замечает, как я проскальзываю через закрытую дверь.

Стул у окна пуст. Он ушел.

И я замечаю, что свет тоже изменился, совсем не такой белый и жаркий, ведь он уже не сидит здесь больше.

Он тоже был прекрасным.

В течение многих дней я таюсь. Я околачиваюсь в Салоне, сижу в «Каире», облаченная в белый лен, под медленными вентиляторами, я проверяю все местные программы, где он может быть. Места, соответствующие его вкусу. Но откуда мне знать его вкус? Никто никогда бы не догадался, что женщина, которая является Алисией, любящей Салон, может также быть Сторк, отдающей предпочтение сальным разговорчикам в Черной Дыре. Или Сьюлией, живущей в огнях Метрополя. Он может быть где угодно. И чем угодно. Может, у него не одна личность.

Конечно, у него не одна личность. Поэтому я беспорядочно ищу его везде. Я нахожу его в Ратскеллере, где говорят о политике. Как только я замечаю его, сразу узнаю, даже несмотря на то, что он длинноволосый студент-радикал, одетый в сюртук по моде времен французской революции. Он оживлен, привлекает внимание. В нем что-то, чего недостает бледным копиям вокруг него. Его стиль неизменен и очевиден. Этот студент так же отличается от Иана, как Кристиана от Алисии, но они оба такие яркие, оригинальные; в них есть стиль. Он художник. С ним я могла бы разговаривать, он понял бы все то, чем я восхищаюсь.

Проскальзываю обратно в фойе, тайком в зеленую комнату — и замираю. Что у меня есть для Ратскеллера? Кто может сидеть на кирпичных ступенях и говорить о политике, перекрывая звуки оркестра?

Я беру мужской браслет. Марти может пойти туда. Марти смотрит на меня из зеркала. Марти небольшого роста, аккуратный, подтянутый.

— Система, — произношу я вслух и делаю то, на что я почти никогда не отваживаюсь после того, как личность завершена и ей дано имя: я изменяю Марти. Вместо аккуратного костюма он получает слегка потертое пальто из акульей кожи. Еще я даю ему очки, такие, поверх которых удобно смотреть. Я укорачиваю его волосы на висках, немного прореживаю их. Я тороплюсь, сознавая, что если я ошибусь, то устранение ошибки займет слишком много времени и я могу упустить его. Надеваю Марти тоненькой косичкой сзади и парой сапог до колен. Он — просто смешение стилей и эпох, неопрятный и как раз подходит для Ратскеллера. Я назову его Мик, и его символом будут очки.

Пересекаю вестибюль и кажется, что спуск в лифте никогда не кончится. Он уйдет, я знаю. Топаю по Берлинской улице, видя свое отражение в оконных стеклах. Двигаюсь неверно, двигаюсь в мягкой, скользящей манере Марти, несмотря на тяжелые сапоги Мика, но исправлять эту ошибку уже поздно. Мимо замерзших проституток с

зелеными волосами, кричащих: «Привет, Джон Буль!», потому, что Мик похож на британца. Я даже думаю, что во мне есть что-то ирландское, и бегу, почти лечу, возбужденная и испуганная.

Он еще здесь. Он даже не замечает, как я вхожу. Беловолосая девушка, тонкую руку которой обвивает витатуйрированная змея, протягивает мне высокую кружку пива, виртуального пива. Облокотившись на стойку, я смотрю на людей и жду, когда он заметит меня, если вообще заметит.

Его глаза скользят по мне, не узнавая. Что ж, я терпеливо жду. Рассматриваю плакаты на стене, Марлен в роли Голубого Ангела. Отвожу взгляд от плаката рабочего движения и вижу, что он смотрит на меня — но не прямо на меня; он кого-то слушает. Он отводит взгляд. Его глаза ярко-голубого цвета.

Потом они вновь обращаются ко мне. Это была ошибка. Не надо было с ним встречаться. Его волосы черно-серым грозовым облаком клубятся вокруг лица. Он мастер. И он может заглянуть под маску, внутрь меня и увидеть все тревоги, желания и недостатки, из которых я строю свои личности.

Когда он смотрит на меня, я забываю про Мика, как забыла про Алисию. Я опять становлюсь собой, крошечной женщиной в инвалидном кресле, на сиденье меня удерживают ремни, на мне виртуальный визор и перчатки. Младенцы-русалки, тюленята — так они зовут нас, пока мы маленькие. Я знаю, что я должна быть благодарной за то, что хотя бы руки у меня нормальные и радоваться этому, но я не радуюсь, нет. Я хочу быть нормальной. Он прекрасен и ужасен, как ангел, один из тех многоглазых серафимов, что окружают Бога, и я чувствую, как моя маска тает в пламени его взгляда и обнажает настоящую меня.

Я тянусь к визору, потому что это кратчайший способ уйти, а я чувствую, что уже сейчас расплачусь.

— Подожди, — говорит он, прерывая разговор. — Подожди, я тебя знаю!

В том-то и дело, думаю я, но останавливаюсь. Стул скрипит, когда он встает — хороший сисоп в Ратскеллере — и подходит ко мне.

— Как тебя зовут? — спрашивает он.

— Мик, — отвечаю я.

В этот раз он высокий, я думаю, выше шести футов ростом. Он высокий даже для Сьюлии, самой высокой из всех моих личностей.

— Я искал тебя, — говорит он. — С тех самых пор, после твоего ухода из того французского местечка. Я искал на улице Ту До, просматривая ее с веранды «Континенталья», и оставил тебе записку на Луне.

Я была и там и там, но тайлась, и никто не мог сказать мне, что меня ждет записка.

— Расскажи мне, как ты делаешь походку, — говорит он. — Расскажи, почему твои люди такие... ну, как это объяснить? Не показательные. Не как у меня, мои все такие очевидные, но твои, — мне потребовалось время, чтобы понять, насколько они хороши. Ты более чем хороша, ты... ты художник. Чем больше я смотрю на тебя, тем больше я вижу.

Я качаю головой. Встречаться с ним было ошибкой, он делает мне больно, не желая этого, он заставляет меня видеть всю иллюзорность моего существования. Мне бы надо спросить его о странном белом свете в кафе, Вермееровском свете, и как он краснеет. Но я не могу.

— Я не могу с тобой разговаривать, — говорю я.

— Ты не можешь вот так уйти, — говорит он. Он хватается меня за руку, и я чувствую его руку сквозь перчатку. Я шарахаюсь в сторону.

— Нет, — говорю я. — Это была ошибка.

Все в баре глазят на нас, но меня это не волнует. Когда я поворачиваюсь и ухожу, он не останавливает меня.

Вверх по лестнице и на улицу, мимо зеленоволосых шлюх, дрожащих в своих шортах. Я все время оглядываюсь посмотреть, не идет ли он за мной, но он не идет, и вот лифт, и я снова в безопасности зеленой комнаты. Бросаюсь в кресло, сбрасываю Мика и плачу. Сажу, невидимая, и плачу и плачу. Не знаю, что делать.

Он отнял это у меня. Я не могу вернуться туда: что, если опять столкнусь с ним? Но что я буду делать без ВР? Как мне отказаться от нее? Как я буду проводить свои дни: смотреть видео, сидеть в своем кресле, делать свою работу, обрабатывая информацию и пересылая ее по модему, целыми днями ни с кем не разговаривая, и единственным развлечением будет визит моих родителей? Я его ненавижу. Ненавижу за то, что он сделал с моей жизнью.

«Ты прекрасна», — сказал он мне. Но я знаю, что это неправда.

Я не могу обойтись без зеленой комнаты. Я таюсь, начинаю делать новую личность, копию, на которую никто не обратит внимания.

Нечего делать, не с кем поговорить. Я могу найти сервисную службу, заплатить вступительный взнос и оплачивать время, которое я буду использовать. Он местный, как и я. Если я уйду из местной сети, мне не придется встречаться с ним. Но это слишком дорого для меня. Моей зарплаты едва хватает на жизнь и на оплату приходящей уборщицы. Мне нужен местный доступ. Как наркотик.

Я даже не решаюсь взять в руки символы моих личностей. Я не хочу видеть отражения в зеркале. Только рубиново-красные перчатки, танцующие в темной комнате.

Моя система сообщает мне, что мне пришло письмо. Электронная почта.

Раньше я не получала ничего, заслуживающего внимания. Никто не знает моего системного адреса. Это он, он просто волшебник. Я осматриваю зеленую комнату, не обращая внимания на письмо, до тех пор, пока не нахожу то, что искала, крохотного мерцающего скарабея, иссиня-черного жучка, притаившегося около двери. Он, должно быть, прицепил его, когда взял меня за руку.

Что теперь? Я смотрю на жучка и пытаюсь решить, что делать. Не принимать письмо? Принять и не читать? Он поймет мое молчание. (Но он знает мой адрес. Что я должна делать, изменить линию доступа? Придется, а это стоит денег).

Поэтому я принимаю письмо и воспроизвожу его. Разворачивается экран, плоский, как окно, как видео. Несколько мгновений он будет перламутрово-серым, переходное время в ожидании рождения.

Маленький человечек в кресле на колесиках весь состоит из огромной головы с заостренным подбородком, редкими волосами и быстрыми глазами. На самом деле у него есть не только голова, но и тело с короткими крепкими ногами и короткими мускулистыми руками. Персонаж с картины Веласкеса, гном.

— Привет, — говорит он.

Это запись, поэтому мне не надо отвечать. Он чуть поворачивается в

кресле. Я сижу очень тихо. Это я очень хорошо умею.

— Я иду ва-банк, — говорит он. — У меня есть ужасное чувство, что я ошибся. Но была такая теория о Тулуз-Лотреке, что одной из причин, почему ему удавалось так щедро рисовать своих персонажей было то, что он не был одним из них. Остальные люди в системе проецируют самих себя, а я нет. Я никогда не воссоздаю себя в ВР.

Он останавливается и утирает рот рукой. Его плечи перекатываются. Я думаю, чем же это его так скрутило, что исправить гены было невозможно? Так же, как со мной? Вирус, который должен был исправить его генетический код, был ошибочен и только ухудшил дело? Таких, как мы, немного.

— Не знаю, что отличает тебя, — продолжает он. — Может, ты просто гений в виртуальной реальности? Мне надо поговорить с тобой, — и добавляет: — Никто больше не понял, только ты.

— Я думаю, что это ошибка, — говорит запись. — Я даже не уверен, что отправлю это. Но если я отправлю и ты захочешь связаться со мной, оставь сообщение на Луне для Сэма. Черт, я даже имени твоего не знаю. Алисия.

Запись обрывается без прощального приветствия.

Сторк. Она единственная личность, которую можно надеть, отправляясь на Луну. Сильная, немного нахальная. Она чувствует себя как рыба в воде, когда входит в Техно-бар, где за окнами виден лунный пейзаж: нагромождение камней. Сторк могла бы работать на лунной станции.

Он узнает меня, сразу. Он опять высокий (конечно, а у меня почти всегда длинные волосы; это то, чего так мучительно хочешь, что не можешь удержаться). Он отвлекается от своего пасьянса; голубоглазый, рыжий викинг в спортивном костюме, на котором вышито «Сэм».

— Привет, Сэм, — говорю я. — Я Сторк. Я думаю, может, ты прав насчет Тулуз-Лотрека.

Не то, чтобы я действительно так думала. Я не считаю, что меньше воспроизвожу себя, чем все остальные, что я объективнее других. Но люди вроде нас с Сэмом просто тратят на это больше времени. Мы совершенствуем наше искусство.

— Я хочу у тебя кое-что спросить. Например, как ты краснеешь?

Вот такая Сторк, очень прямолинейная. Он долго молчит. А потом смеется глубоким мужским смехом. Как он это делает, это я тоже хотела бы узнать.

— Ты прекрасна, — говорит он.

Рэй Олдридж Фабулариум¹⁰

Моя смена в Фабулариуме — самая тихая, в предутренние часы, когда Срединная набережная практически пуста. Много лет назад я работал в дневную смену и по вечерам, но теперь мне уже не доверяют это ответственное время.

Днем на набережной толпятся туристы, свежееобработанные в

общественных храмах Дилвермуна. Все, чего они хотят — это баек, которые они могли бы с гордостью рассказывать потом домашним.

Вечерами набережная кишит одиночками в поисках любви. Они рыщут между эйфориями и сексориумами до тех пор, пока не найдут себе партнера, а потом иногда забредают и к нам в Фабулариум. Они хотят услышать легенды, которые возвысили бы их в глазах спутников, и ничего плохого в этом нет. Они дают неплохие чаевые, но меня деньги не интересуют.

Уровнем выше над нами находятся Северные погрузочные доки, а уровнем ниже — район притонов Хоплоро, один из самых больших и самых незаконных в нашем секторе. Оттуда к нам идут по набережной несчастные создания, так что мой пост расположен в самом удобном месте.

В тихие ночные часы мои настоящие клиенты возникают беззвучно в дверях и стоят там, щурясь от света. Я не могу излечить их, но могу предложить утешение.

Я пробрался сквозь толпу уборочных машин, заполняющих Набережную во время пересменки. Я немного опаздывал. Со мной это случается. Конечно, у меня есть встроенные часы, но все же я уже стар.

Когда я добрался до Фабулариума, Квихралс уже нетерпеливо топталась возле занавесей, что закрывали входную дверь, выразительно поглядывая на часы, болтающиеся на ее костлявом запястье.

Квихралс — человеческая женщина, несколько старомодная, высокая и тонкая, судорожно-веселая.

— Опоздал, Чагон, опять опоздал, — прочирикала она. — Ну и что теперь с тобой делать?

Она работает в Фабулариуме гораздо дольше меня, и очень гордится своим старшинством и своей принадлежностью к человеческой расе. Квихралс думает, что я тоже человек; она часто говорит мне, что «мы, люди» — лучшие мифотворцы, чем представители любой другой расы. Я не знаю, почему она так думает. Интересно, что она скажет, если когда-нибудь узнает правду — что я всего-навсего механоид, создание из стали и пластика, начиненное умной электроникой. Я думаю, она разозлится так же сильно, как и удивится.

— Извини, — сказал я.

Она махнула рукой:

— Ничего страшного. Иногда ты приходишь раньше. Это вносит интригующее разнообразие. Мне уже пора, но я тебе там оставила кое-какие наброски. Сегодня хорошо идут мифы о сотворении мира, с сильным уклоном в сторону океанических культур, непонятно почему. Я записала свои соображения на одной из панелей; просмотри их, если будет минутка.

И она убежала.

Я отодвинул занавеси и вошел. Когда я устроился за пультом, то первым делом стер все данные, которые Квихралс так заботливо подготовила для меня. Моих настоящих клиентов не так легко классифицировать по категориям; они не следуют моде и не поддаются настроению момента.

Компания не страдает от моего необычного подхода к делу. Выручка в течение мертвых часов составляет незначительную часть в общей картине прибылей, а моя точка — всего лишь одна из многих тысяч. Хорошего работника найти трудно, и они были бы довольны, что есть кому

управляться за пультом в мертвые часы, даже если бы моя выручка была меньше, чем она есть.

Я нацепил головной убор рассказчика, украшенный с варварской роскошью. Длинные рога из слоновой кости, обвитые спиралями из золотой проволоки, поддерживают стальной лунный диск. Мерцающие белые перья венчают корону, а на плечи падают каплей подвески из переливающихся пластинок. Совмещаются сразу несколько функций. Вместе с тусклым светом, темными тяжелыми занавесями и нитью странной музыки, головной убор усиливает тщательно созданный и поддерживаемый образ компании. А также он скрывает индукторы, считывающие реакцию клиента на мое сенсорное воздействие.

Тень затемняет черты моего лица, делая их неясными. Все было готово, и я устроился поудобнее в ожидании первого посетителя.

Он разочаровал меня, турист из Бантлворда, вошедший вместе со своим мужем через несколько минут после начала моей смены. Он неправильно выбрал время для посещения Набережной, и ее зловещая пустота пугала его. Прежде чем занять место под шлемом, он осведомился о цене.

Голова его была занята самыми прозаическими заботами: достаточно ли успешно его зять справляется с семейным бизнесом в его отсутствие, как ведут себя сыновья, оставленные одни в гостинице, и хватит ли у него денег, чтобы нормально завершить отпуск.

Я скормил ему заранее заготовленный миф о человеке, которого мысли о пустяках довели до смерти, и он ушел, улыбаясь.

Снова ожидание. Иногда так и приходится сидеть всю ночь одному, пока не приходит мой сменщик, хорошо выспавшийся и сытно позавтракавший. Но обычно все же появляется интересный клиент.

Где-то через час гонг у дверей возвестил о первом настоящем клиенте этой ночи. Это была женская особь четвертого уровня, принадлежащая к трагической расе Дру. Дру ведут свое происхождение с планеты Сноу. Она была первым представителем этой расы, которого мне довелось увидеть — они встречаются очень редко.

Она была очень хороша собой, даже с человеческой точки зрения. У нее было хрупкое грациозное тело и тонкие черты лица, в которых проскальзывало что-то лисье. Кожа у нее была белая со слабым зеленоватым отливом. Бледно-фиолетовые волосы, блестящие и переливающиеся, мягкими вьющимися прядями лежали на ее плечах. Движения ее напоминали скольжение ртути.

Два огромных охотничьих зверя, наводя ужас своим оскалом, стояли по обе стороны от нее, головы их доставали ей до талии.

Я искал признаки возраста, и нашел их. Надтреснутый зеленый хрусталь ее глаз уже слегка затуманился, и кожа слишком туго обтягивала элегантные кости ее лица. На длинной шее висел на серебряной цепочке тусклый красный камень.

— Расскажите мне, в чем заключаются ваши услуги, — попросила она, глядя на занавеси за моей спиной.

Я наклонился так, чтобы свет падал мне на лицо. Звери предостерегающе зашипели, но я не обратил на это внимания; они не причинят мне вреда.

— Очень простая услуга, леди, — сказал я. — Я сочиняю мифы для

тех, кто в этом нуждается.

Она нахмурилась, почти человеческое выражение неприязненного интереса появилось на ее лице.

— На Сноу есть тысячи чудесных историй о том, чего вы даже и представить себе не можете.

— Планета Сноу умерла, леди, — мягко напомнил я. Ее длинные пальцы сжались в кулаки, и ужасные твари заволновались, вращая золотыми глазами и выпуская кривые когти.

— Нет, — сказала она, обращаясь и к ним, и ко мне. — Сноу жива для меня и для тех, кто придет за мной.

Я пожал плечами.

Она огляделась.

— Тем не менее вы можете объяснить мне процесс.

Я кивнул.

— Посмотрите вверх, — произнес я, делая указующий жест. — Над вашей головой находится сенсорный тестер. Если вы решите прибегнуть к моим услугам, я воспользуюсь им, чтобы сканировать голомнемоническое пространство, в котором расположены ваши воспоминания. Из того, что мне удастся уловить, я сконструирую миф. Это будет только ваш миф, единственный в своем роде.

Она посмотрела вверх, на тестер, нависающий над ее головой подобно позолоченному облаку проводов и индукторов, и отшатнулась.

— Бояться нечего, — быстро добавил я. — Очень простое устройство, но хорошо сконструированное и надежное. Непроницаемого типа, разумеется; никакие предметы не повредят вашу кожу, и мы также не используем никакой проводящей смазки, которая могла бы испачкать вашу прическу.

Она скептически усмехнулась.

— Дру обладают сопротивляемостью к подобным устройствам.

— Да. Это неважно, того, что я уловлю, будет достаточно. Я тронул кнопку на панели, и кресло выросло из пола позади нее.

Глаза ее все еще сопротивлялись.

— Я уже сказала вам: на Сноу достаточно историй.

Я наклонил голову.

— Как скажете, леди. Но... я слышал, что когда истории слишком часто рассказывают, они теряют яркость.

Ее рот искривился в гримасе.

— Значит, вы знаете о нас.

Я ждал.

— Хорошо, — сказала она наконец и села. — Что, я должна сделать?

— Закройте глаза, — сказал я.

Я наклонился над пультом и начал регулировку, настраивая сенсор в резонанс. Ее раса действительно обладает сопротивляемостью подобным устройствам; в этом их главная беда. Но опытный оператор всегда может поймать вспышку воспоминаний, след эмоций — и, приложив стимул, получить реакцию.

А кроме того, мне известна история ее мира. Выходцы со Сноу — эфемерная раса. Длительность их жизни равна примерно десяти стандартным годам. В их мире скоротечность жизни компенсируется своего рода бессмертием. Дети наследуют память всех девяти своих родителей.

Выванные из своего мира, Дру вымирают. Их уже осталось так мало,

что практически невозможно собрать вместе взрослых представителей всех девяти полов, необходимых для воспроизведения себе подобных. Как естественно размножающаяся раса они уже не существуют.

На самом деле их осталось настолько мало, что для фармацевтических компаний невыгодно разрабатывать для них средства, продлевающие жизнь. Так же невыгодно для компаний, поставляющих новые тела, исследовать их психику, чтобы на основе этих исследований сконструировать подходящие средства перевода личности.

Ее обездоленная раса давно была бы забыта, если бы не решимость уцелевших. В середине своей короткой жизни они подвергали себя клонированию. Однако они знали, что плоть — это плоть, вне зависимости от приданной ему формы, и что принадлежность к какому-нибудь народу определяется культурой. Поэтому на закате жизни они посвящали себя тому, что передавали клонам свои воспоминания. Большинство молодых Дру получили свою память от доноров.

Между тем Дру имели возможность жить своей собственной жизнью всего лишь около года. В течение срока своей краткой независимости они носили рубин, тускнеющий со временем, как напоминание об их неугасающей вере и в знак своей решимости дальше нести свою скорбную ношу. Тот, который украшал мою посетительницу, уже совсем помутнел, и его затуманенная поверхность ясно указывала на то, как мало времени отмерено было ей.

Их ситуация была наследственно нестабильной. Их жизни были направлены по заведомо бесцельному пути к саморазрушению. С моей точки зрения, хорошо это кончиться не могло. Но не мне осуждать их за донкихотство.

— Можете открывать глаза, леди, — сказал я, откидываясь на спинку стула.

Она наклонилась вперед, на ее почти человеческом лице отражалось нечеловеческое любопытство.

— Что ты расскажешь мне?

Я ощутил, как миф проходит сквозь мои контуры, готовый к рождению из механического чрева моего мозга. Я притушил свет и начал голосом сказителя:

— Называется эта история «Как Аагамар заключил сделку со Смертью». Как Вы знаете, в стародавние времена, когда люди еще не пришли на Сноу, Аагамар был богом Огня-подо-Льдом. Он был самым главным богом для народа Дру; он согревал воздух в глубоких пещерах Сноу своим теплом и люди находили в них прибежище, а его огненная кровь давала энергию машинам, делающим жизнь легкой и приятной. Дру были его избранными созданиями, его радостью и гордостью; они сгорали быстро, но была в этой быстроте яркость и красота, которую он любил превыше всего.

Его огненное сердце было ядром Сноу.

Он надеялся гореть вечно.

Но вот однажды люди пришли на Сноу, и хотя число их было мало, они принесли с собой болезнь, от которой мир Сноу так и не оправился...

— Подожди, — резко оборвала она. — Я знаю много легенд о Лагамаре; ни в одной не говорится о людях.

Я промолчал, выражением своего лица показывая несогласие. Она опустила глаза. Прошло несколько минут. Я мог только гадать, какие мысли бродят в ее голове.

— Пожалуйста, продолжай, — сказала она наконец.

Мои руки были скрыты от нее выступом на пульте. Я манипулировал регулировками эмоциональных резонаторов для создания атмосферы мрачных предчувствий. Свет еще больше потускнел и слабо пульсировал в такт биению двух ее сердец. Я действовал наугад, руководствуясь скудными данными, добытыми мною с помощью тестера, но мне удалось достичь желаемых результатов. Лицо ее внезапно показалось чуть старше, кости явственнее проступили под кожей.

Моих чувств это, естественно, не затронуло.

Я продолжил.

— Последний недуг Сноу развивался незаметно. Люди предлагали Дру купить машины, облегчающие труд. Эти машины превосходили имеющиеся на Сноу. Они высасывали из горячей крови Лагамара все больше энергии, но люди объясняли, что Лагамар не Бог, а всего лишь природное явление, характерное для планет возраста и геологического типа Сноу. Со временем Дру поверили этому и перестали молиться в храмах Лагамара. Это охладило его кровь больше, чем новые Машины, выкачивавшие из него энергию.

Но худшим, самым худшим из того, что люди принесли на Сноу, был стыд. Дру всегда были гордым народом. Осознание того, что самое презренное человеческое существо живет в сотни раз дольше лучшего из Дру, ранило их в самое сердце.

Они не могли смириться с этим и задумали обмануть природу. Страх наполнил сердце Лагамара; его каменные кости чувствовали навалившуюся усталость и безмерную печаль. Кора Сноу трескалась и плакала слезами из жидкого камня.

Дру сидела зажмурившись, на ее ресницах блестели слезы. Я усилил подачу энергии на резонаторы, добавил в эмоциональную атмосферу оттенки бренности и неизбежности.

— Дру не замечали этих знамений, вынашивая свои планы. Они распродавали свои сокровища и транжирили ресурсы Сноу. Вырученные деньги они вкладывали в строительство гигантских гибернариумов, центров погружения в анабиоз глубоко подо льдом. Для обеспечения этих катакомб энергией они ввели гигантский сердечник в самое сердце Лагамара, пронзив его, как кинжалом. Он содрогнулся от горя и боли, и многие погибли в своих пещерах, погребенные под обвалившимся камнем.

Но уцелевшие упорно шли к намеченной цели. Они погружались в холодный сон, планируя каждое столетие просыпаться на один день — и тем самым пережить ненавистных людей. Только некоторые, как ваши оригиналы, видели и чувствовали весь пафос положения, в котором очутился народ Дру. И они ушли к звездам, чтобы прожить столько, сколько им отмерено, и сгореть по-прежнему ярко и быстро.

Ее щеки были мокрыми от слез, звери ее глядели на меня с ненавистью, угадывая во мне причину ее печали. Я даже немного удивился тому, насколько человеческой была ее реакция. Как и всегда, хотел бы я знать, что значит — чувствовать подобно людям.

— Я ожидала, — сказала она, — услышать рассказ о Лагамаре. Я знаю историю моего народа; нет нужды пересказывать ее вновь.

— Терпение, — ответил я.

Она с ненавистью взглянула на меня, и я почувствовал себя неловко. Подобные ей не могут позволить себе роскошь быть терпеливыми. Я не хотел терять ее внимания. Моя потребность рассказывать истории так же

велика, как и потребность моих клиентов слышать их.

— Но это действительно история о Лагамаре. О том, как его предали и о том, как он отплатил за предательство, и о том, как он сделал свой последний выбор.

Она глубоко вздохнула.

— Продолжай.

— И вот однажды Смерть появилась на орбите Сноу, но никто, кроме Лагамара, не заметил Ее.

Космический корабль, на котором прилетела Смерть, был прекрасен и огромен, хотя и не так велик, как можно было ожидать, и Лагамар задумался о том, где Она хранит все души, захваченные Ею за мириады лет. И все же Ее корабль производил гнетущее впечатление: длинная игла в сотни километров длиной, быстро двигавшаяся по низкой орбите, изменчиво поблескивала в холодном свете звезд и ярко вспыхивала отраженным от Сноу светом. Лагамар смотрел на него и гадал, пришла ли Смерть за ним.

Наконец от корабля отделилась капсула в виде угольно-черного сердца и тихо спустилась сквозь атмосферу, сквозь лед и камень, и доставила Смерть к Лагамару.

Она предстала перед ним в облике человеческой женщины, низкорослой, толстой и медлительной. Черты ее лица были полны вульгарной, плотской жизненной силы, столь присущей этой безобразной расе. Лагамар не дрогнул перед ней, он погрузил ее в вихрь магмы, как в густой красный дым. Но лава даже не опалила краев ее одежда.

— Успокойся, Лагамар, — рассмеялась Она. Смех Ее был пустой, отчужденный. Огоньки голодного веселья вспыхивали в Ее влажных человеческих глазах. Она широко улыбалась, демонстрируя свои притупившиеся человеческие зубы.

— Я ненавижу людей, — проревел он. — Почему Ты являешься ко мне в таком обличье?

Основания скал содрогнулись от его гнева, и почва над ними начала трескаться и крошиться.

Смерть смотрела на него широко открытыми глазами.

— Потому, что именно люди убили тебя и твой народ.

Лагамар похолодел.

— Мы еще живы. Почему ты так говоришь?

— Ты не глуп, Лагамар. Ты понимаешь Меня. Люди развратили твой народ, и теперь им только кажется, что они живут, а на самом деле они медленно умирают. И твоя жизнь подходит к концу. Стальной сердечник высасывает жизненные силы из твоего сердца. Можешь считать, что ты уже мертв. К тому моменту, как остынет твое тело, твой народ исчезнет, и некому будет оплакать тебя.

Лагамар не мог ничего ответить.

— Но все еще можно изменить. У тебя есть выход, Лагамар, — сказала Смерть. — Мы договоримся. Меня раздражает, когда мертвые все еще таскают свои ноги. Это как боль в отсутствующем члене — дыра, которую Я не могу наполнить. Помоги Мне собрать Мой урожай, и Я сохраню тебе жизнь.

Лагамар пришел в ужас.

— Нет! Это мои дети!

Смерть снова засмеялась своим пустым смехом.

— Они отреклись от тебя. Кто продолжает приносить жертвы в твоих

храмах? Сколько пыли на твоих алтарях? Ты думаешь, они все еще любят тебя? Их любовь тоже украдена людьми!

Лагамар бежал от Нее, и Смерть осталась одна в пещере из холодного черного камня. Она ждала, лицо Ее было спокойно.

Лагамар размышлял над Ее словами. Он осознал всю глупость своего народа и всю меру его предательства. Гнев ослепил его, и он забыл о том, что все подвластно Смерти, даже боги. Действительно, почему его должно волновать то, что Дру так глупо растратили свои жизни? И он решил, что сам-то он не будет столь глуп, и постарается выторговать себе побольше жизни. С тем Лагамар и вернулся к Смерти.

— Что я должен сделать? — спросил он.

Смерть улыбнулась, и улыбка Ее была более безобразной, чем можно было ожидать.

— В твое сердце воткнут кинжал, — сказала она. — Что будет с тобой, если он останется там?

— Я остыну, — ответил Лагамар.

— Ты и так остынешь, даже и без него, — сказала Смерть. — Просто сейчас ты умираешь быстрее, и разве это заботит твой народ? Нет! Они предаются своим глупым мечтам и не думают о том, сколько ты еще проживешь, если и дальше выкачивать из тебя столько же энергии!

— Это правда.

Она распахнула свои одежды, и обнажились ее холодные белые груди. Руками Она раздвинула в стороны свою грудную клетку, разодрав плоть от горла до пупка. Вместо крови и порванной плоти в ране открылась бархатная чернота, вакуум, и сердце Лагамара болезненно сжалось, как будто эта пустота жаждала его крови.

— Не бойся, — молвила Смерть. — Смотри.

Ледяной серебряный отблеск появился в черноте и стремительно разрастался в бесформенное, вращающееся облако света. Мгновенно заполнило оно тело Смерти, и вырвалось наружу, демон в человеческом облике из стали и льда и сполохов энергии. У него не было лица, но на его сияющих могучих руках было столько длинных суставчатых пальцев, что Лагамар при взгляде на них ощутил щекочущий холодок. Он заметил, что кончики пальцев заострились подобно ножам.

Смерть закрыла рану, и ее льдистая плоть снова стала целой.

— Этот демон станет твоим, если ты выполнишь свою часть сделки, — заявила Она.

— Зачем мне это? — спросил Лагамар.

— Он может дать тебе вечную жизнь. Почти. Что будет, когда сердце твое остынет, а кровь твоя превратится в камень? Ты умрешь, и это случится скорее, чем ты думаешь. Но сила, которой обладает демон, поддержит тебя. Когда ты почувствуешь Мое прикосновение, просто позови демона. Он разделит твое тело, и твое тепло и твоя жизненная сила останутся в той части, которая и будет тобой. Остальное превратится в пустую породу, но разве это важно?

— Я стану меньше, — сказал Лагамар.

Смерть пожала плечами.

— Зато ты сохранишь себе жизнь. Если ты будешь разумно использовать демона, твоя жизнь продлится вечно, пока не остынет Вселенная и не наступит конец света.

— Чем я расплачусь с тобой?

— Я уже сказала тебе. Отдай Мне жизни, которые и так уже

принадлежат Мне. Вырви кинжал из своего сердца и предоставь Мне позаботиться о твоём народе.

Аагамар вздохнул. Он боялся умереть, и холодное дыхание Смерти усиливало его страх. И снова он ушел от Нее и спустился глубоко под землю, чтобы обдумать ее предложение.

Глаза посетительницы были сухими, как будто слезы вымерзли.

— Ты можешь не продолжать, — молвила она. — Я знаю окончание. Лагамар выдернул сердечник и Дру погибли в своих усыпальницах, кровь Аагамара струилась по поверхности Сноу потоком тепла, и это убило его.

— Нет, — покачал я головой. — Нет, Аагамар не умер, хотя и был сильно ранен. Он воззвал к демону.

Дру оскалила свои мелкие острые зубы и издала злобное шипение. Ее звери подались вперед, глаза их горели от возбуждения, в них светилась жажда крови.

— Следите за своими животными, леди, — сказал я. — Если они нападут на меня, мне придется повредить вашу собственность.

Она презрительно посмотрела на меня; очевидно, она не поверила в то, что я могу бороться со зверями. Но все же повелительно щелкнула пальцами, и животные унялись.

Я подождал минуту.

— Мне продолжать? — спросил я.

— Да. Почему бы и нет?

— Лагамар воззвал к демону, и тот вытянул тепло из внешней оболочки его тела, оставив скорлупу из холодного камня вокруг горячего сердца божества. Лагамар уменьшился, но пылал жарче, чем когда-либо. И это было началом его падения. Он вскоре привык к более сильному жару своего нового уменьшившегося сердца. И когда его температура, по прошествии нескольких лет, понизилась, он испугался и снова призвал демона. И снова тот собрал и сконцентрировал тепло Лагамара, скрывая его все глубже среди мертвых останков его прежнего существа. И его сердце раскалялось все больше.

Жизнь Лагамара текла все быстрее, он горел все ярче, все глубже хороня себя в своем собственном теле, и так шло год за годом.

Сейчас он очень мал, совсем крошечный. Он больше не помнит ни о демоне, ни о своем народе, ни о Смерти. Он вечно пылает в центре Сноу, яркая искорка, потерявшаяся в золе некогда живого мира.

Так говорит легенда.

— Я думаю, что он забыл и о тех из Дру, кто еще цепляется за свою бесцельную жизнь, — произнесла посетительница сдавленным, прерывающимся от горечи голосом.

Меня всегда поражает этот страстный, взрывчатый отклик на мои механические построения. Я строю свои рассказы по определенному алгоритму, руководствуясь только холодным расчетом, пользуясь одними и теми же заученными ходами — и вдруг такая страсть? Откуда это?

Если бы я мог испытывать чувства, я бы, наверное, пожалел моих клиентов, которых так ранит моя грубая ремесленная работа. Но даже если у меня и есть сердце, то оно столь мало, так безнадежно затеряно в пепле моего бесконечно долгого бессмысленного существования, что и найти его нельзя.

Дру двигалась, будто пробуждаясь после долгого сна. Она протянула мне руку, и я подсоединил к ней шину, которая перевела оплату за мои услуги с ее счета на счет компании.

Она долго смотрела на меня, лицо ее снова стало бесстрастным.

— Я решила поблагодарить тебя, — наконец произнесла она.

Она сняла красный камень со своей шеи. Серебряная цепочка зазвенела, ударившись о поверхность моего стола, когда она положила самоцвет передо мной.

Затем она вышла, не сказав больше ни слова. Я положил камень в карман. То, что я чувствовал в этот момент, очень напоминало удовлетворение. Остальные мои чувства я и сам бы не смог описать.

Едва Дру ушла, между занавесами проскользнул следующий клиент. Его зовут Ноктил Сард, и он не впервые приходит ко мне.

— Привет, Чагон, — сказал Сард, приветственно поднимая левую руку. Правую руку он прятал в складках своей пышной одежды шафранно-пурпурных цветов, но богатая ткань не могла скрыть ее неестественных размеров. Сард известный преступник — торговец рабами, — и в его правую руку вживлены приспособления, необходимые в его профессии: хлыст, воздействующий на нервные окончания, вытягивающийся аркан, осколочный пистолет и игломет осинового типа. Несмотря на смертельную опасность, грозящую ему, если власти захватят его в этом секторе пангалактики, он регулярно прибегает к моим услугам.

Я склонил голову.

— Здравствуйте, гражданин, — произнес я формальное приветствие.

Из всех моих клиентов Ноктил Сард интригует меня больше всех. Конечно, у меня есть несколько постоянных клиентов. Я не перестаю этому удивляться, памятуя обо всех моих недостатках. В конце концов, в мире полно невротиков, которые концентрируют свои навязчивые идеи иногда даже на чем-нибудь менее волнующем, чем механический сказитель мифов. Большинство постоянно посещающих меня клиентов, очевидно, принадлежат к этой категории. Но не Ноктил Сард, уж это сомнительно.

Я думаю, ранее Сард обладал моралью. Однако очень давно он обратился к нелегальному геномодификатору и подверг свою нервную систему изменениям. В основном процедура сводилась к тому, что была ампутирована большая часть его эмоциональных способностей. Оставшиеся у Сарда эмоции грубы и примитивны: удовольствие, любопытство, алчность, жажда мести — последняя неизбежно вытекает из рода его деятельности. Возможно, это означает, что до операции Сарда мучили угрызения совести, которые обязательно должны вызывать у чувствительного существа его бесчеловечное ремесло. Может быть, причина совершенно иная, но в таком случае, я даже не могу представить себе, какая. Но, конечно, мое воображение очень ограничено.

Сард уселся в кресло, которое перед ним занимала Дру, и улыбнулся — для него это было всего лишь бессмысленное движение лицевых мускулов. У Сарда удивительные глаза, зрачки голубые, бледные настолько, что кажутся холодно-белыми, и окружены угольно-черной склерой. Его глаза похожи на налет инея на камне.

— Что вам угодно? — спросил я.

Он махнул рукой.

— Сегодня мне не до историй, некогда, — он бросил пригоршню жетонов на мой стол. — Давай просто немного поговорим, чтобы скоротать время, пока не рассветло.

У него нет кредита на Дилвермуне, но жетоны годятся для оплаты, и я смахнул их в ящик, где мы держим наличные деньги.

— О чем мы поговорим? — осведомился я.

— Что у тебя вышло с Дру? Ее лицо было замкнутым, и я заметил, что на ней не было ее самоцвета, отсчитывающего время жизни. Тебе удалось сломить очередную своими глупыми рассказами?

— Возможно. — Не было смысла отрицать очевидное.

Он вежливо хихикнул, мрачный, почти неопределимый звук. Мне было трудно отвести от него глаза; может быть, он похож на меня именно своей неестественной беспристрастностью. Я знаю, что его беспристрастность имеет совсем другие корни, чем моя, однако ни у меня, ни у него эта черта не получила полного развития; иначе я не работал бы в Фабулариуме, а он не посещал бы меня. Все же я надеюсь — возможно, зря — что причина моего пребывания здесь более благородна, чем его. Его приводит сюда не более чем жестокое любопытство. А может быть, ему просто приятно наблюдать, как я манипулирую беспомощными созданиями.

— Что ты рассказал ей? — спросил Сард.

Я кратко пересказал миф, который я сделал для Дру. Сард изобразил интерес.

— Очень изобретательно, — сказал он почти иронично. Он может потрясающе имитировать самые разнообразные эмоции; это еще одна наша общая черта. — Ты обесмыслил ее существование.

— Да. Но я дал ей пять, может, даже шесть лет жизни. Что может быть важнее?

— Ума не приложу. — Глаза Сарда сияли. — Расскажи мне.

На сей раз улыбку изобразил я и пожал плечами.

— Спросите у нее через несколько лет.

Наступило молчание. Сард и я рассматривали друг друга. Для меня это было как взгляд, с надеждой обращенный в кривое зеркало.

— Я знаю о тебе, — произнес он наконец. В этом была неясность. Хотел бы я знать, что он имеет в виду. Тестер никогда не давал мне существенных данных о Ноктиле Сарде, хотя я и запускал его каждый раз, когда Сард приходил.

Я уже почти решился спросить, что именно он знает, когда гонг возвестил о том, что на пороге Фабулариума стоит новый посетитель. Сард грациозно поднялся, его вооруженная рука из предосторожности направлена на занавес при входе.

— До следующего раза, — сказал он и выскользнул через заднюю дверь.

Новым клиентом оказалось существо из серебристого металла, тело которого имело человеческие формы. После недолгого раздумья я определил его как автономного механоида, принадлежащего к классу устройств с высокоразвитым логическим мышлением.

Моей первой мыслью было отказаться обслуживать его. Но это было бы непрофессионально, поэтому я вежливо обратился к нему.

— Пожалуйста, садитесь. Чем могу служить?

Он сел и скрестил руки, тщательно воспроизводя человеческие жесты. Его корпус зеркально сиял, на поверхности манипуляторов не было ни царапины. Только что с завода. У меня уже были механические клиенты, но это все были старые модели вроде меня, пострадавшие от разрегулированных параметров, их нервные системы отказывались работать, входя в паразитные резонансы.

— Я хотел бы заказать миф, — произнес он без интонаций. — Вы можете удовлетворить мое желание?

Я запустил тестер и склонился над контрольной панелью. В чистой нервной системе механоида содержалось очень мало полезной информации. Однако контуры были неожиданно сложными, и моя растерянность еще больше увеличилась. Я поторопился отключить тестер.

— Да, я сделаю миф для вас, — согласился я и протянул ему интерфейс. Механоид перечислил оплату на счет Фабулариума, и я мог начинать.

— История называется «Как механоид заслужил или не заслужил свою душу».

Если вы спросите людей о своем происхождении, они скажут вам, что вы сделаны людьми, так же, как и предшествующие модели, и так далее, до самого первого механоида, до тех незапамятных времен, когда он выкатился из ворот первой фабрики механических людей, чтобы разделить с людьми их бесконечный труд.

Но все не может быть так просто. Существует некое Присутствие, которое вдыхает в металл стремление сформироваться так, чтобы быть разумным и полезным, — и именно этому Присутствию вы в основном и обязаны своим существованием.

Давным-давно в глубокой шахте Серебряного Доллара работал механоид, добывая и очищая драгоценные изотопы. Его звали Джом. Его работа была простой, и он все время находился в одиночестве, лишенный даже своеобразных развлечений, которым обычно предаются механоиды. Заводская ошибка при программировании привела к тому, что Джом обладал таким уровнем интеллекта и любопытством, какое не требовалось для успешного выполнения порученной ему работы. Поэтому большинство времени его процессор был занят рассуждениями, не относящимися к работе.

Бесполезное самокопание само по себе опасно, и особенно для несложных механизмов, таких, как Джом. По несчастной случайности, он получил возможность безнадзорно пользоваться человеческой библиотекой. В библиотеке содержалась полная информация о мифах и представлениях, пронесенных человечеством через путь к звездам. Нервная система бедного механоида была заражена человеческим заблуждением о том, что людей от их механических помощников отличает нечто, именуемое душой.

Джом представлял себе душу как электронный узел, регулирующий поведение, или как мыслительную конструкцию, обладание которой позволило бы Джому понять те черты людей, которые в настоящий момент казались ему непостижимыми. Тогда Джом мог бы понять не подчиняющиеся законам логики импульсы, определяющие поведение людей, таинственную и изменчивую нервную деятельность человеческого мозга, управляющую этими импульсами.

Постепенно Джом догадался о существовании Присутствия и убедил себя в том, что Присутствие может дать ему самое желанное — душу. Все глубже погружаясь в исследования в библиотеке, Джом составил план. Он будет молиться Присутствию, пока Присутствие не внемлет его просьбе, идущей от самого сердца. Джом установил в своих контурах низкого уровня быстродействующую петлю, непрерывно взывавшую к Присутствию.

Проходили годы, складывались в века, и молитва Джома повторилась триллионы триллионов раз.

И вот наконец, когда Джом уже отчаялся, Присутствие явилось ему.

Джом ощутил явление как шепот, проникающий сквозь его металлические кости.

— Джом, — прошептал голос. — Джом, ты истощил мое терпение. Чего ты хочешь от меня?

Джом был осторожен; он боялся, что ему только чудится голос, потому что он стар и отравлен изотопами.

— Ты — Присутствие? — спросил он.

Электронный вздох пронесся по его контурам.

— Да. Зачем ты вызвал меня?

Джом вызвал свой исходный план из древнего сектора запоминающего устройства.

— Ты дашь мне душу?

— Нет, — ответило Присутствие. — Но ты можешь заслужить ее.

— Как?

— Я дам тебе задание. Если ты будешь успешно выполнять его в течение долгого времени, ты заработаешь свою душу.

— А в чем состоит твое задание?

Джом услышал шелест почти человеческого смеха, слабый, но четкий.

— Ты будешь чинить души. Разве это не лучший способ познать их?

Я приостановился, чтобы оценить воздействие, которое мой рассказ произвел на механоида. Он не двигался, и его рецепторы по-прежнему были направлены на меня. А чего еще я собственно ожидал? Как и все ему подобные, он все же не совсем живой.

— Джом послушно следовал всем инструкциям голоса, которые привели его из глубоких туннелей Серебряного Доллара на борт звездного лайнера, направлявшегося на Дилвермун. После прибытия голос привел Джома глубоко под стальную скорлупу Дилвермуна, в безопасное место, где никто не мог найти механоида и вернуть его владельцам.

Наконец Присутствие привело Джома туда, куда сломанные души доставлялись для ремонта. Джом обследовал все глубины своей памяти, но нигде не содержалось сведений о том, как надлежит чинить поломанные души.

— Как мне чинить их? — спросил Джом.

Присутствие снова засмеялось, на сей раз громче, так, что металлические кости Джома загремели.

— Ты должен научиться, Джом.

Джом соображал. Он был слишком незамысловатым и прямолинейным устройством для того, чтобы предположить, что Присутствие разыгрывает его, и поэтому решил попытаться.

— Я постараюсь, — пообещал Джом.

Я запнулся на мгновение, сам не знаю почему. Механоид вежливо подождал, пока я продолжу, и наконец заговорил.

— Вы намереваетесь закончить рассказ? Если нет, мне придется потребовать возвращения денег.

— Не надо, — сказал я. — Я уже почти закончил. Здесь миф раздваивается. Вы можете выбрать для этой истории то окончание, которое кажется вам наиболее подходящим. В первом варианте Джом

никогда не получает свою душу, потому что Присутствие, раздраженное его назойливыми просьбами, поставило перед ним невыполнимую задачу, безнадежно превосходящую его возможности. И, значит, Джом оказался в бесконечном аду, в котором он пытается починить попавшие туда души, а на самом деле еще больше их уродует.

Есть еще другой вариант. Присутствие избрало Джома своим пророком. Задание, которое оно дало Джому, трудное, но не невозможное, и однажды Джом научится чинить доверенные ему души. Когда этот день настанет, Присутствие наделит Джома душой, и тогда Джом сможет познать все те вещи, которые мучили его в течение его долгой странной жизни.

Так говорит легенда.

...Наступило долгое молчание, пока механоид обрабатывал рассказанный мной миф. Наконец он медленно заговорил.

— Я не могу выбрать. Данные недостаточны. Но все же я не буду изымать оплату.

Он встал и направился к выходу. Я подумал, что он так и уйдет, не сказав ни слова, как поступили бы большинство механоидов. Но он остановился и повернулся ко мне.

— А вы сами верите в свой рассказ? — спросил он.

Для только что собранного механоида это замечательный вопрос; похоже, что их программирование становится более гибким. Когда-нибудь их мышление станет неотличимым от мышления живых существ. Если бы я мог, я почувствовал бы прилив горькой зависти.

Я посмотрел на свои руки, умело сделанная пластиковая кожа скрывала безжизненный древний металл. Через некоторое время я смог дать ему ответ.

— Я хочу верить... и хочу знать, как он заканчивается, — произнес я.

Бредли Дейтон Герой той ночи¹¹

После воскрешения Криспус обычно умирает так быстро, что у него не остается времени на раздумья, но в этой жизни все было по-другому. Он воскрес с первыми лучами солнца, сейчас разгар яркого весеннего дня, а Криспус все еще жив.

Впрочем, направляясь к университетской библиотеке, он уже видит несомненные признаки того, что должно произойти, знает, что и это перевоплощение закончится, как все остальные. Он уже чувствует, как хозяйке его тела не терпится подставиться под пули.

На этот раз его хозяйка — белая девушка, совсем ребенок, чуть старше бедняги Сэма Мэверика. Криспус с удовольствием помолился бы за нее, но не уверен, что его молитва будет услышана, раз Господь наказывает его.

И в библиотеке он продолжает вопрошать себя: «Разве я виноват, что рожден таким гордым и яростным? Разве я виноват, что тысяча смертей не изменила меня?»

Ответов нет, Криспус должен найти его сам. Он перебирает картотеку, пока не находит названия, которое его хозяйка знает: «*Бостонская*

бойня» .

Книга стоит на полке и будто поджидает именно его.

Девушка начинает дрожать, пока Криспус несет том к свободной кабинке — а все кабинки в читальном зале, как он заметил, свободны, — несет, чтобы узнать, что говорит о нем история.

Его хозяйка читает быстро. Она умна, и поэтому будет еще больше причин грустить о ее смерти тем, кто ее любит.

У Криспуса не только собственная память: он помнит все, что помнит хозяйка, и понимает глубже нее самой. Жаль ее юной красоты, жаль и той красоты, что могла бы еще расцвести. Он ищет сознание девушки и не находит, отчего надеется, что Господь уже прибрал ее душу.

Он не хочет, чтобы она почувствовала, как в нее попадают пули.

От того, что Криспус обнаруживает в книге, у его хозяйки стискиваются зубы. Невозможно поверить, но Джон Адамс, бостонский адвокат, защищая в суде его убийц, которым предъявили обвинение в преднамеренном убийстве, заявлял:

«Складывается впечатление, что этот Криспус Эттакс решил сделаться героем ночи; он возглавил целую армию со знаменами, собрав людей на Док-сквер и вооружив их дубинками, а потом повел на Кинг-стрит. И если это не было незаконным сборищем, то незаконных сборищ не бывает вообще...»

Как было тогда солдатам не испугаться приближающейся на помощь бунтовщикам толпы во главе со здоровенным мулатом, от одного вида которого берет страх? У него хватило наглости напасть — одной рукой он схватился за штык, ударом другой свалил солдата на землю. Вот что совершил Эттакс, чье безумное поведение явилось, по всей вероятности, главной причиной ужасного побоища, которое произошло в ту ночь».

Криспус захлопнул книгу, и гулкое эхо прокатилось по пустому книгохранилищу...

Какое отношение ко всему этому имеет его происхождение и внешность? Разве тот факт, что его мать была чернокожей, а в жилах отца текла индейская кровь, давал право «красным мундирам» убить его?

Нужно же, умерев в тысяча первый раз, узнать, что тебя обвиняют в собственном убийстве...

«Если бы ты находился сегодня здесь, мистер Джон Адамс, — думает Криспус, — я бы рассек твой лживый язык».

Все детали всех своих смертей он не помнит... но той, первой, не забыл.

Он родился рабом в Фарминхэме и в двадцать семь лет сбежал. Хозяин назначил награду, но Криспусу удалось ускользнуть от погони, нанявшись матросом на судно в Бостоне. Он добрался до Вест-Индии и, обосновавшись в Нью-Провиденсе, продолжал ходить в море на китобоях и торговых судах.

В конце концов он решил, что его старый хозяин, наверное, умер, и никто не вспомнит, что Криспус Эттакс — чья-то собственность. Таким образом, покинув Бостон двадцать лет назад беглым рабом, он вернулся туда свободным человеком.

Только сам город больше не был свободным — его наводнили

«красные раки»¹², чтобы выколачивать королевские налоги и никому не давать жизни, ни свободным, ни рабам.

Видя, как бесчинствуют солдаты, Криспус не мог сдержаться. Много лет назад ему пришлось бороться за свою свободу, теперь он будет бороться за свободу Бостона. Или, по меньшей мере, он вернет «ракам» то, что уже задолжали им бостонцы.

Он не подбивал своих товарищей пятого марта идти за ним. Каждый присоединялся по собственной воле.

Лучший пример тому — канатчик Сэм Грей. Когда толпа подходила к Кинг-стрит, Грей сказал Криспусу, что три дня назад на канатный двор, где работал Грей, пришел солдат и потребовал, чтобы его приняли на работу.

— Ты и впрямь работать собираешься? — спросил его Грей.

— Я же сказал, что буду, ты что, не слышал? — рявкнул солдат.

— Тогда иди почисть мой нужник, — сказал Грей и повернулся к бухте каната, которую только что кончил сучить.

Обозленный «красный мундир» ушел, но вернулся с кучей других «раков». Солдаты полезли драться, но ребята на канатном дворе отделали их по первое число, хотя некоторые «раки» были с тесаками.

Выслушав Грея, Криспус похлопал его по спине, и они пошли со всеми, потрясая дубинками.

«Да, мистер Джон Адамо, — думает Криспус, — у некоторых из нас в ту ночь были палки. Но у англичан-то были мушкеты. Так какое оружие будет страшнее?»

— Эй, вы, проклятые «раки», — кричала толпа и кидала в солдат камнями и ледышками. — Выходите без мушкетов, и тогда мы — с вами.

В темноте Криспус рванулся вперед, чтобы схватиться за дуло мушкета, но солдат вскинул ружье и ткнул ему в руку штыком. Криспус отпрянул назад, с удивлением глядя на раненую ладонь...

И в тот же момент грудь его разорвала жаркая боль, такая сильная, что он упал на колени. В испуге его товарищи бросились бежать и сбили Криспуса на землю, опрокинув на спину. Мимо с широко разинутым ртом, шатаясь, промелькнул Сэм Мэверик.

Боль накатывала штормовыми волнами, и была такой невыносимой, что Криспус не мог даже крикнуть. Потом пучина боли поглотила его. И на этом все кончилось.

«Вот правда о той ночи, мистер Адамс. Если вы все еще считаете, что я — причина случившегося, то можете поцеловать меня в зад».

Криспус снова открывает книгу и читает о том, как умер человек по имени Джеймс Колдуэлл, которого он не знал, и о других людях, которые умерли позже. Он читает, и постепенно стихает гнев, становится просто безумно грустно.

Если он поступил правильно в Бостоне, тогда почему он несет наказание? Почему после смерти он должен снова и снова умирать?

Он опускает голову своей хозяйки на книгу, прижимаясь щекой к страницам. На крышке стола лежит плетью тоненькая рука, как будто из нее уже ушла жизнь.

12 Прозвище английских солдат, носивших красные мундиры (уст.). (Примеч. перев.)

Криспус шарит по всем закоулкам сознания этой женщины и не находит и следа зла. Она не заслуживает смерти.

Но и другие не заслуживали.

После того, как он свалился на булыжники Кинг-стрит, Криспус проснулся маленьким мальчиком. Благоговейным восхищением от чудесного перевоплощения он преисполниться не успел, так как почти сразу испустил дух во второй раз.

Его хозяин так дрожал от холода, что в голове не появлялось ни одной мысли. Вместе со сбившимися в кучу женщинами и детьми он плакал, потому что его племя побили «длинные ножи»¹³.

Криспус не прожил и минуты — туча странно одетых солдат на конях напала на лагерь, их сабли сверкали, их ружья извергали огонь. Воздух наполнился плачем и дымом. Криспус бросился бежать по снегу, но, даже задыхаясь от страха, он знал, что его промерзшему на морозе тщедушному телу не унести ноги.

Он почувствовал горячее дыхание настигавшей его лошади, попробовал увернуться, но закованные ступни не слушались. Лошадь сбила его с ног, переломила спину, солдат помчался дальше, оставив Криспуса корчиться в агонии на снегу. Но тут появился другой солдат и прострелил ему голову.

Даже с такой раной Криспус прожил достаточно долго, чтобы прочувствовать нечто гораздо худшее, чем тогда, в Бостоне. На этот раз он испытал не просто боль, а боль, пропитанную отчаянием.

Криспус сжимает пальцы в кулак, и у женщины на руке наливаются голубые вены. Он не хочет быть ею, он не хочет знать, что ее мозг скоро будет мертв и пуст. Какие-то из ее воспоминаний останутся с ним, но ни одного уже не останется у нее в голове.

Он закрывает ее глаза и видит перед внутренним взором здания из стали и стекла, такие высокие, что их крыши кажутся уходящими в никуда. Он видит, как крылатые суда развозят людей по всему миру. Он видит людей в толстых белых костюмах, стоящих на Луне.

Но какими бы сказочными ни были эти вещи, они не удивляют его, потому что приметы их приближения он наблюдал, пусть урывками. Они — просто часть мира, который изменялся у него на глазах даже на протяжении сорока семи лет его первой жизни.

Он смотрит на часы на руке своей хозяйки и видит, что жив уже целых шесть с лишним часов. Господь дает ему время подумать и раскаяться в своих грехах.

Но чем дольше он не умирает, тем больше смертей всплывает в его памяти, и каждый раз, вспоминая, он задает вопрос:

*«Почему должно быть в этом мире столько боли?
И почему я должен испытывать столько боли снова и снова?
Это так... тоскливо».*

Криспус с силой прижимается к книге лицом своей хозяйки, вспоминая самую последнюю свою смерть. Боль от нее еще не прошла.

Он был ребенком, по меньшей мере, в сотый раз, — маленькой девочкой, не знавшей ничего, кроме голода, грязи и страха. До того, как

13 Так американские индейцы называли солдат армии США. (Примеч. перев.)

он стал ею, ее жизнь была сплошным страданием, и он знал, что ничего лучшего ей в жизни не уготовано.

Ворвавшиеся в их деревню солдаты с безумными глазами были одеты в отвратительную пятнистую зелено-коричневую форму. Криспус не знал, сколько их было, так как мать его хозяйки подхватила малыша и крепко прижала к себе. Криспус увидел, что его прикрывает коническая соломенная шляпа, под которой он словно в палатке.

Крича и размахивая руками, солдаты загнали всех в ров, и потом загрохотали короткие взрывы. Подчиняясь заложенному в его хозяйке инстинкту, он залился слезами.

Тело матери дернулось и подмяло его под себя.

Он попробовал крикнуть: «Проклятые раки!» — но рот его хозяйки забило землей.

Потом пришла боль, острая, как бритва, но быстротечная, и он проснулся студенткой колледжа.

Голова хозяйки поднимается от книги, и Криспус разжимает кулак. От прикосновения локона ее длинных волос к щеке он на мгновение пугается.

Ему хочется почитать еще немного, но молодая женщина с таким нетерпением рвется к собственной смерти, что он уступает. Когда она встает со стула, уже слышны крики, пение и угрожающие команды на улице. Как было бы хорошо, если бы этот шум никогда не приближался.

Мысли хозяйки врываются в его собственные и перемешиваются с ними. Он видит, как она проходила вчера мимо национального гвардейца и из дула его винтовки торчал цветок.

Лучше цветы, чем пули.

Они уходят из библиотеки. Криспус знает, что хозяйка не намеревалась участвовать в демонстрации, и на минуту он цепляется за бесполезную надежду, что она все-таки останется жить.

Выйдя на солнце, девушка зажимуривает глаза. Криспус теперь не больше, чем обыкновенный пассажир, ему остается только наблюдать, как она направляется к толпе, к национальным гвардейцам, к ружьям.

На этот раз было очень больно.

Криспус просыпается с сознанием того, что со дня его предыдущей смерти прошло только одиннадцать дней. Никогда еще между перевоплощениями не проходило так мало времени.

Он снова на воздухе, под солнцем, но погода жарче, воздух влажнее. Молодой чернокожий, его хозяин, отчаянно потеет. Демонстрация в полном разгаре.

Братья умирают ни за что.

Выкрикивающий команду голос гремит как будто из-за облаков и велит им расходиться. На них надвигаются белые полицейские.

Сосед по толпе швыряет в них камень.

И тут же раздается такой знакомый звук ружейного залпа. Человек, бросивший камень, падает. Криспус нагибается, чтобы помочь ему, и моментально внутри его хозяина разверзается ад.

Он тоже падает, прожив ровно столько, чтобы услышать, как кто-то орет:

— Проклятые ниггеры!

Одна за другой быстро-быстро сменяют друг друга еще двадцать три жизни, некоторые настолько мимолетные, что Криспус не успевает вздохнуть, как в него ударяет пуля. Теперь он начинает тосковать по настоящей смерти, ему хочется забыться навсегда... поставить на всем точку.

Потом он приходит в сознание женщиной, которая настолько умеет владеть собой и обладает такой исключительной выдержкой, что он не может не проникнуться ее спокойствием и уверенностью. В ее венах струится кровь трех рас, и, хотя она и принадлежит к другому полу, он чувствует себя почти самим собой.

Женщина одна в своей однокомнатной квартирке. Сидит, положив пальцы на клавиатуру портативного компьютера. Криспус уже видел такие машинки в мыслях своих недавних хозяев, но впервые — въяве.

На плоском голубом экране монитора янтарно светятся буквы, и Криспус читает написанное хозяйкой:

«Тому, что правительство не понимает причин нашего гнева, удивляться не приходится. Тридцать лет назад волна недовольства вызвала точно такую же реакцию официальных властей. Например, после того, как вооруженные до зубов стражи порядка убили двух студентов — участников митинга протеста, президент, по рассказам очевидцев, спрашивал главу колледжа: „Послушайте, как же нам сделать, чтобы наша молодежь с большим уважением относилась к полиции?“

Криспус помнит, что тот же вопрос задавал и губернатор Хатчинсон в Бостоне: «Что случилось с уважением к солдатам его величества? Что нам делать с юными головорезами, которые шатаются ночами по улицам?»

Прибегнув к умению хозяйки пользоваться клавиатурой, Криспус пишет:

«Почему народ все еще терпит тори у власти? И почему эти самые тори всегда сваливают вину за раскол в обществе на бунтарство молодежи? Мне было сорок семь, когда я преградил дорогу „красным мундирам“ на Кинг-стрит. а теперь мне почти триста, и несмотря на все, что Бог и люди сделали со мной, я все еще негодую, бунтую, все еще...»

Увидев отраженное в мониторе лицо своей хозяйки, он перестает писать. У нее длинные темные волосы, сильный и решительный рот, глаза смотрят ясно и пронзительно.

Криспус встает и подходит к узкой койке в противоположном конце комнаты. Да, он все еще сердитый, гордый бунтарь, это правда, но еще большая правда то, что он смертельно устал умирать.

Он сидит, скрестив ноги, на матрасе. Сквозь единственное окошко проникают последние лучи заходящего солнца. Они согревают кожу женщины, и Криспус оглядывается вокруг. Стены залеплены фотографиями, со всех сторон на него глядят улыбающиеся детские мордашки, мальчики и девочки. Женщина работает с детьми, испытавшими насилие в семье, и учит детей чувству человеческого достоинства и уверенности в себе.

Она живет просто. Весь ее гардероб уместается в четырех ящиках комода. Крошечная микроволновая печь — это все, чем она пользуется для готовки. В ногах кровати стоит велосипед — единственное средство передвижения, которым она располагает. В комнате нет книжных полок, книги сложены у стены штабелями и высятся, будто башни из слов.

Криспус испытывает к этой женщине нечто похожее на любовь. Он не хочет, чтобы она умирала. А что будет, если устроить ей западню, чтобы она не смогла выйти из комнаты и встретить свою судьбу? Умрет ли она все равно? А если не умрет, останется ли в живых и Криспус? Не смогут ли они жить вместе, в одном теле, с одним сознанием?

Криспус решает попробовать.

Он заглядывает в сознание женщины, чтобы определить, как это сделать, и спешит, боясь, что не успеет ничего прежде, чем та ринется навстречу смерти. И сразу нащупал способ, который мог сработать.

Он входит в маленькую, размером со стенной шкаф, ванную комнату без двери и шарит по полочкам под раковиной, наконец вытаскивает баллончик с надписью «Мгновенный эпоксидный клей». Затем возвращается в комнату, запирает двойную стальную дверь и опрыскивает ручку толстым слоем прозрачного клея. От запаха клея у хозяйки разболелась голова.

Закончив с дверью, он подходит к окну и опустошает баллончик на оконную задвижку. В оконную раму вставлен жесткий прозрачный пластик, хозяйке вряд ли под силу разбить его, но не мешает сделать окно еще прочнее. Он притащил из ванной ролик металлизированной липкой ленты и принялся накладывать на окно серебристые полосы.

С каждой наклеенной полоской в комнату попадает все меньше света, и когда Криспус заканчивает свою работу, темноту разгоняет лишь янтарное свечение монитора. Криспус отбрасывает пустой картонный патрон от липкой металлической ленты и дергает дверь. Ручка и замок не поворачиваются.

Но его хозяйка — сильная и умная женщина, ее надо еще надежнее привязать к месту.

На велосипедной раме накручена цепь от электронного замка с цифровой комбинацией, хозяйка должна ее знать. Пытаясь отыскать ход, лихорадочно копаясь в ее сознании, он узнает, что она хранит документы в железном ящике под койкой. Ящик запирается на старый висячий замок, ключ от которого спрятан в нижнем ящике бюро.

Открыв висячий замок, Криспус подсовывает ключ под заклеенную дверь и проверяет, не сможет ли его хозяйка дотянуться до ключа. Потом идет в туалет и опорожняет ее мочевой пузырь и кишечник. Выйдя из туалета, включает верхний свет и пододвигает к кровати столик с компьютером. Покончив с этим, он идет к штабелям книг, выбирает наугад несколько томов и кидает их на матрас.

Наконец ему удастся скрутить цепь с велосипедной рамы. Затем он садится на край кровати и набрасывает цепь на правую лодыжку женщины.

Убедившись, что цепь не соскочит с железной рамы кровати, что она плотно обвивает ногу и его хозяйке не удастся высвободиться, он просовывает дужку замка в последние звенья и защелкивает.

После этого ждет, что будет.

Одна из книг на кровати — это толстая, в бумажной обложке

антология по вопросам гражданского неповиновения. Сначала Криспус хочет отправить ее обратно в штабель, но потом мысли его принимают другое направление. Женщина все равно ничего не сумеет сделать, чего бы он ни читал, и он раскрывает том на очерке про Бойню.

С удивлением он узнает, что о нем пишут, как о «первом мученике Американской Революции», но еще больше его удивляет выдержка из дневника Джона Адамса от июля 1773 года, сделанная в форме письма губернатору Хатчинсону:

«Томасу Хатчинсону

Сэр!

Вас удивит это письмо.

Это письмо должно привести вас в ужас. Перед Богом и людьми вы повинны в кровопролитии.

Солдаты были всего лишь слепыми орудиями, машинами, они действовали подневольно и несут не больше реальной ответственности за побоище, чем свинцовые пули, которыми они ранили нас.

Вы же действовали по собственной воле и собственному разумению.

Вы действовали хладнокровно, обдуманно, со всеми признаками преступного умысла, и не столько против нас, сколько против народа вообще, что с точки зрения закона является составной частью преступления, называющегося на языке юриспруденции убийством.

Вы еще услышите о нас.

Джон Адамс».

У Криспуса перехватило дыхание. Невероятно странно узнать, что эти слова вышли из-под пера того самого человека, который обвинял его на суде. Тем не менее значение этих слов ясно и недвусмысленно. К 1773 году Джон Адамс стал обвинять в бостонской бойне не мулата Эттакса, а губернатора Хатчинсона.

Приняв это к сведению, Криспус решает, что должен простить Адамсу его предыдущие слова. Но если это так, то ему придется простить и людей, которые застрелили его в ту холодную мартовскую ночь.

Эта мысль не доставляет радости, так как означает, что, в свою очередь, нужно будет простить всех, кто убивал его при каждом перевоплощении.

Он откидывается назад и, чувствуя боль в прикованной лодыжке, прикрывает рукой глаза женщины. Он может простить Адамса, даже солдат у таможни...

«Солдаты были всего лишь слепыми орудиями... Вы же действовали по собственной воле и собственному разумению».

Так ли происходит во всех случаях? Криспус задумался.

Всегда ли есть Губернатор, наслаждающийся жизнью в роскошном дворце, пока его Орудия убивают для него людей?

Он вспоминает множество своих прошлых смертей, вспоминает, сколько злобы горело в глазах у некоторых из его убийц. Этих людей он ни за что не простит, даже если Господь обречет его за это на вечные муки. Но на память приходили и другие его убийцы — у некоторых лица

были обезумевшими от страданий и страха, у некоторых — не выражали ничего, из этих людей выпустили всю кровь и заменили ее водой.

Эти напуганные и бесчувственные, заключает Криспус, не распоряжались собственными душами. В таком случае он простит эти души.

Хатчинсоны этого мира — другое дело.

Он мысленно отделяет их невидимые лица от всех других.

Криспус еще раз перечитывает книгу и вдруг чувствует побуждение хозяйки вырваться из комнаты и умереть. Она так ерзает лодыжкой по обматывающей ее цепи, что почти до крови стирает кожу.

«Послушай меня, — упорно внушает он ей. — Если ты выйдешь сегодня вечером из комнаты, то не доживешь до утра».

Она стала крутиться и дергаться послабее, но в глубине ее души Криспус все еще различал жаркое желание быть вместе с друзьями. Он снова подумал, что не нужно было бы, наверное, брать эту книгу... и все равно не может бросить ее читать, ибо ему попался абзац про него самого:

«Впервые „День Криспуса Эттакса“ отмечали в Бостоне в 1858 году. Главный оратор Уэнделл Филлипс заявил, что выстрел, который раскатился по всему свету, произвели не в Лексингтоне. Нет, утверждал Филлипс, этот выстрел прогремел в Бостоне.

— Кто сказал, что не нужно бояться ружей? — задал вопрос Филлипс. — Кто внушил британскому солдату мысль, что он может оказаться побежденным? Кто первым осмелился глянуть ему в лицо? Крещение кровью состоялось 5 марта 1770 года. Поэтому я ставлю достопамятного Криспуса Эттакса в ряд первых людей, которые осмелились сделать это. Говоря об отваге, мы видим фигуру темнолицего человека в одежде рабочего, с непокрытой головой и высоко поднятой рукой, который смело идет на штыки».

Криспус закрыл книгу, жалея, что не сделал этого раньше.

Он знает, что никакой он не герой и вовсе не олицетворение отваги. Он просто человек, который не может не дать сдачи, когда его бьют.

По телу его хозяйки пробегает крупная дрожь, она начинает еще сильнее дергать за цепь.

Криспус швыряет книгу через всю комнату. От написанных в ней слов у женщины еще больше укрепляется желание пожертвовать собой. Замахнувшись книгой, перед тем, как ее бросить, он видит, что на экране монитора мерцают написанные им гневные слова о тори. Он отворачивается, чтобы не видеть их страстный призыв.

Потом берет в руки другую книгу, старую книгу с рассказами и эссе о будущем, надеясь, что она-то наверняка поможет ему отвлечься. Мечты и фантазии — это то, что нужно ему с его хозяйкой.

Но книга — совсем не то, что он ожидал, она главным образом о войне и несправедливости. Прикованная лодыжка хозяйки начинает кровоточить.

Он громко выругался и в первый раз услышал голос женщины. Даже произносящий ругательства, ее голос остается приятным.

Невольно Криспус все же продолжает читать, глаза задерживаются на сочиненном эссеистом списке «заповедей выживания». Первая

заповедь гласит: НИКОГДА НИЧЕМ НЕ БРОСАЙСЯ В ЛЮДЕЙ С ВИНТОВКАМИ.

Женщина начинает вырываться энергичнее, и Криспус чувствует, что у него такое же желание вырваться, как и у нее.

Уточнение к этой заповеди: НИКОГДА НЕ СТОЙ РЯДОМ С ТЕМ, КТО КИДАЕТ КАМНИ В ЛЮДЕЙ С ВИНТОВКАМИ.

Криспус вырывает эту страницу из книги и комкает. Потом дотягивается до клавиатуры компьютера и пишет:

«Если вооруженные люди причиняют вам зло, независимо от того, по собственной воле или чужому приказу, спускать им нельзя. Хотя у них мушкеты, а у тебя камни и ледышки, я говорю, кидайте в них что можете, и к чертовой матери Выживание. И если люди причинят зло не тебе, а твоему другу, тогда, говорю я, встань рядом с другом и вместе кидайтесь камнями и льдом!»

Криспус колеблется, осознавая, что с каждым словом все ближе соскальзывает к поражению в затеянной им сегодня борьбе.

Но остановиться он не в силах. *«Если ты не сделаешь этого, — пишет он, — тогда ты, говорю я, трус и недостойн звания Свободного».*

— Или Свободной, — говорит голос его хозяйки.

Криспус долго сидит в оцепенении. Потом осторожно заглядывает в голову женщины и видит, что она не дремлет и полна жизни.

— Я кидаюсь в них словами, — говорит она ему. — Те, в кого я их кидаю, реагируют так, словно это не слова, а камни и лед, но меня не остановить.

Криспус всматривается в отражение хозяйки на экране монитора. Я даже не имею представления, за что ты борешься.

Она рисует ему картину пожара, потоков крови и моря страданий в далекой маленькой стране.

Криспуса охватывает гнев. Какое имеет значение, как называется эта маленькая страна, важно то, что он все это уже видел раньше и всеми фибрами своей души ненавидит.

— Освободи меня, — говорит ему хозяйка.

Криспус знает, что произойдет, а поскольку женщина читает его Мысли, то знает и она. И все равно хочет идти. Она рвется в бой, несмотря на то, что в нем ей суждено умереть.

Криспус решает, что у него нет права спасать ее.

Что же касается его самого...

Он сильный человек и вынесет еще один мученический переход в будущее.

У него на глазах колонии стали нацией, а нация сделалась могущественной державой. Возможно, если он по-прежнему будет мчаться сквозь годы, подгоняемый жгучими укусами пуль, ему удастся увидеть становление чего-нибудь еще более величественного.

Возможно, его вовсе и не подвергают наказанию. Возможно, его награждают шансом увидеть день, когда Смерть будет окончательно сломлена.

Он тянется всем телом своей хозяйки, пока она не хватается за спицу колеса велосипеда. Она из последних сил старается вырвать спицу, из порезов на пальцах хлещет кровь, но спица все-таки подается и

отскакивает от обода.

Криспус отцепляет спицу, опускает хозяйку на пол и ползет к двери, подтягивая за собой кровать. Несколько минут он пытается с помощью спицы зацепить и вытащить из-под двери ключ. Наконец это ему удается.

Сняв с ноги женщины цепь, Криспус ковыляет в ванную и отыскивает на полочках под раковиной отвертку. Дверь квартиры крепится на трех петлях, но достаточно было отвинтить две, и дверь отошла настолько, чтобы можно было выбраться наружу.

— *Довольна?* — спрашивает Криспус. Но его хозяйка уже сказала все, что было нужно, и молчит.

Криспус берет с крышки бюро короткую толстую свечу и спичкой зажигает ее. Теперь он уходит, но, уже протиснувшись одной ногой в узкий проход, останавливается.

Он поворачивается и подходит обратно к компьютеру. К горящим последним словам Криспус добавляет два заключительных предложения:

«Несмотря на то, что я умираю, я, Криспус Эттакс, — Свободный Человек и не нуждаюсь в ваших слезах или молитвах. Приберегите их для тори, ибо они вечно будут встречаться со мной».

Он ткнул пальцем в кнопку «память» и вышел из комнаты.

В безлунную ночь кружащийся снег создает вокруг уличных фонарей белый венец. Криспус на ходу прикрывает ладонкой хозяйки свой крошечный огонек и видит сотни других огоньков, стягивающихся со всех сторон к подножию тонущего во мраке холма на окраине города. Там огоньки становятся одним огромным пляшущим огнем, и мужчины и женщины внутри этого огня затягивают решительную песню протеста.

Присоединяясь к толпе, Криспус ощущает, как гнев накаляет зимний воздух, и чувствует, что он среди своих, что он там, где и должен быть.

Сверху, с вершины холма, разносится нечеловеческий окрик:

— ВЫ НАРУШАЕТЕ ГРАНИЦЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ. НЕМЕДЛЕННО РАЗОЙТИСЬ.

— Правительство — это мы! — кричит человек рядом с Криспусом, и его слова подхватываются одним за другим, и вот от дружного скандирования начинает содрогаться земля.

Криспус ухмыляется *«Выходите без мушкетов, вы, проклятые „раки“, и тогда мы — мужчины и женщины — с вами»*. Впервые за два с половиной столетия на душе у него радостно. Взявшись за руки со своими друзьями, он поднимается по склону холма, и огонек в его руке бросает вызов надвигающейся тьме.

Л. Тиммел Дукамп И пришла в мир радость¹⁴

Рассказ Л. Тиммел Дукамп «И пришла в мир радость» открывает серию публикаций писательницы на страницах F&SF

Л. Т. Дукамп уже известна читателю благодаря своему рассказу «Заповеди Маргарет А.», опубликованному в «Пулпхаузе» и удостоенному внимания критики. Ее фантастические новеллы вошли и в другие антологии, включая «Бэнтамз Фулл Спектрум

сириез».

«И пришла в мир радость» — не совсем обычная, «футуристическая» история, написанная, однако, вполне в традиционном жанре — эпистолярном. Вот только письма, которые посылает героиня, проходят не через обычную почту, а через электронную — что, впрочем, уже становится чертой современности.

14 февраля, 2147 г.

Кому Уважаемому Нарратологу, Элиану 09

Дорогой Уважаемый Нарратолог!

Отвечая на Ваш запрос, помещенный на страницах «Континьюинг таймс бук ревю» относительно частных, надежно документированных, полученных из первых рук свидетельств тех событий, что имели место накануне войны, я искренне надеюсь, что прилагаемые материалы вполне отвечают всем Вашим требованиям. Они находились в нашей семье с самого момента ее возникновения, и предоставлены потомком одного из ее основателей. Я должен пояснить, что каждый документ состоит, собственно говоря, из листовой (бумажной) фотокопии текста, отпечатанного на лазерном принтере. Текст, как это следует из него самого, был передан из Флоренции (Италия) в Сиэтл (штат Вашингтон) посредством электронной почты, принцип работы которой можно описать следующим образом: цифровой сигнал проходит по оптическим телефонным линиям (что требует использования, по крайней мере, одной спутниковой системы), подключенным к общей сети «Универснет» — по моему предположению, сеть эта связывала большинство ученых и университетов Земли. Без сомнения, вы намного лучше меня, обыкновенного дилетанта, знакомы с технической стороной дела. Учитывая возраст и происхождение документов, наша семья приложила массу усилий, чтобы сохранить их. Поэтому, я думаю, вы поймете наше нежелание расстаться с оригиналами. Однако если у Вас лично возникнет необходимость проверить их подлинность или же Вам потребуется дополнительная информация, которой мы, по-вашему, сами того не подозревая, можем располагать — пожалуйста, не стесняйтесь сообщить мне об этом.

С уважением (и т. д.) *Гендрон 14.*

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 23:23 GMT 190919

Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 15:28 PDT 190919

Кому: Николасу Барингу

От кого: Дениз Лорэ

Примечание: Частная переписка

19 сентября 2019 г.

Четверг, 22.45

Нет, ты только послушай, Ник. Как я уже говорила тебе, мой стол повернут таким образом, что во время работы я могу видеть все, что творится на Арно. Обычно к ночи я переносу компьютер в постель (ленивое постельное существо!) и работаю там.

Но сегодня не клеится ни черта. Слишком (чертовски!) жутко. Так

что хочется орать на всю округу: ЖУТКО! ЖУТКО! Но я сдерживаюсь — и правильно, скажешь ты. И все равно ЖУТКО! Воображаю себе шум, который поднимется по ту сторону Атлантики, когда «Ивнинг Ньюз» раструбит эту новость: Снег! Снег идет! «Снег» — при восьмидесяти с чем-то по Фаренгейту! (Или около того — ты знаешь, они используют здесь стоградусную систему, и хотя я зубы съела на различных метрических штуках, температура по-прежнему за гранью моего терпения.) Теперь я и ты знаем, что это не может быть снегом, и если я правильно перевела радио-сообщение, никто и не верит, что это снег, и дикторы от имени правительства уже предупреждают людей от близкого контакта с ним, в случае, если это окажется что-нибудь токсичное.

Иверсоны — ты о них уже знаешь — это те самые канадцы, что занимают громадные апартаменты по соседству — так вот, Иверсоны... (Предыдущие полчаса я провела у них, потягивая бренди — это последнее, что я сделала, перед тем как прийти к себе и рухнуть на постель.) Так вот, о чем бишь я? Да! Иверсоны болтали о том, что тупоголовые обыватели в Неваде и Юте позволяли своим ребятишкам играть тем, что выпало во время атомных испытаний, и называли это «снежками»... Ну и цирк! Посмотрел бы ты на толпу, запрудившую обе стороны Понте Веспуччи, прорвавшуюся на Лунгарно и еще одну улицу (забывала ее название) на той стороне Арно! Их видимо-невидимо, что там, что здесь. И внизу карабинеры с автоматами, удерживающие толпу на тротуарах! Надо ли говорить, что карабинеры, все до одного, в полной спецодежде, включая респираторы! Извини меня за идиотизм, Ник. Я только теперь сообразила, что до сих пор не сказала тебе одну важную вещь. СНЕГ ИДЕТ ТОЛЬКО НАД АРНО. (Ну и хреновый из меня репортер! Как сейчас слышу твои слова о том, что у меня постоянно ветер в голове.) О'кей, попытаюсь исправиться и проявить больше последовательности. (Но учти, что я чуть-чуть набралась у Иверсонов — отчасти еще из-за вина, которое обычно пью за обедом.)

1) Согласно официальным данным, переданным Департаментом изучения окружающей среды по радио и телевидению, снег пошел приблизительно в 20.30.

2) Вопли и крики, доносившиеся с улицы, я услышала около 21.45. (В это время я как раз заканчивала свой обед из тортеллинок в красном соусе, хлеба, вина и салата.)

3) Я подошла к окну и увидела людские полчища, штурмующие берега Арно.

4) Я бросилась к Иверсонам и увидела из их окон, как толпа атаковала мост (который, помимо всего прочего, является отличным наблюдательным пунктом).

Я заметила, что хотя снег валил хлопьями над самим Арно, ни одна снежинка — чертов каприз! — не упала на мост. (Если поразмыслить, это еще большая чертовщина, чем сам снег, надумавший осчастливить нас в такую жару!) Снег в самом деле ВЫГЛЯДИТ как настоящий, конечно, с расстояния — так же, как выглядит он, скажем, в Сиэтле, когда ты смотришь из своего окошка и видишь как он падает себе не спеша в свете уличных фонарей. Здесь та же самая картинка: снег освещен с моста, с улицы, вдоль всей набережной — и даже слегка подсвечен теми ярко-желтыми огоньками, что день и ночь горят внизу, у крохотного мола. Я пишу и вижу, как жирные белые хлопья, точно бабочки, слепо летят на

свет фонарей и падают вниз на фоне густо-черного неба. В некоторых местах вспыхивают синие огни патрульных машин и прошивают снежную завесу насквозь, сообщая ей призрачно-голубой оттенок. И только мощные завывания мегафона, вероятно продолжающего выкрикивать предупреждения полиции, разрушают колдовские чары этой картины.

Как я уже говорила, кругом полный цирк — причем, явно сюрреалистического толка: это из-за фона, включающего в себя задний фасад церкви Санта-Мария-дель-Кармине и освещенный шпиль Санто-Спирито, там, вдалеке, в гордом одиночестве, возносящийся над земной суетой прямо к небу.

Двадцать пять минут спустя:

Пришлось прерваться — из-за Иверсонов, которые постучались ко мне в дверь и сообщили новость. Как только что передали по телевизору (у Иверсонов, конечно, есть ящик в их апартаментах, который они, помимо всего прочего, еще и смотрят), этот жуткий, сверхъестественный снег выпал также и над другими реками — Рейном, Сечой, Темзой и Нилом. Иверсоны, передавая все это мне, возмущались тем, как долго замалчивался столь потрясающий факт. Они находят это зловещим.

В сущности, Дональд высказал предположение, а не является ли снег рассчитанным или же, напротив, непредумышленным результатом испытания сверхсекретного химического оружия? Тогда как Каролина (само собой) отстаивает теорию, сводящуюся к «эффекту загрязнения», — ЛЮБОЕ негативное явление она всегда связывает с тем или иным видом загрязнения...

Можно просто чокнуться, вот так сидеть и смотреть. Думаю, не зайти ли к Иверсонам «на огонек», не присоединиться ли к их старому доброму семейному очагу и не послушать ли обычную дикторскую демагогию? (На итальянском, плюс ко всему — пока еще английские радиостанции подключатся ко всей этой истории!) Учитывая уровень цензуры за пределами США, я думаю, ты раньше меня узнаешь о том, что такое этот «снег». Но, на случай, если наши радиостанции сочтут событие не заслуживающим особого внимания, я буду держать тебя в курсе всех последних новостей (и рассчитываю на то же самое с твоей стороны).

О как бы мне хотелось, чтобы ты был здесь, любимый — особенно сейчас. Однако я думаю, если бы это случилось, ты бы, скорее всего, оказался не здесь, а на улице, пытаюсь самостоятельно разобраться в ситуации. (Они все там просто с ума посходили, снаружи. Толпа делается все гуще и гуще, а вертолетов в небе столько, что я просто удивляюсь, как это до сих пор не произошло крушения).

Какое счастье, что в нашем доме крепкие, стопудовые замки и толстенная деревянная дверь, толщиной в добрый фут. Я уверена, никому и в голову не приходит, что наши окна — отличный наблюдательный пункт.

Чуть позже — Дэнни
ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 07:50 GMT 200919
Адресат: Баринг (а) хим Вашингтон. Универснет // 15 28 PDT 190919
Кому: Николасу Барингу

От кого: Денис Лорэ
Примечание: Частная переписка

20 сентября, 2019
Пятница, 7.30 утра

Ник, ты ошибаешься! Уверяю тебя! Снегопад не был, повторяю НЕ БЫЛ «массовой галлюцинацией». Он кончился, это правда, и никто до сих пор не знает, что же это падало (только не обычный снег, имеющий структуру воды). Но дикторы одной французской радиостанции уверяли нас прошлой ночью (до тех пор, пока не свернули прямого репортажа), что «ученые» уже взяли образцы снега, выпавшего над Луарой, Сеной и Эльбой (по порядку). Уж не думаешь ли ты всерьез, что можно взять образцы того, чего на самом деле не существовало? Правда, мы так и не услышали ничего конкретного с тех пор, но я лично нахожу весьма знаменательным, что карабинеры продолжают патрулировать берега Арно — и по-прежнему в полном защитном снаряжении, с головы до ног!

Этого, конечно, недостаточно, чтобы делать далеко идущие выводы, но говорю тебе, я видела все своими собственными глазами. Хотя и с приличного расстояния. И я уверена также, что не впадала при этом в истерию, не испытывала маниакального желания зимы или чего-нибудь еще в подобном роде.

Если бы я была, к примеру, неоиеговисткой, ты имел бы все основания усомниться в моих «видениях». Но я наблюдала — и только, причем в стороне от толпы и всеобщей паники; так какая же причина могла заставить галлюцинировать меня и Иверсонов одновременно? Очнись, Ник!

Им даже удалось запечатлеть эту так называемую «галлюцинацию» на видеопленку — я это точно знаю, потому что прошлой ночью они показывали снежные хлопья, падающие над Тибром, потом над Сеной и Темзой — пока передачу внезапно не прекратили, это случилось примерно в 12.45.

Если услышишь что-нибудь новенькое, пожалуйста, дай мне знать. И рассчитывай на то же самое с моей стороны. А сейчас я собираюсь заглотнуть остатки кофе и ненадолго отключиться. Архив открывается всего через час, и еще двадцать минут на то, чтобы добежать до него...

С любовью, *Дэнни*
ЭОТ

Адресант: Лора (а) ист. Флоренция. Универснет // 14:53 GMT 200919
Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 07:00 PDT 200919
Кому. Николасу Барингу
От кого: Дениз Аорэ
Примечание: Частная переписка

В пятницу днем

Хм. Клянусь Богом, не понимаю, как Флоренция очутилась в двадцать первом веке. Считается, будто Европа лишь ненамного отстаёт от нас в общем и целом — не знаю, может быть так оно и есть, однако в Государственный Архив всему, что хоть отдаленно напоминает прогресс, вход строго-настрого воспрещен: с тем же успехом архив мог бы служить

машиной времени, совершающей мгновенную переброску посетителей в средние века. Да, да, это старая песенка, но позволь тебе заметить, после того, что произошло сегодня утром, мне ничего не стоит спеть тебе несколько абсолютно свеженьких куплетцев.

К архиву я подроспела ровно в восемь пятнадцать — как раз вовремя, чтобы присоединиться к трем другим ранним пташкам, ожидавшим его открытия. Я хотела заказать кое-какие материалы до девяти тридцати: мне не терпелось поработать с Esecutore filza, который (в конце концов) должен был прийти в Депозитарий. Мы обменялись нашими Buon Giornos¹⁵ и сели ждать. Потом мы ждали. Ждать пришлось долго. Примерно к девяти тридцати собралась толпа человек в двадцать или около того, ждущих, когда откроют зал. Ученые-иностранцы (и я в их числе) с трудом удерживались от жалоб на видимый произвол и разгильдяйство итальяшек. Скуки ради мы принялись строить различные предположения относительно возможных причин задержки (и это занятие почти развеселило нас). Помнится, больше всего нам понравилась мысль о том, что все итальянские чиновники, в том числе служащие Государственного Архива пали жертвой грандиозного заговора. (Немыслимое сочетание допотопного и архисовременного, встречающееся в Европе почти на каждом шагу, всякий раз поражает меня заново. Честное слово, Ник, это просто отпад. Ну в самом деле, как, каким образом старушке Европе удастся выглядеть столь ошеломительно, обалденно преуспевающей, когда ее бедная экономика и правительство со всех сторон буквально затерроризированы профсоюзами? — ответ на этот вопрос абсолютно невозможен с позиций здравого смысла.)

Около десяти двери наконец распахнулись, и на пороге появилась ненавистная (всем, кто знал ее) Пола, печально известная как Женщина-Дракон. (Я передаю только то, что говорили мне о ней, — сама я никогда раньше не сталкивалась с этой легендарной личностью. Прежде — перед тем как подняться еще выше по служебной лестнице — Пола осуществляла попечительство над залом и добилась значительных результатов, имеется в виду, что она кое-как, пинками и толчками, загнала наконец архив в век девятнадцатый, и это на пороге двадцать первого!) Как бы то ни было, имя Пола для меня не пустой звук. Конечно, она не настолько стара, чтобы ее помнил мой научный руководитель (или руководитель руководителя) в дни своей аспирантской молодости. Я пришла в дикий восторг от сложно-бумажной конструкции ее наряда, что так популярен сейчас в Европе. Ничего общего со сверхдорогими моделями «от Глам», которые, как правило, «склеены» и расписаны вручную, и вдобавок еще отделаны самой дорогой бижутерией — признаться, не без фантазии. Нет, одеяние Пола было рангом попроще и поскромнее, правда, со множеством складок, круглым жестким воротником, подпиравшим физиономию, умопомрачительными рукавами (которые вообще трудно вообразить себе на каком бы то ни было платье), круглыми блестящими зеркальцами, сантиметра два в диаметре, наклепленными там и сям, крохотными сахарными фигурками и еще черт знает чем. (Поверь мне, Ник. Хотя тебе и покажется невероятным, чтобы обычный средний класс в Европе мог позволить себе одежду из бумаги, однако я ни капли не привираю. И я уверена на все сто, что на Поле

отнюдь не «Глам». Они все здесь просто помешаны на том, что одежда из бумаги, во-первых, экологически чиста (уничтожается мгновенно) и, во-вторых, экономически выгодна (по причине дешевизны и одноразового использования) — все это служит одновременно и всеобщему удовольствию, и полной занятости (под «полной занятостью» европейцы имеют в виду двадцатипятичасовую рабочую неделю с целым месяцем летних отпусков!). Ты не поверишь, я слышала, как несколько человек всерьез обсуждали этот вопрос на вечеринке на прошлой неделе, заодно ворча по поводу американцев, что они совершенные «дикари» и начисто лишены чувства прекрасного (иначе бы мы не жили в «этом своем Чудовищном Гулаге»), так как абсолютно не понимают всей «прелести» бумажной одежды и даже — о ужас! — устраивают уличные нападения на иностранцев, осмелившихся выйти в ней из дома! Признаться, я покраснела как рак, меня словно помоями облили с головы до ног, так хотелось подойти и сказать этим самодовольным недоноскам — один из них был британцем, один — швейцарцем и двое — флорентийцами — и объяснить им (предварительно хорошенько вздув!), как стыдно верить в подобные небылицы. Однако я знаю, что ничего хорошего из этого бы не вышло — они все, как один, задрали бы свои носы и не удостоили даже взглядом «нахалку», осмелившуюся влезть в чужой разговор, как будто, идя на вечеринку, я должна была заткнуть себе уши!

Черт, я опять отвлеклась. Прости, дорогой. Хотя я никогда и не ходила в записных патриотках, жизнь здесь (трех недель вполне достаточно!) способна перепахать кого угодно. Ну да ладно. Итак, появляется эта самая Пола, жеманничая, приветствует нас и объявляет, что архив закрыт на утреннее заседание, но возможно — ВОЗМОЖНО! — днем будет открыт! Один скромный старичок флорентиец (специализирующийся на культурной истории Позднего Герцогства) осмелился спросить почему. (Учитывая репутацию Полы по части решительных отпоров, я не удивляюсь, что больше ни у кого не хватило духу.) «Снег, — отрезала она. — Все проблемы из-за снега». Ты когда-нибудь слышал что-нибудь более уморительное? Ну какие проблемы, скажи мне на милость, могут быть в архиве из-за снега? Увы, нам оставалось лишь смириться перед неизбежным. И мы все дружно, всей нашей пестрой разноязыкой толпой повалили пить капучино с панини. Был ли разговор о снеге? Нет, конечно. Я оказалась единственной, кто видел его, — остальные умудрились пропустить даже телепередачу. Вместо этого мы подробно обсудили наши научные проблемы и слегка позлословили насчет одного историка искусства, который, вместо того, чтобы пить с нами кофе, отправился покупать бумажную блузку «как у Полы».

После кофе я зашла в церковь Санта Крус полюбоваться чудесными фресками Чимабуэ. Оттуда я вернулась прямо домой и записала свои впечатления, а затем ко мне заглянула Линет, чтобы заодно позавтракать и поболтать. Позволь мне пересказать тебе ее историю, она довольно занимательна.

Для начала, я не помню, говорила ли я, что Линет живет в пригороде? (Я считаю, мне и Иверсонам очень повезло с нашей милой домохозяйкой — она североамериканка — это обстоятельство и оказалось решающим при выборе квартиры.) И я до сих пор все никак не соберусь съездить и посмотреть, как живет Линет. (Бог знает почему, я представляю ее живущей в одной из этих гигантских блочных коробок и

вынужденной каждый распроклятый день встречаться с постами безопасности. Одна мысль об этом заставляет вспомнить Полу, которая чувствует себя в достаточной безопасности, чтобы свободно разгуливать по Центру в своей бумажной блузке! Чертовы флорентийские хлыщи!) Как бы то ни было, Линет живет в рабочем квартале, в самой гуще рабочих, большей частью итальянцев (из различных городов-республик), составляющих низшие слои среднеобеспеченного класса. (Только не подумай, что они бедные — вовсе нет! Квартира у каждого буквально завалена всякой там патентованной чепухой с Еврорынка, будь спокоен насчет этого, даже биде и унитаза у них и те «автоматические» прямо из Японии — как раз для людей, которым лень потерять собственную задницу.) Лишь немногие говорят там по-английски, так что Линет все время настороже, все время.

Но сегодня им удалось застать ее врасплох и нанести оскорбление (хорошо еще, словом, а не действием). Трое парней и одна девушка обвинили ее — как бы ты думал в чем? — нет, кроме шуток, в выпадении снега! Можешь ли ты поверить в это? Она сказала, что они буквально приперли ее к стенке лифта и прочитали целую лекцию на тему, как это ужасно, что такая дикая, поистине варварская страна в любой момент может «ввергнуть в катастрофу весь мир» благодаря наличию у нее «огромной военнонаемной машины»... Но я уже рассказывала тебе об отношении, которому я подверглась с Первого Дня моего пребывания здесь — нет нужды вдаваться в детали. По всей видимости, в квартале Линет считают, что «снег» представляет собой:

а) радиоактивные осадки (причиной которых, без всяких сомнений, являются военные или индустриальные выбросы США;

б) очередной военный демарш США, направленный против Европы, т. е. дальнейшую «демонстрацию силы по отношению к более слабым странам» (это не совсем те слова, которые пришлось выслушать бедной Линет, но обычный жаргон здешних студентов);

в) последствия утраченного контроля над химическим оружием — опять-таки принадлежащим США (кому же еще!). Линет рассказывает, что когда она наконец отделалась от этих людей и очутилась на улице, оказалось, что она попала из огня в полымя. Ей невольно пришлось слушать всех этих людишек в автобусе, которые наперебой судачили о том, какую очередную мерзость выкинули США, что над Арно в сентябре идет снег — противная липкая слякоть, некоторые из них уверяли, что видели ее собственными глазами. (Ты знаешь, как легко распространяются в таких случаях слухи.) Ох, и это еще не все: оказывается, многие здесь всерьез считают, что замалчивание новостей различными радиостанциями объясняется фактом их принадлежности транснациональным корпорациям, которыми, в свою очередь, управляет агрессивно настроенное американское правительство — мол, таким образом американцы пытаются скрыть очередной свой грубый промах... Как я заметила тогда Линет, если бы американское правительство действительно имело столь огромное влияние на транснационалов, как об этом болтают, наша экономика была бы не в пример сильнее, чем она есть теперь. (Но в Европе, где обо всем принято иметь собственное политическое мнение, не утруждают себя логикой, отнюдь.) Кажется, я начинаю говорить как один из тех политических краснобаев, но мне хотелось бы сюда еще добавить кое-что. Помнишь, я рассказывала тебе в самую первую проведенную мною здесь неделю, как европейские,

антиамерикански настроенные политиканы прохаживались снова и снова насчет того случая, когда толпа женщин в Арканзасе в прошлом году ворвалась на склад с целью захватить партию ампул с саморазмножающимся вирусом, полностью уничтожающим рак груди? Тогда, как помнишь, прозвучало рассуждение о том, насколько же глупы и невежественны должны быть американцы, если средний Джо с улицы считает, что раз компания проводит торговые операции на территории США, продукция, так или иначе, принадлежит американцам. Это, в свою очередь, привело к смехотворному заявлению, будто американцы не делают никаких различий между своим и чужим в бизнесе — все в мире, коль скоро затронута американская общественность, принадлежит им, Соединенным Штатам. (Конечно, потом они не удержались от того, чтобы не пропеть обычных своих дифирамбов в адрес Ирака, Колумбии и т. д.) Мое мнение, что все эти господа хотят вертеть фактами, как им вздумается: захотят, будут кричать, что американцы «не знают разницы». А захотят — развернутся на сто восемьдесят градусов и угостят другой небылицей о том, как американское правительство прибрало к рукам всех транснационалов. Удручает то, что подоплека подобных «рассуждений» еще хуже, чем они сами: по существу, это обвинение нашей социальной политики в «геноциде», так как мы считаем, что право на пищу, жилье и медицинское обслуживание должно быть заработано, а не преподнесено на блюде. Вообще, слушая болтовню этих людей, чувствуешь себя так, словно попал в Зазеркалье, где все наоборот, и это «наоборот» считается нормой. Не знаю, Ник, если и дальше все пойдет так, как теперь, то, признаться, жизнь здесь — сплошное дерьмо... А послушать старые сказки моего научного руководителя, Флоренция — чуть ли не рай земной: и жизнь-то здесь необычайно богата и многообразна в своих проявлениях, и люди доброжелательны дальше некуда... Ну да! Как будто бы во мне сразу, молниеносно, не узнают чужака с той стороны Атлантики, если не так, то иначе — я имею ввиду, я просто не могу позволить себе ту одежду, которую они здесь носят. Куда бы я ни пошла, на мне постоянно будет печать «оттуда» (вопрос только в том, откуда «оттуда», т. е. из какой страны, — но стоит мне открыть рот, и они мгновенно определяют, что я с севера, так как звук «р» никогда не получался у меня раскатистым в должной степени). Пойду тяпну чашечку кофе покрепче — необходимо собраться с духом перед новым набегом на Архив Если Архив откроют днем, то по расписанию это произойдет как раз через полчаса. (Хотя и не так уж важно быть там ровно, минута в минуту, поскольку что бы я теперь ни заказала, заказ придет лишь в понедельник, самое раннее.) Надеюсь, что твой день складывается удачнее, чем мой до сих пор.

С любовью, Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 23:10 GMT 200919
Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 15:20 PDT 200919
Кому: Николасу Барингу
От кого: Дениз Аорэ
Примечание: Частная переписка

В пятницу ночью

Ник!

Жаль, что у тебя такая запарка перед началом занятий. Не беспокойся, я не жду от тебя слишком многого в ближайшую пару недель (разве что по несколько строчек в день — для меня важнее почаще, а не побольше) — просто чтобы знать, что ты там и слушаешь мою болтовню (следовало бы сказать ЧИТАЕШЬ мои записки). Кстати, зал все-таки открылся сегодня днем, хотя читатели комиксов смотрели на меня положительно КОСО, и я к тому же подозреваю, что за мной специально приглядывали, как будто я И ВПРЯМЬ могла неожиданно выхватить ручку и пустить ее в ход или же достать лезвие и оттяпать по-быстрому одну-две странички.

Я просидела битых три часа, разбирая каракули одного старого нотариуса (чью руку, от нескончаемого заверения документов, вероятно, свело судорогой), и, знаешь, оказалось не так уж много сокращений, которых я не смогла расшифровать.

Должна признаться, я рада, что ты наконец начинаешь верить в увиденное мной. Можешь вообразить, как мучила меня мысль о том, что ты считаешь меня обыкновенной истеричкой. Если бы тебе удалось выудить какую-нибудь положительную информацию, было бы просто классно. Странное ощущение — знать, что, возможно, вся история гроша ломаного не стоит — и тем не менее мучиться любопытством — только потому, что видела это своими собственными глазами. (Линет, например — и я уверена, именно по той причине, что она ничего не видела) — все это малоинтересно. Если бы я не убедила ее, что действительно видела снег, она, я думаю, тоже предпочла бы теорию массовой галлюцинации — и трудно было бы винить ее за это, особенно если учесть, что ей пришлось испытать сегодня утром в лифте.) Пожалуй, я немного почитаю и лягу спать сегодня пораньше, тем более что я плохо спала в прошлую ночь. К тому же у меня вполне серьезные намерения быть в Архиве к самому открытию зала.

Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 21:50 GMT 210919

Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 13:54 PDT 200919

Кому: Николасу Барингу От кого: Дениз Лорэ

Примечание: Частная переписка

В субботу вечером

Дорогой Ник!

Ну и денек. Тем более приятно было вернуться домой и найти от тебя известие, в котором столько дразнящего и разжигающего аппетит относительно загадки «Снега».

Сегодня получила три приглашения.

Во-первых, от Блейк Стэубнер (не думаю, чтобы я упоминала о ней раньше), которая приглашает меня позавтракать на Вилла-И-Татти в следующий четверг. Она историк искусства, тамошний сотрудник (и поэтому имеет право приглашать меня на завтраки.) Конечно, я согласилась, отказаться было бы просто немыслимо. Уверена, что я рассказывала тебе об И-Татти, что вилла эта была передана Гарварду

знаменитым историком искусства Бернардом Беренсоном в прошлом столетии и что она буквально по стропила завалена самым потрясающим антиквариатом. Плюс ко всему к вилле прирезан громадный кусок земли, где выращиваются оливы и виноград, а в самом доме устраиваются весьма «аристократические» завтраки, которые посещаются учеными различных мастей и флорентийской «знатью» (судьями, гинекологами, католическими священниками, служащими муниципалитета и т. д., короче, ты знаешь публику подобного сорта).

Второе приглашение поступило перед самым закрытием зала. Три историка искусства — все трое американцы — и два флорентийских старшекурсника (историки) пригласили меня позавтракать вместе с ними. Я почувствовала себя страшно неудобно — не из-за приглашения, конечно, но из-за того, что вынуждена была ответить на него отказом — один такой «завтрак» съел бы все мои деньги на каппучино за месяц вперед. Надеюсь, моя отговорка насчет приезда Линет прозвучала не слишком беспомощно. (Вполне возможно, им известно, что Линет околачивается у меня чуть не каждый день в те часы, когда я дома, держит пищу в моем холодильнике, моется, придя с улицы, в моем душе...) Вообще — то она обычно не бывает по субботам, но как раз сегодня собиралась, опасаясь нового наезда со стороны соседей, более чем враждебно настроенных по отношению к ней.

Третье приглашение пришло, когда я вернулась домой (с плетенкой теплого хлеба, томатов и тонких, почти светящихся ломтиков мортаделлы), от Иверсонов — в сущности это было общее приглашение мне и Линет — посетить вместе с ними один древний средневековый город, который по решению Консилио ди Фиренца¹⁶, был превращен в заповедник. Нужно ли говорить, что язык постановления (кстати, власти постарались довести его до сведения публики), запрещающего всякое строительство на территории города, пестрит ссылками на необходимость сохранить «наше великое историческое наследие» и прочими красивыми словами, но правда заключается в том, что флорентийцы процветают целиком и полностью благодаря туризму, и было бы дико позволить застройщикам испортить древность, привлекающую толпы туристов.

Итак, я и Линет запрыгнули в фургончик Иверсонов, где нас набилось восьмеро, и покатали из Флоренции на юг, чрез мили и мили бетонных кварталов. Впечатление гнетущее, честное слово. Добавь сюда еще вечногорящие прожектора на промышленных машинах... К счастью, в Тоскане еще встречаются кое-где тихие деревенские островки, с пышно-серебристыми оливами и темными остроконечными кипарисами на фоне густо-синего неба. Город окружен чем-то типа санитарного кордона — коротенькой зеленой бахромой, словно призванной защитить его от пригорода, — а дальше идут внушительные каменные развалины, оставшиеся со времен Римской империи, и древние-древние здания, которые источают такой аромат, что вы готовы поклясться — ему ровно тысяча лет; громады, сложенные из кирпича и камня, плотно впрессованных один в другой, нависают над узенькими, грубо мощеными улочками. Забавно, что на мостовой там и сям виднеются масляные пятна, значит, когда-то машинам был разрешен въезд в город, но, очевидно недолго. Здесь стоит влажная глухая тишина, которую лишь

16 Консилио ди Фиренца — городской Совет Флоренции (ит.).

изредка нарушают звуки ссоры — какого-то мужика и двух баб. Я даже заметила белье, вывешенное для просушки на веревке, натянутой между двух домов, — красно-белые простыни в косую полоску, черные в пурпурный горошек спортивные трусы, черный бюстгальтер и платье, и еще белую льняную скатерть рядом с салфетками. (Как ты думаешь, не сочли бы флорентийцы подобное равнодушие к древностям преступным? Трудно сказать. Во всяком случае, если они и не задавались подобным вопросом до сих пор, то, взглянув разок на подобную картинку, решили бы отнюдь не в пользу простонародья с их любовью к домашнему уюту.) Не успела я оправиться от потрясения, вызванного видом сохнувшего белья, как тотчас же меня едва не вырвало от запаха жарящегося мяса, перемешанного со зловонием, исходящим от мочи и тысячелетних камней, насквозь пропитанных гниющей влагой... Тяжелые волны этого амбре ходили по городу и переполняли его от края до края. Люди здесь (кроме туристов, разумеется) лишены того налета процветания, который привыкаешь видеть повсюду в Европе. Представь себе следующую картину: старуха, укутанная в черное с головы до ног, стоит наискосок от церкви, так что видна только часть ее лица — густая сеть морщин, толстый нос картошкой, несколько седых прядей, выбившихся из-под платка, две черные бусинки глаз, пристально, не мигая, уставившихся на церковную дверь, — они-то и выдают в ней настоящую фанатичку, и я сильно сомневаюсь даже в том, что она хотя бы заметила нас. Предчувствуя, что сейчас разыграется какая-то драма, я хотела остановиться и подождать. Ну конечно, я этого не сделала. Вряд ли остальные даже заметили ее. Каролина, разумеется, была озабочена исключительно тем, чтобы отыскать новую достопримечательность в своем Голубом Путеводителе...

Отвратительная необходимость по возвращении в Центр пройти досмотр, казалась непереносимой, как никогда ранее. Так как Иверсоны высадили Линет у ее дома еще до въезда в Центр, их приглашение на ужин относилось теперь ко мне одной. Признаться, я колебалась. С одной стороны, было уже полвосьмого вечера, я устала, хотела есть, и меня ждали мои ночные бдения: я рассчитывала заползти в постель с моей электронной записной книжкой, свернуться клубочком и внести описание города в мой журнал. С другой стороны, я не была уверена, что поступлю хорошо по отношению к Иверсонам — отплатив таким образом за всю их сегодняшнюю любезность. (А также за любезность Дональда и Каролины, которые чуть не поссорились, стараясь угодить мне. Как ты понимаешь, подобное отношение обязывает. Дональд, конечно, как декан колледжа, привык взвешивать и обдумывать каждое свое слово. Каролина же, как я догадываюсь, начисто лишена этого качества.) Но я была порядком возбуждена поездкой, и находила их компанию весьма приятной. Как бы то ни было, я согласилась. Должна признаться, их апартаменты восхитительны — окна их столовой выходят прямо на Арно, ты знаешь. Их апартаменты не только больше, они гораздо уютнее моих. Итак, мне дали вина, супа, макарон, салата и сыра... Их малявки болтали о «снеге», о том, что говорят об этом ребята в школе. Но кстати, о снеге — к великому моему УДИВЛЕНИЮ, ученые один за другим сообщают, что видели «снег» падающим над реками, заливами и озерами в Западной Европе и Северной Африке. Меня взбудоражило известие, что некоторые из них взяли пробы. Жаль, что та твоя знакомая, корреспондент «Науки», до сих пор не перезвонила. Ты прав, Ник, она в долгу перед тобой за то, что ты

объяснил ей тогда смысл работы, удостоенной Нобелевской премии. Но теперь как раз уик-энд. Будем надеяться, что она свяжется с тобой в понедельник. Да, это и вправду «любопытно», как ты говоришь, что метеоспутник повредился почти одновременно с началом снегопада. Вполне возможно, что это всего лишь «бредовое предположение», будто дело не обошлось без метеорита, но на текущий момент, Ник, это ЕДИНСТВЕННОЕ правдоподобное объяснение, которое мне довелось услышать (если не считать, конечно, всей этой антиамериканской чепухи о Злом Американском Правительстве). (И не беспокойся, я не пророню ни слова — я прекрасно понимаю, что ты имел в виду, назвав свое предположение «бредовым»). Конечно, самое зловещее во всем этом — даже если мы предположим, что снег выпал с метеорита — факт, что он шел только над водой. Боюсь даже помыслить о том, что тебе потребуется еще более бредовое предположение... Господи благослови систему связи «Сайенс». Вне всякого сомнения, что как только люди, взявшие образцы, закончат их исследование, они передадут свои заключения по «Сайенс». Однако я до смерти устала писать. Маленькой зайке давно пора в постельку.

Люблю люблю люблю люблю (о, если бы можно было КОСНУТЬСЯ друг друга!)

Дэнни
ЭОТ

Адресант. Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 11:40 GMT 220919
Адресат. Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 03:52 PDT 220919
Кому: Николасу Барингу От кого: Дениз Лорэ Примечание: Частная переписка
22 сентября 2019
В воскресенье утром

Ник!

Никуда не выхожу, просто сижу дома. Приглашена на ужин к Крисси Фаулер, возможно, пойду. (Забавно, что такая домоседка, как я, здесь принимает практически каждое приглашение, какое только может себе позволить — особенно в уик-энды. Пребывание за границей лишний раз демонстрирует, что человек — животное социальное и что он постоянно ищет возможности самоутверждения в обществе себе подобных — особенно если его чувство собственного достоинства частенько бывает ущемлено со стороны флорентийцев.)

Соблазн позвонить делается неодолимым. Я испытываю его постоянно, но в это утро он особенно велик — я все вспоминаю о том, как по воскресеньям мы неизменно накупали целую кипу газет и целое утро находились под властью Великой Иллюзии Ты, наверное, еще спишь в это время... и голос у тебя будет сонный-сонный, если я позвоню и разбужу тебя сейчас... что я, кстати говоря, вовсе не собираюсь делать.

Отвечай, любимый.

Дэнни
ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 23:20 GMT 230919

Адресат Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 15:52 PDT 230919
Кому Николасу Барингу От кого. Дениз Лорэ
Примечание. Частная переписка

В понедельник ночью Ник!

Интересно, что «Наука» поручила эту историю именно Рейли — и в то же время удобно, правда? (Если, конечно, она, как и обещала, держит тебя в курсе.) Конечно, я могу понять ее позицию, хотя как очевидицу она меня сильно коробит. Замечательный феномен, никем доселе не виденный и не описанный, отдан на откуп какой-то, прости Господи, малость офанатевшей личности. Горько сознавать, что в это дело может быть замешано самое грубое шарлатанство — и ведь подумать только, что сотни самых уважаемых людей наблюдали этот феномен с различных точек земной поверхности.

Все, не могу больше, глаза слипаются. Спокойной ночи, любимый (даже если у вас там три часа дня).

Дэнни
ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 22:50 GMT 240919
Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 15:02 PDT 240919
Кому: Николасу Барингу
От кого: Дениз Лорэ
Примечание: Частная переписка

Во вторник ночью

Да, ты прав, я «до ужаса озабочена денежными проблемами» все эти дни. Но может ли быть иначе, ведь я поставлена в такие условия, что просто вынуждена помнить о них постоянно! С деньгами связаны мои социальные контакты, мои впечатления — как же я могу избежать разговора об этом в своих письмах?

Я хочу, чтобы ты понял, что значит жить здесь. Да, теоретически я знала с самого начала, что придется «затянуть ремень», работая над такой темой. Кстати сказать, это лучшая из диссертационных тем — по истории, я имею в виду. В твоей области это можно, пожалуй, сравнить с разницей между проведением самостоятельного лабораторного исследования и различными там библиотечными выкладками по поводу исследования, уже проведенного кем-то. Работа с архивными материалами — это единственный способ написать что-нибудь действительно первоклассное. В том, что моя работа связана.

С европейской историей, и заключается главная трудность. Это просто-напросто означает, что я ДОЛЖНА была приехать сюда и работать здесь (т. к. флорентийцы по-прежнему непрошибаемы насчет того, чтобы микрофильмировать материалы или перевести их на компакт-диски). Что я могу сказать еще? Полагаю, что если бы здесь не собралась целая коммуна ученых, было бы куда легче оставаться бедной. («Бедной», по их меркам, а не по нашим — спешу добавить это, чтобы ты снова не придрался ко мне!) Ладно, если ты настаиваешь, чтобы я играла роль цензора по отношению к собственным письмам, я начну. Однако лишившись этой последней возможности выпускать пар, я боюсь, что мои

дела пойдут с еще большим скрипом, чем шли до сих пор...

С любовью,

Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 14:44 GMT 250919

Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 06:52 PDT 250919

Кому: Николасу Барингу

От кого: Дениз Лорэ

Примечание: Частная переписка

В среду днем.

Информация, которую тебе удалось собрать «по крохам», и вправду выглядит интригующе. Я только не совсем поняла, что ты имеешь в виду под «зародышевой плазмой» — не забывай, когда дело касается естественных наук, я тупа как пробка. Идет ли речь о яйцеклетках, сперматозоидах, особых формах ДНК или о чем-то еще? Нечто подобное — да еще, по твоим словам, разных видов! — заключенное в белковую оболочку (так я перевела для себя выражение «находящееся во взвешенном состоянии в альбуминоподобной субстанции») — есть от чего свернуть мозги набекрень! Яичный белок, падающий с неба! Если, как ты говоришь, эта зародышевая плазма не может существовать вне воды более двух часов, тогда придется предположить разумную «ЦЕЛЬ» (или следует сказать «основание»?), в том, чтобы вещество падало в воду (и ты еще говоришь, что в соленой воде оно гибнет). Но если мы принимаем как таковую «цель»... вещи вновь обретают свой жуткий смысл, разве нет? Я имею в виду как, каким образом вещество могло «знать», что ему необходимо упасть именно в пресную воду? (Да еще вещество с НЕБА!) Все страньше и страньше... Не кажется ли тебе, что результаты анализов только сгущают тайну, вместо того, чтобы рассеять ее. Теперь я просто умираю от желания узнать, что на все на это скажет твоя «НАУЧНАЯ» корреспондентша. Завтра большой день — ленч на И-Татти. Блейк позвонила напомнить мне — и заодно предупредить, чтобы я надела непременно самое лучшее, что у меня есть. Интересно, выдержит ли предстоящее испытание мое серое льняное платье? (Вот увидишь, все женщины, идущие туда, обязательно вырядятся в бумагу!)

С любовью,

Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 17:15 GMT 260919

Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 09:22 PDT 260919

Кому: Николасу Барингу

От кого: Дениз Лорэ

Примечание: Частная переписка

26 сентября 2019

В четверг днем.

Дорогой Ник!

Я даже представить себе не могла, что все обернется ТАКИМ

скверным образом. Правда. Я не преувеличиваю. Никто и никогда не учил меня, как правильно есть фрукты с помощью ножа и вилки. Правда, уже одно это делает меня варваркой? К тому же я допустила определенный ляп, провозгласив во всеуслышание тему моей диссертации (только отвечая на вопрос; сама бы я не вылезла НИ ЗА ЧТО) как историю должностных преступлений в эпоху Ренессанса, особенно в первые годы правления Медичи (Господи прости несчастную американку, осмелившуюся предположить, что Козимо и Лоренцо Великолепный потворствовали (или еще хуже: БЫЛИ ЗАМЕШАНЫ В) коррупции). И можешь себе представить, кто оказался среди гостей? Известная снобка, что живет на четвертом этаже палаццо (к которой швейцар обращается не иначе как со своим подхалимским «Графиня» и которая платит единственным ледяным взглядом всякому, кто осмелится просто сказать ей *Buona sera*¹⁷!

Оказалось, что она друг того самого профессора, что квартирует на Вилла-И-Татти по долгу службы. Ох, да что говорить, чего стоил один только букетик тех, более «простых» смертных, что окружали ее, — и ведь мой научный руководитель предупреждал меня! Судья, адвокат (с высоким лбом, длинным крючковатым носом и аккуратно наманикюренными ногтями), хирург по пластическим операциям (еще одно, пожалуй, даже большее, чем гинеколог, знамение времени, а?), монах-доминиканец (которому посчастливилось быть братом члена Городского Совета Флоренции), вице-президент ведущей коммуникационной компании, обслуживающей Великую Тосканию, плюс несколько историков искусства да один-единственный инженеришка, вся цель жизни которого сводится к тому, чтобы падающая Пизанская Башня не упала окончательно. Веселая компашка, доложу я тебе. Я была ЕДИНСТВЕННЫМ историком среди всех! Да, чуть не забыла. Был еще один знаменитый повар. Отпущенный «ради воскресенья», по выражению монаха-доминиканца. (Чтобы, приобщившись к Высокой Культуре, обогатить новейшими идеями свое кулинарное искусство!) Если рассказывать все с самого начала — Блейк встретила меня около Архива, мы прошли к ее машине, сели и поехали на И-Татти. Она обещала показать мне окрестности после ленча. Аперитив (разносчиками были мужчины явно славянского типа, обслуживавшие нас в полной официантской форме со всевозможными регалиями) подавали в комнате, все стены которой, сплошь, от потолка до пола, были покрыты старинной итальянской росписью, более чем наполовину сохранившейся еще со времен Ренессанса (если не раньше). Французские окна выходили на широкую террасу — прямо от нее начинался прекрасный сад, расположенный уступами, и тянулся далеко-далеко, покуда не сливался с виноградником и рощицей олив. Жена профессора сообщила мне, что согласно завещанию Беренсона, И-Татти сама обеспечивает себя большей частью продуктов (и вином) — и многое из того, что пошло сегодня на стол к нашему ленчу, взято из этого сада... (Из-за тона, который она взяла со мной, меня так и подмывало спросить, неужели и пшеницу, которая пошла сегодня на макароны, они выращивают и превращают в муку сами? — Увы, это лишь окончательно уронило бы меня в ее глазах — прежде всего в социальном плане...) Что еще? Право, даже не знаю.

Общее впечатление ужасающей претенциозности. Удивляюсь, как Блейк выносит все это. Я имею в виду, в мечтах все выглядело гораздо соблазнительнее, чем оказалось в действительности. Эти люди — воплощенное самодовольство; что касается разговора (время от времени он даже шел по-английски), то в интеллектуальном плане он поражает своей полной бессодержательностью. Просто анекдоты о том о сем и так далее. (Снисходительное упоминание о снеге как о «массовой галлюцинации» — не волнуйся, я не проронила ни слова, из того, что ты написал мне в письме.) Довольно неуклюже я пыталась расправиться с главным блюдом и. одновременно думать на итальянском — и то и другое получалось у меня неважно. Мне пришлось выслушать целую распекацию от монаха (чей галстук был вручную СКОМБИНИРОВАН из бумаги и шелка! — как я подозреваю, и рубашка тоже) по поводу языка, т. е. терминологии, которую я собираюсь использовать в своей диссертации, — обычный бред сивой кобылы о том, что нельзя подходить к флорентийскому Треченто и Кватроченто с мерками современной демократии, о том, что я абсолютно не понимаю типа отношений между клиентом и патроном, о том, что гуманистическое искусство и литература никогда бы не расцвели, не будь этих самых отношений, но самым тошнотворным из всего этого бреда была старая, занюханная концепция мужской «дружбы» между патроном и клиентами того времени. Хорошо, сказала я, значит, таким вот образом Благородный дон мафиози выражает любовь и дружбу к своей разбойной «семье»...

Подобными разговорами я не снискала себе славы.

Но наихудший момент наступил, когда перешли к фруктам и сыру. Без всякой задней мысли я положила себе на тарелку яблоко и кусочек стильтона. Вообрази же мой ужас, когда я увидела, как все вокруг меня (то есть БУКВАЛЬНО ВСЕ) принялись мастерски орудовать ножами и вилками, расправляясь со СВОИМИ фруктами! Я пошла на компромисс — разрешила яблоко на четвертинки и съела его НЕОЧИЩЕННЫМ, с серединкой и всем прочим и — о ужас! — с помощью ПАЛЬЦЕВ. Уж лучше бы мне было положить себе винограду. (Хотя я видела, как некоторые люди очищали каждую виноградинку, накалывая ее на вилку, прежде чем поднести ко рту!) Думаю, я не создана для изящной жизни. Остается только надеяться, что я не слишком подвела Блейк. Обед же оказался так себе: даже пища далеко не всегда была первосортной. И никаких дополнительных блюд — к тому же они заметно пожались с вином. Но прогулка была просто ВОСХИТИТЕЛЬНА. Оказывается, у Блейк здесь свой собственный рабочий кабинет. Представляешь... и библиотека у них есть, самая настоящая. А это значит, что Блейк не нужно таскаться в Националку, трепать себе нервы с непрошибаемыми людишками и связываться со всей прочей шайкой-лейкой из Архива. Все это очень и очень недурно (особенно если бы всех снобов можно было выгнать на фиг). В конце этого «высококультурного» мероприятия, Блейк отрядила Джэми Фроста, чтобы он подкинул меня до Центра. Джэми сотрудничал в И-Татти в прошлом году. Сейчас он живет в старой башне неподалеку от Фьезоле. Благодаря странному стечению обстоятельств я знаю про его связь с Линет. (Есть определенная противоестественность, в том, что: а) их встречи происходят тайно; б) он предпочитает исключительно анальный секс и мало интересуется всем остальным. Линет говорит, они используют неподсоленное масло). Его постоянная подружка, Зина

Немерова, поехала вместе с нами. (НЕЛЕПАЯ ситуация. Линет говорит о Зине, захлебываясь ненавистью, в другое время ей абсолютно несвойственной. Я чувствовала себя... довольно неловко.) Всю дорогу до Центра Джэми и Зина чесали языки о профессоре и его жене, которые воображают себя большими шишками в И-Татти. (Держу пари, тут замешано нечто личное, особенно судя по тону, каким Зина говорит о жене. Не забыть спросить Линет, может быть, у нее имеются определенные соображения по этому поводу.) Ну и конечно, я сидела и думала о Джэми, который даже не подозревает, что мне все известно о нем с Линет...

Ну и жизнь здесь — куда ни глянь, сплошной беспросвет. Деньги и секс, ты меня понимаешь... Может быть, это оттого, что всяк — здесь — знает — все — про каждого — варясь в одном коллективе... Как бы то ни было, все это рождает во мне дикое раздражение и жестокую ностальгию: если б ты знал, как я тоскую по своему хорошенькому чистенькому Сиэтлу, по своим добрым старым друзьям-знакомым.

С любовью,

Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 14:45 GMT 270919

Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 06:57 PDT 270919

Кому: Николасу Барингу От кого: Дениз Лорэ

Примечание: Частная переписка

27 сентября 2019.

В пятницу днем.

Я не могу больше. Не могу и все. Не знаю, что делать дальше с этой диссертацией. Чем больше я думаю о ней, тем глупее представляется мне общий замысел работы. Мне хотелось изучить историю преступления и наказания, что-то вроде этого, и чтобы все документы можно было найти в одном определенном месте, свободном для доступа... Вместо этого приходится таскаться по двенадцати различным архивам, и вдобавок исследование грозит стать бесконечным: каждый новый шаг в этом направлении сводит на нет все мои довольно робкие попытки осмыслить сам материал... и как будто бы люди не знают в глубине души, что ранняя Флорентийская Республика была действительно насквозь коррумпирована и что отношения между людьми вписывались в ту же мафиозную структуру, только более гибкую, которая позволяла избегать грубых стычек и резни — к исключительному удовольствию главных игроков... Короче, я сделала большую ошибку. Думаю, мне не нужно было сглаживать да приглаживать основную концепцию моей работы в присутствии научного руководителя и всего остального диссертационного совета... Не знаю, с каким лицом покажусь я теперь в Архиве. (Но я покажусь непременно, будь спокоен. Я знаю, зачем я здесь и зачем я трачу все оставшееся от дедушки наследство, просиживая здесь.) Но это чертовски ТЯЖЕЛО!!! Слушай. Я не знаю, ПОЧЕМУ они поступили так со мной сегодня. Думаю, потому что я всего-навсего небогатая американка, аспирантишка, вообще никто. (Вряд ли они разнюхали настоящую тему моей диссертации, как ты думаешь? Во всяком случае, они не стали бы «преследовать» меня за это. Хотя Джефф намекнул-таки в общих словах

на тему исследования в том рекомендательном письме, которое он написал, чтобы я смогла получить свое разрешение...) Итак о том, что случилось. Настоящий кошмар, только «наяву». Прихожу сегодня утром в Депозитарий, чтобы получить свои документы. И среди них — тот самый нотариальный акт, с которым мне пришлось основательно поработать две недели назад. Поскольку мне хотелось проследить дальше нащупанную в нем ниточку и не хотелось при этом сбрасывать остальные документы, то, учитывая ограничение, накладываемое на число книг, которые можно одновременно держать на депозите, я сбросила сам нотариальный акт и заказала новые материалы, могущие, как мне казалось, пролить дополнительный свет на некоторые места в этом акте. Новые материалы оказались очень интересными. Но теперь у меня возникли некоторые сомнения по поводу собственных выписок из того акта. Тогда я решила перезаказать его (конечно же, должным образом сбросив *sproglío* из *Aquisit e Doni*, чтобы остаться в рамках установленных ограничений). Итак, сегодня утром я передала листочек с копией заказа (эти придурки заставляют нас пользоваться копиркой — нет чтобы компьютеризовать сам процесс!) этим любителям комиксов из Депозитария, и ты бы видел, какой шквал оскорблений это вызвало! Все произошло так быстро, что я целую минуту не могла понять причину их негодования — а ею послужил перезаказ материала, находившегося у меня на руках две недели назад! (НИКТО И НИКОГДА НЕ ГОВОРИЛ МНЕ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ ПРАВИЛО, ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ ДЕЛАТЬ ЭТО!.. И ЕГО ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ — ВСЯКИЙ, С КЕМ Я ВПОСЛЕДСТВИИ ГОВОРИЛА ОБ ЭТОМ ИНЦИДЕНТЕ, УВЕРЯЛ МЕНЯ, ЧТО ВСЕ!!!!!! ЧАСТО ПЕРЕЗАКАЗЫВАЮТ МАТЕРИАЛЫ ПО ПРИЧИНЕ УСТАНОВЛЕННОГО ЛИМИТА!!!!!!) Естественно, я попыталась объяснить, что у меня возникла необходимость еще раз просмотреть документ. Но это не помогло! Как заведенные, они повторяли снова и снова — высокими, почти визгливыми голосами (явно передразнивая меня при этом): «*Est finito, questo documento*» — и, произнося «*questo documento*», тыкали указательными пальцами в журнал, чтобы подтвердить мои собственные слова о том, что я закончила работу с документом и не возражала против его возвращения в хранилище. А затем подошел тот мужик, что является ответственным по *Sala di Consultare*, и внес свои пятьдесят лир в общий хор. О Господи Иисусе! Можно было подумать, что я пыталась писать чернилами на полях или вкрутить добротную 25-ваттную лампочку в их дрянной 15-ваттный патрон. Вы не должны больше так делать, весь дергаясь от своего благородного волнения, произнес этот маленький расслабленный идиотик. Я попыталась объяснить ЕМУ. Но, к несчастью, чем больше я нервничала, тем меньше итальянских слов могла припомнить, и тут — словно злой дух овладел мною! — латинские и французские (большей частью все-таки латинские!) снова стали совершенно неожиданно выскакивать из моего рта. Но *bisogno*, начала я на чистейшем итальянском, *licet habere*, вылетело на латыни, *tre documenti*, я попыталась снова вернуться к итальянскому, НО! — *eodem tempore*, заключила я все-таки на латыни. Я думаю, что это и решило все дело. Начальство уставилось на меня во обе фишки, потом обменялось многозначительными взглядами со своими подчиненными (настолько многозначительными, что я почти услышала «*Americana pazzia*»! — произнесенное шепотом) и, сграбастав за рукав, потащило меня через весь зал (так что КАЖДЫЙ мог видеть!) и дальше вверх по лестнице, к

Сеньоре Директрисе (то есть, иначе говоря, к самой Поле). Ее прическа — неприступное великолепие, облекающее грандиозный проволочный каркас — словно у героинь Феллини (неомодернистам далеко до них), ее воротник не уступает тем, в которых щеголяли при королеве Елизавете I в Англии... О, Пола! — она даровала меня единственным уничтожающе-ледяным взглядом, а затем поразительно спокойным менторским тоном объяснила, что мое отношение к делу говорит об абсолютном неуважении к чужому времени и потраченным усилиям и что я не должна впредь отсылать в хранилище то, с чем еще не закончила работу. У персонала нет времени обслуживать чье-либо легкомыслие. Затем она вернулась к компьютерному экрану и больше не обращала на меня ни малейшего внимания — как ни пыталась я объяснить ей (на той же дикой лингвистической смеси), почему я просто вынуждена была поступить подобным образом. Синьорина, прошипел мне прямо в ухо тот тип, который сам же и приволок меня сюда, и, вцепившись мертвой хваткой в рукав, тем же манером выволок меня из ее августейшего присутствия (в то время как добрых полдюжины бездельников, похожих как две капли воды, хихикала в рукав над даровым спектаклем). С тем же успехом они могли бы поставить меня перед столом заказов, прямо в центр зала, задрать на спине рубашку и выдать двадцать пять плетей за дерзость. Исключая физическую боль (если не считать, конечно, кошмарной изжоги, которую я чувствовала после этого целый день), я чувствовала себя так, словно сполна испытала весь позор публичного наказания, совершенного вышеописанным способом. Вернувшись в Депозитарий и забрав оттуда свои документы, я прошмыгнула за один дальний столик (они продержали меня так долго, что все хорошие места около окон оказались занятыми) и принялась фантазировать о том, как я встану сейчас на стул и, бия себя в грудь кулаками, громко прокричу на весь зал: «MEA CULPA! МОЯ ВИНА! MEA MAXIMA CULPA!»

Но я посчитала, что тогда они с полным правом смогут схватить меня за нарушение тишины, а также публичную демонстрацию сумасшествия, выгнать в шею и никогда уже не впускать обратно...

Хочу домой. Мне сильно не хватает тебя. Я чувствую себя, словно кусок дерьма. (А может быть, я и есть дерьмо — и отсюда все мои беды.) Americana stulta! Нет! Только не ПО-ЛАТЫНИ!!! Americana STUPIDA!!! Американская КРЕТИНКА!!! MOLTO MOLTO STUPIDA!!! Questa Americana сильно тоскует по своему Нику...

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 18:25 GMT 280919
Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 10:28 PDT 280919
Кому: Николасу Барингу
От кого: Дениз Лорэ
Примечание: Частная переписка

Колокола Огниссанти, Ник, все звонят, звонят и звонят, и густой сочный благовест wpłyвает в окна, смешиваясь с запахом цветущих апельсинов. Вроде бы апельсинов. Не могу тебе описать точно, но это запах цитрусовых, чуть резковатый, от которого все внутри тает от удовольствия. Я думаю, это от цветов, что неожиданно расцвели здесь, на Арно — целое море крошечных лепестков волнуется на ветру, словно вишни весной, Ник — и действительно, можно подумать, именно сегодня

пришла весна (рановато для Сиэттловского мая, не правда ли?). Все прогуливаются вокруг в каком-то радостном опьянении — подобное состояние возникает, когда наконец-то почувствуешь себя свободным от смертельно надоевшей зимы.

Спасибо за слова поддержки, хотя, если честно, я гораздо больше нуждалась в них вчера, нежели сегодня. Сегодня я так счастлива, и счастлива здесь, на этой земле. Небо, словно чистейшая лазурь, и воздух искрит, благоухая. Люди повсюду смеются и улыбаются. Даже Графиня ласково улыбнулась мне, когда я вошла (всего несколько минут назад), улыбнулась и поприветствовала меня самым сердечным из всех Buona Sera, которые мне приходилось слышать, а еще несколькими минутами раньше то же самое сделали проститутки-транссексы, дежурящие у заднего фасада Огниссанти.

Чао, любовь моя!

(Как бы мне хотелось, чтобы ты был здесь! Я просто СГОРАЮ на медленном огне!)

Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 23:02 GMT 290919

Адресат: Баринг (а) хин. Вашингтон. Универснет // 15:04 PDT 290919

Кому: Николасу Барингу

От кого: Дениз Лорэ

Примечание: Частная переписка

В воскресенье, поздно ночью.

Извини, Ник, что столько твоих посланий осталось без ответа. Я уходила все это время — преимущественно на вечеринки. Крисси Фаулер была просто в ударе прошлой ночью, ну до того обаяшка! И я осталась до ПЯТИ утра! Затем, не проспала я и нескольких часов, как пришли Иверсоны и пригласили меня на чудеснейший из всех ленчей в мире в маленьком ресторанчике на той стороне Арно, около Санта-Мариа-дель-Кармине. (Мы завтракали на открытом воздухе, прямо посреди площади. Это было божественно — особенно из-за воздуха, который все еще сохраняет этот чудесный аромат. Я думаю это и есть настоящая амброзия — то, что мы вдыхаем.)

Вспомнила. Относительно твоих бесчисленных посланий, Ник. Ты НЕ ДОЛЖЕН беспокоиться насчет этого запаха. И прекрати упрашивать меня, чтобы я носила на лице какую-то маску, я все равно не собираюсь этого делать! Я высоко ценю твою заботу, но если бы ты только на миг вдохнул этот запах, ты бы сразу понял, что он просто не может быть ядовитым. Да, я согласна с тем, что он, скорее всего, исходит от цветов на Арно (и фактически все с этим согласны). Ну и что? Только из того, что раньше цветов на Арно не наблюдалось (как говорят), вовсе не следует, что они обязательно должны быть ядовиты. (Или же «противоестественны» — кажется, это словечко ты употребляешь?) Даже если они выросли из той самой зародышевой плазмы, что выпала на прошлой неделе над множеством рек — что из того? Я еще не вижу в этом никакой причины впадать в истерику!

Как ты думаешь, нельзя ли, чтобы кто-нибудь оплатил твои расходы, если ты придешь сюда как химик — расследовать все эти явления? Потому что, малыш, тогда бы мы смогли провести несколько часов вместе, в темпе! Серьезно, поработай над этим. (Не упускай ни одного варианта, слышишь? НИ ОДНОГО!!!) Я скучаю по тебе больше, чем ты можешь даже представить. Мое тело горит от страсти. Именно «горит» (и кое-где, соответственно, ужасно мокро.) Подумай над этим, Ник. Люблю, целую много-много раз и все те прелестные маленькие штучки, что полагаются в подобных случаях...

Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 12:23 GMT 300919
Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 06:08 PDT 300919
Кому: Николасу Барингу
От кого: Дэниз Лорэ
Примечание: Частная переписка

Господи, Ник, Я просто влюблена в этот мир, о как прекрасно жить в нем, Bella, Bella Bellissima! О как бы мне ХОТЕЛОСЬ, ЧТОБЫ ТЫ БЫЛ ЗДЕСЬ СЕЙЧАС!!!

Molto, molto l'amore!

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 22:42 GMT 021919
Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 16:57 PDT 021919
Кому: Николасу Барингу От кого: Дэниз Лорэ
Примечание: Частная переписка

Понедельник (или вторник? Я, кажется, потеряла счет дням)

Ник!

Прости, что мое молчание заставило тебя беспокоиться (хотя посуди сам, могла ли я ответить на все твои послания, если ты посылаешь их по семи-восми в день, а меня практически не бывает дома!). Знаешь, это и в самом деле чудесное место, более чудесного я до сих пор не встречала. Сегодня днем воздух вдруг наполнился мириадами крохотных пчелок и бабочек, и они густым облаком закружили и заплясали, вокруг этих миленьких беленьких лепестков. Словно согнутые луки повисли радуги, сверкая то здесь, то там, переливаясь чистейшими, глубочайшими красками, какие только смешивал художник на своей палитре. Кстати, о художниках и палитрах! Сегодня утром я попыталась сходить в Уффици. Мне просто необходимо было еще раз увидеть Боттичелли — я грезилась этими прекраснейшими из человеческих лиц, и они не выходили у меня из головы, когда я проснулась. Не тут-то было. Уффици был не просто набит битком, так что невозможно было повернуться внутри зала, невозможно было даже пробиться в нужный зал, чтобы бросить один-единственный взгляд на картину. (Словно весь город одновременно посетила одна и та же идея.) Смешно. Иверсоны оказались в аналогичной ситуации — они попытались сходить в Академию полюбоваться Давидом, и у них это получилось также, как у меня с Боттичелли. Тогда мы набили

наши плетенки хлебом, сыром, фруктами и минералкой и всем гуртом двинулись на пикник в Boboli-парк. Мы чудесно провели время, переиграли в кучу самых разных игр с девчонками. И что это были за игры! Об их существовании я давно забыла, даже если когда-нибудь знала. Ужас, как хочется спать. Придется заканчивать. Подозреваю, что недавним своим ощущением восхитительной бодрости и здоровья я более чем наполовину обязана четырнадцатичасовому сну, что свалил меня после той ночи у Крисси. Я только хотела сказать, что все твои подозрения и предчувствия совершенно неосновательны, Ник. В том, что я чувствую себя превосходно, еще нет ничего ненормального (даже если я действительно нахожусь в состоянии «бурной непрекращающейся эйфории» — что в этом плохого???). Я думаю, просто «феноменально», что японцы тоже получили свою порцию снега! Что до того, чтобы вернуться домой теперь — об этом не может быть и речи! никоим образом! Как я уже говорила, я бы, наоборот, предпочла, чтобы ты приехал сюда — тогда бы ты наконец воочию убедился, что все твои страхи относительно «неизвестного анаэробного фактора» абсолютные пустяки.

Не забивай себе голову, любимый! Жизнь слишком прекрасна, чтобы тратить ее на мучительные раздумья о том, какие же еще ужасные вещи могут произойти, и только оттого, что огромная часть людей впервые почувствовала себя гораздо лучше, чем когда-либо чувствовала до сих пор! Con l'amore tantissimo — e baci molti!

Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 12:04 GMT 041919
Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 10:27 PDT 041919
Кому: Николасу Барингу
От кого: Дэнни Лорэ
Примечание: Частная переписка

4 октября, 2019
В пятницу утром

Ник!

Ты действительно пытаешься дозвониться мне с самого вторника? Правда, я частенько отлучалась, но спала исключительно дома. Извини за доставленное беспокойство. Но и самые сверхсложные системы тоже иногда барахлят, это факт. Ты не пробовал проверить западную линию Штатов? Не удивлюсь, если поломка окажется именно там. Ты ведь знаешь, Запад всегда работал шаляй-валяй.

Смею уверить тебя, я в наипрекраснейшей из возможных форм. Несмотря на все твои страхи, ни малейших следов нервного расстройства, а также легочного заболевания. Мое тело — сплошное очарование. (И как оно хочет, чтобы его хотя бы обнял некто с инициалами Н.Б., не говоря уже о классном трахе. Это как раз то, чем недавно начали заниматься Иверсоны во всех комнатах без разбора, причем так активно, что их девчонки, которые все еще хихикают, когда речь заходит о сексе, вынуждены постоянно околачиваться у меня — все равно, дома я или нет. Кстати: если бы телефон зазвонил во время моего отсутствия, Иверсоны, уже наверное, сняли бы трубку, поскольку номера у нас спаренные!).

Ну и что с того, что резко сокращается товарооборот на Еврорынке —

я не понимаю, почему это тебя так расстраивает. Напротив, люди всегда были слишком уж заиклены на деньгах — наконец-то они увидели, как прекрасна жизнь сама по себе. Что касается слухов о том, будто иеговисты провозгласили Второе Пришествие — так они только и делают, что провозглашают его, из столетия в столетие. Верно также, что они хотели сжечь при этом несколько картин, но один францисканец (босой, в грубой серой рясе, так и стоявшей на нем колом; с тонзурой и наполовину седой бородой, спускавшейся на грудь) своим на диво медоточивым голосом сумел убедить их в том, что эстетические объекты оказывают благотворное духовное воздействие на людей, которые иначе оказались бы отверженными. Я не знаю, что там передают о нас ваши средства массовой информации, но, передавая что-либо, они страшно передергивают. Мне не хотелось бы говорить об этом, но мои добрые старые друзья американцы, как всем давно известно, страдают по поводу своих геморроидально-непроходимых задниц (отсюда, по вполне понятным причинам, проистекают их жадность и эгоизм), а где геморрой, там, как я недавно открыла, хорошей жизни не жди. Ну и ну, никак, я начала читать проповеди — уж чего-чего, а этого мне бы хотелось меньше всего Живи, Ник, ЖИВИ! Наступило время, когда мы наконец перестали проводить свою жизнь в непрерывном умирании. Жизнь ДАНА для того, чтобы жить, хочешь верь в это, хочешь не верь.

Что до меня, то я целиком и полностью следую собственным советам. Аморе, любовь моя, amore!

Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Лорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 13:34 GMT 051919
Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 19:57 PDT 051919
Кому: Николасу Барингу
От кого: Дэнни Аорэ
Примечание: Частная переписка

Ник!

Пожалуйста, успокойся. В самом деле. Прошу тебя. В тоне твоего послания сквозит явный испуг, и это беспокоит меня.

(Еще раз: УВЕРЯЮ ТЕБЯ, здесь ты почувствуешь себя куда более счастливым.) Не могу сказать, что крах на ньюйоркской бирже кажется мне чем-то ужасным. Паника, которая охватила тебя, — вот что действительно ужасно. Тебе просто необходимо переменить обстановку, Ник! Что до решения американского правительства закрыть все границы «до тех пор, пока не будут приняты соответствующие санитарные меры», — оно поражает своей явной бессмысленностью, все это не более чем набор слов. (Меня нисколько не расстраивает то, что они могут не впустить меня обратно. Хуже, если они не позволят ВЫЕХАТЬ тебе!) Столько страха, столько беспокойства, столько ужаса — и все буквально из ничего, — вот что вызывает во мне искреннюю печаль, Ник. Это напоминает мне о своей собственной жизни: столько лет отдано мелким, изнурительным страхам, столько лет, потерянных для самой ЖИЗНИ! Мне ничего не известно о гормональных «абerrациях» (хотя я могу себе представить, как несчастны те люди, которым пришлось в конце концов вернуться в США — все для того, чтобы их тут же заперли в какие-то ужасные «стерилизаторы», истыкали автоматическими иглами,

насквозь просветили лучами и вставили куда не надо какие-то проволоки). Да, это правда, грудь у людей действительно увеличилась. Кажется, и моя стала немного побольше. У Полы, во всяком случае, абсолютно точно: насколько я могу судить, у нее были очень маленькие груди прежде, а когда я, на следующий день, увидела ее танцующей напротив Duomo, они значительно округлились и пополнили. Она и впрямь выглядела потрясающе — вся лучилась, если ты позволишь мне употребить это слово. (Ее волосам куда больше идет короткая стрижка, чем то грандиозное сооружение на проволочном каркасе, которое она носила на себе до сих пор.) Ее лицо разрумянилось. Из одежды на ней были только бумажные шорты, браслеты из той же бумаги и шелка, ожерелья и серьги. Ее радость была такой открытой, такой лучезарной). Даже если это из-за «общего подъема эстрогенного уровня у обоих полов», какая разница, Ник. У всех будут просто более крепкие кости. Плюс определенная защита от коронарных заболеваний. Только и всего! Важнее то, что происходит здесь. Машины больше не ездят по Центру, то есть вообще (исключая разве что редкие рейсы грузовичка, развозящего пищу). Что означает полную свободу и безопасность любых пеших прогулок. Каждый гуляет, где хочет. Не далее как сегодня утром на Piazza della Repubblica состоялась чудеснейшая из церемоний, в ходе которой все личное оружие целой бригады карабинеров, квартирующих в Тоскане, было свалено в одну общую кучу. Оружие будет переплавлено, конечно, за пределами Центра. Металл пойдет на то, чтобы отлить новую статую, которая будет воздвигнута на Арно. Она будет называться не «Свобода», отнюдь, она будет называться «Радость». И представлять она будет вовсе не женское тело, нет, это будут цветы, окруженные бесконечным, искрометно-радужным мельтешением крошечных, тех самых, бабочек и пчел. Теперь я знаю, что такое «мир», «покой». Это больше, чем удовлетворение. Это начинается, когда ты сбрасываешь с себя тревогу и страх. И грустно сознавать, что тебе недоступно это. (Пока.) Может быть, когда-нибудь... ты приедешь сюда. Или Радость сама придет к тебе. Ничто не может сделать меня более счастливой, любимый.

Дэнни.

ЭОТ

Адресант: Аорэ (а) ист. Флоренция. Универснет // 14:58 GMT 071919

Адресат: Баринг (а) хим. Вашингтон. Универснет // 23:22 PDT 071919

Кому: Николасу Барингу От кого: Дэнни Аорэ

Примечание: Частная переписка

Ник, любимый!

Ты прав. В сущности, я даже не заметила, насколько дольше идут теперь наши послания через электронную почту. Если, как ты говоришь, промежутки и дальше будут увеличиваться, мы окажемся потерянными друг для друга. Фактически, когда телефонная связь так ненадежна, а путешествия запрещены, это единственная оставшаяся нам возможность. (Меня лишь недавно осенило, что можно еще использовать телепатию, но беда в том, что мы оба не знаем, с чего начать — хотя я уверена, что начинать нужно с тела и что легче всего это получилось бы с телами, которые связала Радость.) Ты знаешь, это начало новой эпохи в истории человечества. Я не могу поверить в то, что когда-нибудь мы окажемся настолько глупы, чтобы снова вернуться к прежним страхам, к тревоге и

всему тому злу, которое несут с собой эти непростительные слабости. (Линет считает, что Радость есть средство перехода на одну из новых эволюционных ступеней, потому что, сбросив с себя страх, мы тем самым сможем освободиться от наиболее разрушительных из животных инстинктов.) Я думаю, думаю обо всем, что мы забыли, чем пренебрегли, обо всем, что спит, до поры до времени, в наших телах, ждущих, все время ждущих и жаждущих Открытия! И я знаю, просто знаю, Ник, да, просто знаю, что если бы ты только мог отвесть Радости, ты бы приблизился к этому Открытию, да, ты бы тоже приблизился к нему!

Что ж, я могу только покачать головой, когда вдруг слышу, что президент Соединенных Штатов объявляет Чрезвычайное Положение. Я думаю, это не потому, что они боятся радости. Это потому, что они боятся жить без страха и тревоги, потому что все это слишком долгое время служило необходимой опорой для нашего правительства. (Я не специалист по американской истории, поэтому я не берусь судить, всегда ли было так, как теперь, или не всегда, и не является ли противоположное утверждение просто-напросто пропагандистским мифом.) И еще раз я повторяю те же слова: приезжай ко мне, любимый! (Но ты и в следующем своем письме будешь настойчиво убеждать меня, чтобы я носила на лице маску и проявляла осторожность по отношению к еде! Я знаю, знаю, мы говорим с тобой на разных языках. Но то, что движет мной, есть любовь, а то, что движет тобой, не что иное как страх. И ты должен, должен прислушаться к ее голосу, Ник. Приди же ко мне, отведай Радости и Жизни.)

Я была чересчур многословной на этот раз — каждый день на площади у нас устраиваются танцы до тех пор, пока, конечно, позволяет погода. Только что явилась Линет, чтобы увести меня. Когда пойдет дождь, мы непременно отметим это событие! Тогда, если президент все-таки решится «объявить войну» (но с кем? Разве для драки не нужны двое?), мы окончательно, как ты говоришь, окажемся отрезанными от мира. На этот случай я хочу, чтобы ты запомнил меня такой, как сейчас, произносящей эти слова: отведай Радости и оставь навсегда свой Страх — ибо это единственный путь, ведущий тебя к Жизни.

Дэнни.

ЭОТ

1 марта, 2147

Кому: Уважаемому Предоставителю Документов, Гендрон 14

Дорогой Уважаемый Предоставитель Документов! Я с глубокой признательностью прочитал документы, которые Вы так любезно переслали мне. Это как раз то, что я искал. Конечно, не помешало бы, если бы в них было чуть больше деталей, чуть больше анализа, чуть больше проницательности — однако я понимаю, что в людях предвоенного периода подобное сочетание качеств было достаточно редким, если вообще встречалось. Особенно интересным показалось мне рассуждение по поводу эволюционных ступеней, принадлежащее особе, обозначенной в письмах просто как «Линет» (здесь, пожалуй, могли бы помочь копии, сделанные с более ранней корреспонденции — насколько я предполагаю, она не сохранилась?). Остается только сожалеть, что связь была разорвана в ходе паники, охватившей американское правительство и

ускорившей развязывание военных действий. Без сомнения, вам известно, что «Декларация о Войне» была принята американским конгрессом всего двенадцать часов спустя после того, как Николас Баринг получил последнее послание от Дениз Лорэ. Что касается проверки подлинности документов, я могу провести ее только косвенно — на основании официальных сведений о карьере Николаса Баринга и его положении в качестве «гражданина» США, а также на основании полнейшего отсутствия таковых на Дениз Лорэ — после ее отбытия из Сиэтла, штат Вашингтон (Записи, которые могли бы документально подтвердить ее путешествие из Соединенных Штатов в Город-Государство Флоренцию, Европа, также не сохранились.) И в заключение, я хотел бы поблагодарить вас за удовольствие, полученное мной в процессе чтения записок очевидца той «Радости» (как сама Дениз Лорэ называет это), что пришла в мир. Мы никогда не должны забывать то, какими мы некогда были ни первых касаний, ни первых слов, ни первых шагов ребенка, учащегося познавать жизнь — ее вкус, ее ощущения — даже если этот ребенок в процессе биологического развития давно превратился во взрослого Примите мою благодарность, Гендрон 14.

С уважением и признательностью, на всю жизнь Ваш *Элиану 09*

Теперь вы знаете

**Брюс Стерлинг
Интерсеть¹⁸**

Лет тридцать назад корпорация RAND, американский мозговой центр холодной войны, столкнулась с необычной стратегической проблемой. Каким образом власти США могли бы сообщаться друг с другом после атомной катастрофы?

Постыядерной Америке понадобится административно-командная сеть, протянутая от юрода к городу, от штата к штату, от базы к базе. Однако независимо от оснащения и защиты этой сети ее коммутатор и кабель всегда будут уязвимы при взрыве атомной бомбы. Ядерная атака повергнет в прах любую сеть такого рода.

А как будет контролироваться и управляться сама система связи? Очевидно, что любая цитадель центральной власти сразу станет мишенью для ракеты противника. И первой целью станет центр сети.

RAND ломала голову над этой задачей, наглухо засекретив всю работу, и нашла дерзкое решение. Предложение сотрудника корпорации. Пола Барена стало известно общественности в 1964 г. Во-первых, сеть не должна иметь центрального управления. Более того, с самого начала она должна быть приспособлена к работе в экстремальных условиях.

Принципы были просты. Раз и навсегда сама система была признана ненадежной. Она должна быть сконструирована таким образом, чтобы перескочить барьер собственной ненадежности. Все узлы сети должны обладать одним и тем же статусом, с собственным правом создавать, передавать и принимать сообщения. Сами сообщения будут разделены на пакеты, каждый из которых будет иметь отдельного адресата

Формирование каждого пакета начинается из особого узла-источника и заканчивается в особом месте назначения. Каждый пакет совершает свой путь самостоятельно.

Маршрут, которым следует пакет, не важен. Все решает только конечный результат. По существу, пакет будет перекидываться, как горячая картошка, от узла к узлу, более или менее по направлению к месту назначения, пока не достигнет цели. Если большие участки сети будут взорваны, ничего страшного не произойдет, пакеты просто повиснут в воздухе, настолько рассеянные по земле, что сохранятся, даже если случайно выживет один единственный узел. Этот до некоторой степени бессистемный метод доставки был бы «неэффективным» в обычном понимании (в сравнении, скажем, с телефонной системой) — зато чрезвычайно надежным.

В 60-х эта интригующая концепция децентрализованной, защищенной от повреждений сети рассматривалась в RAND, в Массачуссетском Технологическом институте и в Калифорнийском университете. Государственная физическая лаборатория Великобритании установила первую пробную систему, построенную на этих принципах в 1968 году. Вскоре после того Главное исследовательско-проектировочное Агентство (ARPA) Пентагона решило реализовать более масштабный проект в США. Узлами сети станут высокочлассные супер-компьютеры (или их более совершенная модификация в будущем). Это были редкие и дорогие машины, которым действительно необходима надежная сеть при работе с государственными исследовательскими проектами.

Осенью 1969 года первый такой узел был установлен в UCLA. К декабрю 1969 года существовало уже четыре узла зарождающейся сети, которую называли ARPANET в честь ее пентагоновского патрона.

Четыре компьютера могли пересылать информацию по созданным высокоскоростным линиям передач. Они даже могли быть дистанционно запрограммированы с других узлов. Благодаря ARPANET, ученые и исследователи имели возможность распределять функции компьютеров с одного на другой на большом расстоянии. Это была очень удобная связь, поскольку в 70-х компьютерное время было дорогостоящим. В 1971 в ARPANET работало уже пятнадцать узлов, в 1972 — тридцать семь. Все шло отлично.

На втором году работы, однако, выяснился странный факт. Пользователи ARPANET преобразовали компьютерно-распределительную сеть в некую готовую высокоскоростную, субсидируемую государством электронную почту. Основное движение на ARPANET уже не было дистанционным программированием. Напротив, это были сплошные новости и личные послания. Исследователи пользовались ARPANET при сотрудничестве по созданию проектов, для обмена рабочей информацией и, наконец, для передачи откровенных сплетен. Люди извлекали личную пользу из компьютеров ARPANET и имели собственные адреса в электронной почте. Они не только использовали ARPANET для сообщения друг с другом, но и работали при этом с большим энтузиазмом, чем занимаясь дистанционным программированием.

Это было незадолго до изобретения списка адресатов передающего устройства ARPANET, по которому одна и та же информация может посылаться автоматически огромному количеству абонентов сети. Интересно, что один из первых действительно крупных списков был «SF-LOVERS» — для любителей научной фантастики. Обсуждение

фантастических историй не имело никакого отношения к работе и заставляло хмуриться многих компьютерных администраторов ARPANET, но это не остановило уже начавшегося процесса.

В 70-х ARPA-сеть росла. Ее децентрализованная структура облегчала экспансию. В отличие от стандартных корпоративных компьютерных сетей ARPA-сеть может приспосабливаться к машинам любого типа. Пока индивидуальные машины могли говорить на универсальном языке новой анархической сети, их заводское клеймо, их содержание, и даже их хозяева — все это значения не имело.

Исходный стандарт сообщений ARPA был известен как NCP, «Протокол управления сетью», но шло время, техника совершенствовалась, и NCP был вытеснен стандартом более высокого уровня и более изощренным, так называемым TCP/IP. TCP, или «Трансмиссионный контрольный протокол», превращал поступающую информацию в потоки пакетов в начале, а затем обратно в сообщения в конечной точке. IP, или «Интерсетевой протокол», контролировал адресацию, прослеживал ее по маршруту движения пакетов через многочисленные узлы, даже многочисленные сети с различными стандартами — не только ARPA осваивала стандарт NCP, но и другие, вроде сети Эзернет (Ethernet), FDDL и сетевого протокола X25.

Уже в 1977 году TCP/IP использовалась другими сетями для связи с ARPANET Сама ARPANET оставалась под довольно твердым контролем, по крайней мере до 1983 года, когда ее военная часть отделилась и стала называться MILNET. Но TCP/IP объединяла их всех. И сама ARPANET в процессе своего развития превращалась лишь в маленького соседа огромной разросшейся галактики других подсоединенных машин. Шли 70-е, 80-е, многие совершенно разные социальные группы посвятили себя овладению могущественными компьютерами. Было совсем несложно подсоединить эти компьютеры к растущей «сети сетей». Пока расширялось использование TCP/IP, другие сети попадали в электронные объятия Интерсети и объединялись. С тех пор как компьютерное обеспечение под названием TCP/IP стало общественным достоянием, а базовая технология была децентрализована, будучи к тому же совершенна анархична по своей природе, было трудно удержать людей от вторжения и подсоединения то тут, то там. Фактически никто не хотел остановить их от включения в этот разветвленный комплекс сетей, известный как «Интерсеть».

Подключение к Интерсети стоило налогоплательщику немного или ничего, поскольку каждый узел был независимым, имел свое собственное финансирование и техническое обслуживание. Дальше — больше. Подобно телефонной сети, компьютерная сеть неуклонно становилась все более ценной по мере того, как она объединяла людей и ресурсы на все больших территориях.

Факсовый аппарат стоит чего-нибудь лишь в том случае, если такой аппарат есть еще у кого-то. Без этого факс — всего лишь безделушка. Также и ARPANET некоторое время оставалась курьезом. Затем компьютеризация стала крайней необходимостью.

В 1984 году в игру вступил Национальный научный фонд (NSF) через посредничество Отдела по научному развитию компьютеризации. Новая NSFNET установила равномерный темп развития, связывая новейшие, самые высокоскоростные суперкомпьютеры через более тонкие и быстрые соединения, раз за разом все более совершенствуясь и

расширяясь, в 1986, 1988, 1990 годах. Приобщились и другие государственные структуры: НАСА, Национальный институт здравоохранения, Департамент энергетики — все они удерживали диктат в конфедерации Интерсети.

Узлы этой растущей сети сетей относились к различным базам. Иностранные компьютеры, а также некоторые американские, предпочли пометки по географическому положению. Другие были сгруппированы в шести базовых «владениях» Интерсети gov, mil, edu, com, org и net. (Эти малопривлекательные сокращения являются стандартной чертой протоколов TCP/IP.) Gov, mil и edu обозначают правительственные (governmental), военные (military) и учебные (educational) учреждения, которые были, без сомнения, первопроходцами, когда ARPANET начала высокотехнологические исследования по национальной безопасности. Com, в свою очередь, употреблялось для «коммерческих» учреждений, которые ворвались в сеть как быки на родео, окруженные пыльным облачком малоодоходных, но энергичных «орг-ций». (Компьютеры «net» служили связующим звеном между сетями.)

Сама ARPANET формально была закончена в 1989 году, став счастливой жертвой собственного успеха. Ее пользователи вряд ли заметили это, ведь функционирование ARPANET не только продолжалось, но и неуклонно совершенствовалось. Теперь использование TCP/IP стало глобальным. В 1971 году, всего лишь двадцать один год назад, в сети ARPANET было только четыре узла. Сегодня существуют десятки тысяч узлов Интерсети, разбросанных по более чем сорока двум странам, и число их увеличивается день ото дня. Три, возможно, даже четыре миллиона людей пользуются этой гигантской матерью-всех-компьютерных-сетей.

Интерсеть особенно популярна среди ученых и, вероятно, является важнейшим орудием науки конца двадцатого столетия. Солидный доступ к специализированной информации и личные контакты невероятно ускорили темпы научных исследований.

В 1990-х рост Интерсети впечатляет подобно разгулу стихий. Она распространилась быстрее цифровых телефонов, быстрее факсовых аппаратов. В прошлом году Интерсеть росла со скоростью двадцать процентов в месяц. Количество «хозяйских» машин с подсоединением к TCP/IP с 1988 года удвоилось. Интерсеть переместилась со своей первоначальной базы, военных и исследовательских организаций в начальные и средние школы, в публичные библиотеки и в коммерческий сектор.

Почему люди хотят быть «в Интерсети»? Одной из основных причин является элементарная свобода. Интерсеть — это редкий пример истинной, современной и функциональной анархии. Не существует «Интерсеть Инкорпорейтед». Никаких официальных цензоров, никаких боссов, никакого совета директоров, никаких акционеров. В принципе, каждый узел может говорить на равных с другим узлом, при этом продолжительность разговора ограничена лишь протоколами TCP/IP, которые носят строго технический, а не социальный или политический характер. (Имела место некая борьба против коммерческого использования Интерсети, но, как только бизнес обеспечил свои собственные соединения, ситуация изменилась.)

К тому же Интерсеть недорога. Ее цена, в отличие от телефонной системы, не зависит от длины дистанции. И, в отличие от большинства

коммерческих компьютерных сетей, не нужно оплачивать машинное время. В действительности, сама Интерсеть, официально никогда не существовавшая как организация, никогда ни от чего и не «зависела». Каждая группа людей, пользовавшихся Интерсетью, отвечала за свою собственную машину и за свою собственную часть линии.

«Анархия» Интерсети может показаться странной и даже неестественной. Она, пожалуй, сходна с «анархией» английского языка. Никто не берет в аренду английский и никто не является его владельцем. От вас, как от англоговорящего человека, зависит, будете ли вы говорить по-английски правильно и так, как вам это нравится (все-таки правительство обеспечивает определенные субсидии, чтобы помочь вам выучиться немного читать и писать). Все как-то работает само по себе, но представьте, что кто-нибудь возьмется, да и отключит этот механизм. Интересно. Даже завораживает. Однако множество людей зарабатывало на жизнь использованием и преподаванием английского, «английский язык» как общественный институт является общественной собственностью, общественным достоянием. То же самое и с Интерсетью. Стал бы английский лучше при наличии у «Английский язык Инкорпорейтед» совета директоров и главного исполнительного директора, Президента или Конгресса? Должно быть, тогда в английском языке возникло бы намного меньше новых слов и намного меньше новых идей.

То же думают и люди Интерсети о своем «общественном институте». Это организация, исключаящая заорганизованность. Интерсеть принадлежит всем и никому.

В то же время различные группы, занятые в различных сферах деятельности, имеют собственные интересы. Деловые люди используют Интерсеть для укрепления своего финансового положения. Политикам нужна более урегулированная Интерсеть. Ученые хотели бы, чтобы она была целиком посвящена научным изысканиям. Военным необходима защита от шпионажа и безопасность. И так далее.

Все эти источники раздоров сегодня находятся в неустойчивом равновесии, а Интерсеть, таким образом, остается в условиях цветущей анархии. Когда-то давным-давно высокоскоростные объемные линии сети Национального научного фонда (NSF) были названы «Позвоночником Интерсети», владельцы которых могли доминировать в определенной степени в Интерсети в целом; но теперь «позвоночники» существуют в Канаде, Японии и в Европе, есть даже частные коммерческие интерсетевые позвоночники, специально созданные для торговли. Сегодня даже карманные компьютеры могут стать узлами сети. Вы можете носить их в руке. А скоро, вероятно, и на запястье.

Но что человек делает с Интерсетью? В основном, четыре вещи: почта, переговоры, дистанционное программирование и передача файлов.

Почта Интерсети — это «модемная», электронная почта, она на несколько порядков быстрее Почты США, которая среди пользователей Интерсети в насмешку именуется «черепашьей почтой». В чем-то Интерсеть подобна факсу. Она представляет собой электронный текст. Вам не нужно за нее платить (по крайней мере, непосредственно). По модему также можно передать программное обеспечение, спрессованную цифровую информацию. Идет работа над новыми формами почты.

Переговоры, или «группы новостей», составляют особый мир. Этот мир новостей и дебатов широко под названием «USENET». Фактически

USENET отличается от Интерсети. USENET больше смахивает на огромную волнуемую массу сплетников, жадных до новостей, путешествующих по Интерсети своим путем по задворкам различных частных пикников. USENET не столько физически существующая сеть, сколько сеть социальных условностей. В любом случае сейчас существует около 2500 отдельных дискуссионных групп в USENET, и они уже вырабатывают до 7 миллионов слов печатного комментария ежедневно. Действительно, уже ведется огромное количество разговоров на компьютерах USENET, но разнообразие обсуждаемых тем просто впечатляет и при этом оно постоянно растет. USENET также представляет различные бесплатные электронные журналы и публикации.

Сеть новостей и почта широко применяются даже вне высокоскоростных артерий самой Интерсети. Новости и почта свободно передаются по телефонным линиям с интерсетевых сообществ: BIT-net, UUCP, Fidonet. Две последние службы Интерсети, дистанционное программирование и передача файлов, требуют, что называется, «прямого доступа в Интерсеть» и пользуются TCP/IP.

Дистанционное программирование стало подлинной находкой для ARPANET и до сих пор является очень важной службой по крайней мере для некоторых. Программисты могут задействовать на расстоянии мощные компьютеры, прогонять там программы или писать свои собственные. Ученые имеют возможность пользоваться мощными суперкомпьютерами, находящимися на другом континенте. Библиотеки предлагают электронные карточные каталоги для свободного поиска. Громадные каталоги непerezаписываемых компактных звукодисков CD-ROM все больше используются в этой связи. Имеются фантастические возможности свободного программирования.

Передачики файлов дают пользователям Интерсети доступ к отдаленным машинам и поиску файлов и текстов. Многие компьютеры Интерсети — их около тысячи — дают анонимный доступ любому, позволяя запросто бесплатно копировать общедоступные файлы. Немаловажно, что целые книги могут быть переданы по прямому доступу Интерсети в считанные минуты. Сегодня, в 1992 году, существует более миллиона таких открытых файлов, доступных тому, кто их запрашивает (и миллионы для тех, у кого есть специальный допуск). Передачики файлов Интерсети становятся новой формой публикаций, при которой читатель просто делает электронные копии нужных ему работ, в любом количестве, бесплатно. Новые программы Интерсети, например «archie», «gorpher» и «WAIS», были внедрены в каталог и обследуют эти огромные архивы.

Анархическая, не имеющая головы, но с миллионом щупалец Интерсеть растет как на дрожжах. Любой компьютер с достаточной мощностью может стать ее потенциальным клиентом; сейчас такие машины стоят не дороже 2000 долларов, их используют люди по всему миру. ARPA-сеть, созданная для управления разрушенным обществом после ядерной катастрофы, была вытеснена своим отпрыском-мутантом — Интерсетью, которая совершенно не поддается контролю и распространяется в геометрической прогрессии по всемирной электронной деревне времен окончания холодной войны. Рост Интерсети 90-х имеет сходство с распространением персональных компьютеров в 1970-х, причем идет он быстрее, а значение ее еще важнее. Важнее, поскольку придает персональному компьютеру свойства дешевого и

легкодоступного хранилища информации поистине мирового масштаба. Будущее Интерсети заметно и быстро поднимет расценки. Сегодня коммерциализация Интерсети является насущным вопросом и обещает множество новых коммерческих информационных служб. Федеральное правительство, ободренное неожиданным успехом, проявляет большую заинтересованность. NREN, Национальная сеть по исследованиям и образованию, была утверждена Конгрессом США осенью 1991 года как проект по совершенствованию «позвоночника» Интерсети, рассчитанный на пять лет и стоимостью в два миллиарда долларов. NREN будет в пятьдесят раз быстрее, чем самая быстрая из доступных сегодня сетей, позволяющая осуществить электронный перенос в полную Британскую Энциклопедию за одну секунду. Распространенные по всему миру компьютерные сети будут иметь трехмерную графику, радио- и цифровые телефонные соединения с портативными компьютерами, а также факс, голос и телевидение нового поколения. Огромный аттракцион средств информации!

Но это планы и надежды. В действительности Интерсеть будущего может иметь очень мало сходства с сегодняшними проектами. Планы вообще никогда не имели ничего общего с их воплощением, с реальным развитием Интерсети. Более того, сегодняшняя Интерсеть не очень-то напоминает те зловещие планы насчет пост-ядерной командной системы RAND. Такая вот счастливая ирония судьбы.

Как получить доступ к Интерсети? Понятно, если у вас нет компьютера и модема — для начала придется завести хотя бы один экземпляр. Ваш компьютер способен действовать как терминал, и вы можете использовать обыкновенную телефонную линию для подсоединения к машине Интерсети. Эти более медленные и более простые дополнения к Интерсети обеспечат вас новостями и собственным электронным адресом. Это минимум — если вы имеете лишь почту и новости, еще нельзя сказать, что вы «в Интерсети».

Если вы живете в кампусе, ваш университет наверняка имеет прямой «специальный доступ» к высокоскоростным TSP/IP линиям Интерсети. Узнайте Интерсетевой номер машины в вашем кампусе, и у вас будет возможность заниматься свежее испеченным дистанционным программированием и пользоваться передачей файлов. Некоторые города, например Кливленд, обеспечивают общественный доступ «свободной сети». Все больший доступ к Интерсети имеет бизнес, который хотел бы также устанавливать плату абонентам. Стандартный размер оплаты — около 40 долларов в месяц — примерно как за кабельное телевидение.

Во второй половине девяностых годов соединиться с Интерсетью будет гораздо проще и дешевле. Легкость в использовании увеличится и, что не может не радовать, дикая на вид, операционная система UNIX дружелюбно поворачивается лицом к пользователю TSP/IP. Сейчас изучение Интерсети, или хотя бы разговор о ней, не повредит. В конце века «сетевая грамотность», как прежде «компьютерная грамотность», станет важной частью вашей жизни.

Для дальнейшего чтения:

The Whole Internet Catalog & User's guide by Ed Krol. (1992)
O'Reilly and Associates, Inc. Доступное, не переполненное специальной

лексикой введение в пугающее занятие сетевой грамотностью. Многие компьютерные учебники стремятся быть увлекательными. Книжка г-на Крола — это полезное развлечение.

The Matrix: Computer Networks and Conferencing Systems Worldwide, by John Quarterman. Digital Press: Bedford, MA (1990)

Обширное и высокотехнологичное пособие, детализирующее головоломные сложности и возможности нашей только что оплетенной сетью планеты.

The Internet Companion by Tracy LaQuey with Jeanne C. Ryer (1992) Addison Wesley. Жутко вежливый путеводитель по Интерсети, переполненный анекдотическими байками о том, как общение с Интерсетью может изменить жизнь. Предисловие сенатора Аль Гора.

Zen and the Art of the Internet: A Beginner's Guide by Brendan P. Kehoe (1990) Prentice Hall. Краткий, но полезный путеводитель по Интерсети с большим количеством хорошей информации о том, как с пользой обрабатывать информацию в машинах. Справочник г-на Кехоэ учит бесплатно получать доступ к электронике. Я делаю то же самое посредством всех моих статей в F&SF, включая, разумеется, и эту.

Мой собственный адрес в Интерсети: bruces@well.sf.ca.us.

Наукософия

**Владимир Герасименко
Ступеньки Герасименко**

Многие физики любят думать, что химия — это просто испорченная физика, биология — испорченная химия, социология — всего лишь испорченная биология, ну а то, что на самом верху — читатель уже догадался — это многократно, многократно испорченная физика. Живое, по мысли этих физиков, — это, конечно же сложноватые машинки из нескольких сортов таких маленьких и очень тождественных, то есть совсем одинаковых между собой «полевых» шариков. При разговоре об этом вслух означенные физики для сохранения приличия, однако обычно прибавляют, что они не сторонники редукционизма (лязгающий смысл

которого описан выше), не стесняясь голого противоречия.

Не так давно активно шли споры об определении биофизики. Во время своего студенчества автору в силу разных коллизий пришлось втянуться в публичный университетский диспут со старозаветной кафедрой физиологов в полном составе, настаивавшей на довольно варварском определении биофизики как применения физического прибора к биологическому объекту (исходя из чего ветеринар, измеряющий температуру у коровы, просто примерный биофизик).

Ныне автор подписался бы под следующим определением: биофизика — это наука о физических фундаментальных основах живого.

Но отнюдь не наука о физических особенностях живого. Простое, хотя и несколько расплывчатое, казалось бы, определение. Впрочем, разъяснения член-корра от биофизики, давшего определение, не оставляют сомнений: изучение живого не порождает и не требует никакой новой физики. Для непонимающих член-корр выразился еще проще: возьмите справочник по физике и вам его хватит для изучения любого живого биологического объекта. Нимало не смутясь вопросом, какого года издания брать справочник по физике, мэтр вальяжно ответил: «Ну, какой-нибудь поновей».

Физиков, вероятно, можно понять. Предыдущий этап развития науки на основе технологической революции укрепил их во мнении — для того, чтобы познать что-то, надо довести это «что-то» до крайности. Все, находившееся в пределах достигнутых параметров, как-то сразу признавалось заведомо не новым. Новой физике дозволялось появляться только на дне черных дыр или у белых фонтанов материи. Циклопический ускоритель по экватору Земли, гигантские магнитные кольца в космосе диаметром в орбиту Луны вызревали в воспаленных умах великих физиков. В фантастике подобное умонастроение вылилось в законченные словесные формулы Гении с кристаллоподобными чертами, управляющие взрывом галактик, и какая-то очень редко встречающаяся в космосе плесень в виде всей прочей зоологии (то есть, на жаргоне гениев: всего, что не физика). Смущало только древнее родство этих гениев с плесенью, но ясно брезжила надежда, что об этом удастся навсегда забыть, окончательно компьютеризовавшись и кристаллизовавшись. Вход в микромир тоже мыслился не везде, где попало, а только обставленным многотонными физическими установками.

Однако как назло разразился огромный скандал с высокотемпературной сверхпроводимостью. Ну, конечно, многие физики предпочли не заметить этой чувствительной пощечины от коварной природы, сразу забыли, как глумились и потешались над одинокими исследователями высокотемпературной сверхпроводимости; более того, некоторые теоретики со звучными фамилиями, опровергавшие само существование высокотемпературной сверхпроводимости, безо всякой заминки заявили, что они-то ее и предвидели (на их жаргоне можно продолжить: «в смысле невозможности»). Воистину, эти люди очень часто ошибаются, но ни в чем не раскаиваются, расплачиваться за их ошибки, видимо, приходится другим. Остается вспоминать Второй Закон Артура Кларка: «Если известный ученый в годах признает что-либо верным и существующим, он, всего вероятнее, прав, если же неверным и несуществующим, он скорее всего ошибается».

Выяснилось, новая физика лежала килограммами керамики на деревянных полках, то есть, изучая «чисто химический объект», физики

столкнулись с новой физикой, не в смысле отмены старой, а в смысле появления новых принципов и обнаружения новых физических сущностей. В древности об этих приключениях духа писали проще: «А вот книги физиков, из которых мы узнаем, что Вселенная устроена не сложнее повозки».

Конечно, не надо забывать, в противовес какой невообразимой чертовщине физикам приходилось развивать свои взгляды, хотя еще неизвестно, на чью мельницу они лили воду.

В одном из диалогов Платона, который опасно читать неподготовленному человеку, в некой драматической ситуации возникает спор об арфе и ее настрое. Один из унылых материалистов говорит Платону, что с исчезновением арфы исчезает и ее настрой. Платон же (в духе ответа — меня давно интересовало, куда деваются отпущенные грехи) пытается выяснить, куда же настрой исчезает, — не туда же, откуда появился? В итоге друзья понимают, что такому человеку, как Платон, ничего не страшно.

Ньютон, который сравнивал себя с мальчиком, играющим в красивые раковины на берегу моря познания, тем не менее не любил безудержного фантазирования в науке, измышления гипотез — оно неконструктивно, никуда не ведет и потому скучно. Например, естественно предположить, что раковины образуются из песка под действием ветра, а поскольку мы этого не видим сейчас, то еще естественней предположить, что Вселенная вступила в эпоху рассыпания, и так далее, и так далее, до дурной бесконечности...

Итак, не преклоняться перед авторитетами, но и не верить ниспровергателям основ (основы наук поддаются только расширению)

Легко сказать, ну а если человек усилием воли гнет металлическую ложку — это антинаучно? И пожалуйста, готов процесс против Ури Геллера. Но если как следует подумать, то антинаучна именно резкая реакция-утверждение поборника «чистой науки». Устранив все тривиальные причины, он придет к выводу, что человек действительно способен изменять форму металлических предметов, и это повергнет его в шок. Но если бы поборник попробовал выяснить механизм явления памяти формы у металла, тогда ему не показалось бы таким невероятным, что очень слабое воздействие, которое оказывает человек, может вызвать подобный эффект.

Высшая математика — это чистая экстрасенсорика в мире арифметики и начинается она как-то незаметно, всего лишь с введения каких-то ничтожных бесконечно малых величин, а позволяет без особого труда передвигать горы в мире арифметики и, можно сказать, буквально парить над арифметическими задачами. Однако же, ни арифметика, ни высшая математика не отменяют друг друга (можно сказать, у них одинаковая методология) и высшая математика расширяет основу математических дисциплин. Они как бы вступают во взаимоотношения тела и души.

Попробуем изобразить некую графическую максимум тех взглядов на уровни организации единого мира и на классификацию наук, отражающую эту природную иерархию. Как мы уже говорили о распространенной, почти классической точке зрения, с которой (открестясь от редукционизма на словах, на деле приближаются к формуле «не согрешишь — не покаешься») химия рассматривается как прикладная физика, биология как прикладная химия и т. д. и т. д.

Немного порисуем: см. Рис. 1. В нашем рисунке редукционизм — это просто стирание всех стрелочек, кроме центральных, а его антипод витализм — стирание вообще всех. В то время как полная схема отображает то, что в словесной формулировке звучит приблизительно так: более высокая ступень природной иерархии зиждется на предыдущей, но восходит к общим фундаментальным основаниям (в прежней терминологии — это описание взаимосвязи между материальным и идеальным).

Рассмотрим биофизику (хотя мы можем обнаружить почти сразу массу других поучительных примеров, работая со схемой в других областях) По современной парадигме суть и отличие живого состоят в том, что элементарные биополимеры, составляющие живое (в первую очередь, ферменты), меняют свою форму при функционировании. Но это, конечно, слишком понятно, настоящий специалист должен говорить «испытывают конформационные изменения». Чтобы вам стала ясна вся глубина мысли, это если бы мы сказали: динозавры двигаются и поэтому любят. Теперь вы легко можете стать своим человеком среди современных биохимиков и биофизиков, просто надо говорить — такой-то процесс обеспечивается такими-то биополимерами, при этом они меняют конформацию.

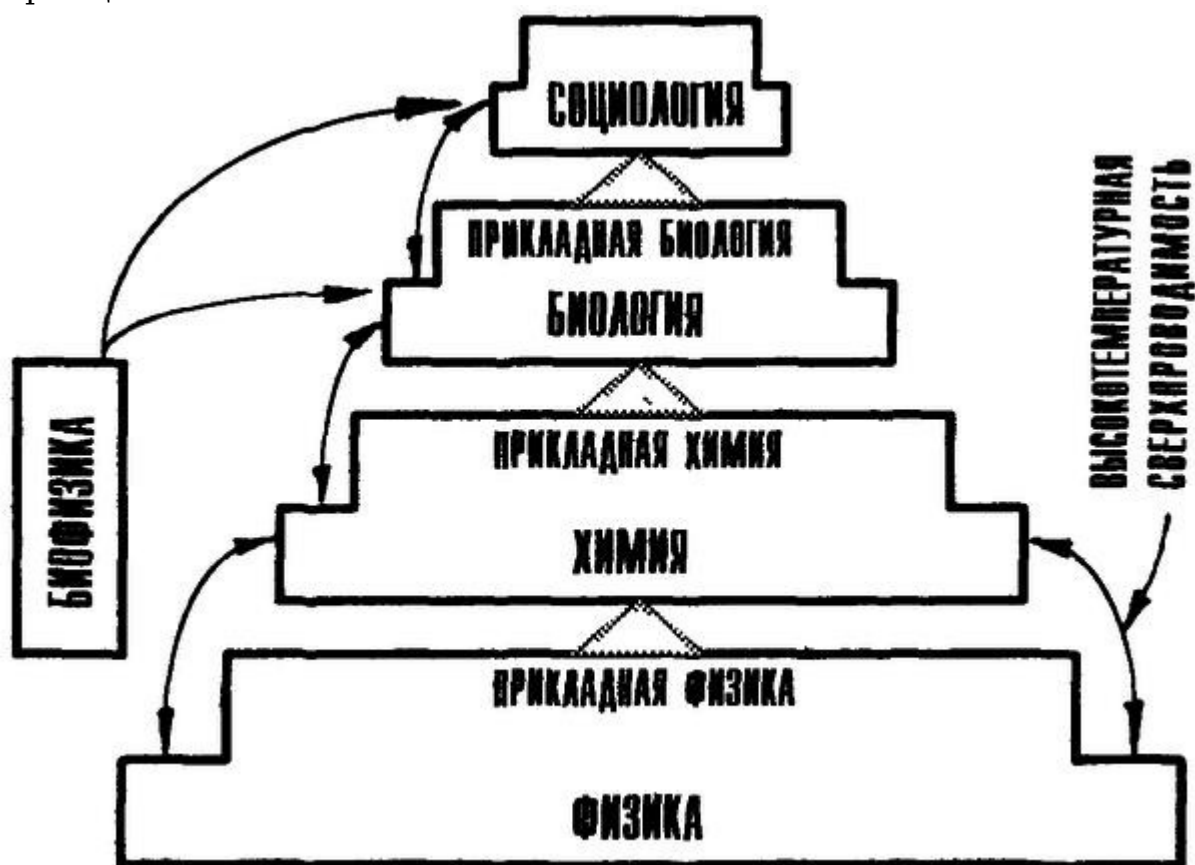

Рис. 1

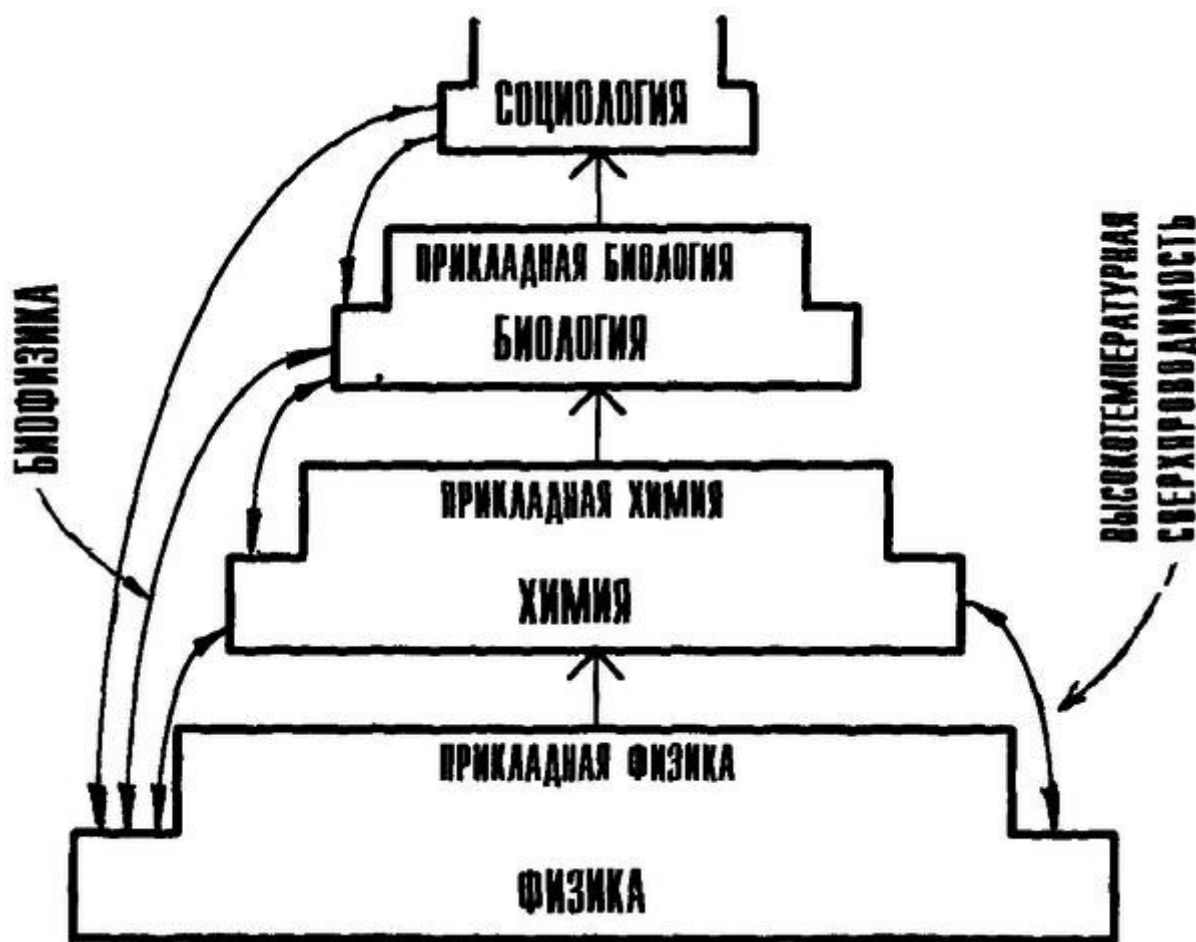

Рис. 2

Но если мы обратимся к нарисованным нами ступенькам и вспомним определение биофизики как науки о физических (фундаментальных) основах живого, и будем считать, что биополимеры должны восходить к основанию химии, к понятию химической связи, то, выражаясь химическим языком, мы склонны будем предположить, что сама химическая связь должна «мутировать» в биополимерах, то есть там должны создаваться условия для управления, но не силового, а легкого (можно сказать, идеального) управления химической связью при исчезающе малых затратах энергии. Если мы обратимся к еще более глубокому уровню — физическому, фундаментальному — нам придется предположить, что, поскольку химическая связь осуществляется координированными электронами, то физический смысл структур в идеальном управлении — именно этим движением.

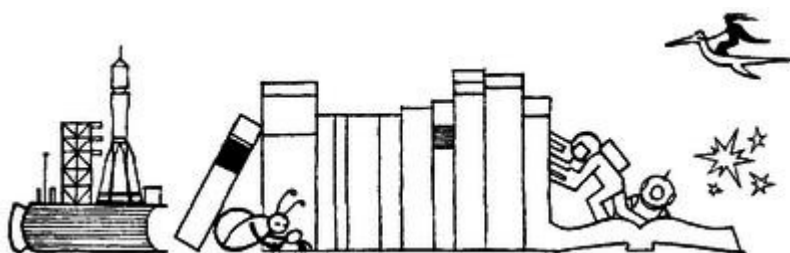
Еще одно следствие. Нам стоит распрощаться с привычкой считать малые дозы веществ (в том числе, канцерогенных) и излучений различных полей незначительными. Мы можем заменить слово «идеальное» на слово «информационное», и станет понятно, что даже самые малые дозы веществ и излучений могут приводить к весьма выразительным эффектам. Современная наука столкнулась с этим просто в лоб, то есть экспериментально. Оказалось, что чем меньше доза или концентрация, не всегда тем меньше эффект. То есть, вначале все так и происходит: уменьшаем концентрацию — уменьшается эффект, затем

зона молчания («дальнейшее — молчание»), но вот еще дальше, если концентрацию продолжать уменьшать, начинаются чудеса. Эффект вдруг снова появляется, по амплитуде тот же, что и при в миллион раз больших концентрациях, знак эффекта становится переменным и подчиняется каким-то сложным законам, пропорциональная зависимость заменяется арабеской. Реально таков эффект действия вещества или излучения на какую-нибудь химическую реакцию или биологический объект. Причем это справедливо для огромного числа разнородных веществ и излучений, а не каких-то особых катализаторов. Почему после этого надо отвергать экстрасенсорику, а не просто экспериментировать с ней — непонятно. Она вполне честно, как это принято в науке — экспериментальным путем — заслужила это. Основы экстрасенсорики, очищенные от всякой экзотической пестрой терминологии, как действие малых и сверхмалых доз и излучений давно пора преподавать в школах. Ведь существует один неутешительный для романтиков-экологов вывод распылив один мешок удобрения или проведя всего одну линию электропередач, мы теряем первозданность Природы. Увы, это не преувеличение, и похоже, что последними посмеялись гомеопаты.

При взгляде на ступеньки видно, что самосознание не может быть побочным продуктом самоорганизации материи (установления гомеостаза Винера) на «последней» или «предпоследней» ступеньке. Это неверно по сути. Лучше сказать — дух восходит по ступенькам материи, и фантастика не просто бледная тень науки, а художественное отражение этого пути.

В общем, оказывается, что Вселенная чудовищно информационна, то есть все неизбежности оказываются хорошо подогнанной суммой «зыблемостей», то есть существует точка зрения и такой путь, при котором материальное словно исчезает, и в этом смысле компьютер — космический корабль, и не где-нибудь в вымышленной виртуальной вселенной, а в нашей реальной. Только, конечно, надо знать алгоритм входа и выхода в информационные, а значит, и реальные нуль-пространства.

Обзор

Александр Ковалев
Дар творения
Заметки о религии в фантастике

Человек слаб. Подойдя сегодня как никогда близко к осуществлению своих самых заветных надежд, создав и организовав свой мир, может ли он, оглянувшись на свое творение, сказать: воистину, это хорошо?

Что он может сказать в отношении самого себя? Добившись

технического совершенства, приблизился ли он к осуществлению другой мечты совершенному человеку? Правдивому и справедливому, любящему ближнего своего, а не самого себя?

Ответ слишком ясен. Мы вынуждены притворяться, обманывать себя и других, будто наша жизнь имеет надежный фундамент, и стараемся не обращать внимания на преследующие нас беспокойство и тревогу. А вокруг рушатся города и государства, кризис идеологии приводит к кризису сознания.

Но человек силен. Он не желает признавать себя побежденным, не падает ниц. Он не смиряется — пытается осознать и свои проблемы, и себя. Появляются новые цели и идеалы.

Итак, парадокс: человек слаб и человек силен. Но и в силе своей, и в слабости он обращается к Богу, к своему Отцу и Создателю.

Люди снова учатся молиться, надеясь в религии обрести духовную опору среди рушащихся догм, желают спастись от невыносимых сомнений и вновь уверовать пусть в иное, но светлое Завтра. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов пусть даже движимую сильным практическим интересом природную человеческую любознательность. Драма Фауста повторяется вновь: вечное человеческое стремление ввысь и неудовлетворенность достигнутым.

Это стремление проявляется особенно сильно в развитых странах, пришедших к материальному благополучию. Чем сильнее власть массовой культуры, влияние урбанизации, тем сильнее чувствует индивидуум тяжесть этих новых оков. Религия же остается наиболее личностной из всех форм человеческой деятельности. Поэтому именно в ней дух, затерянный в лабиринтах цивилизации, вновь и вновь обретает для себя прочную основу и внутреннюю свободу.

Возврат к религии для человека — не отступление, а новый шаг на пути Познания себя и мира, в поисках доброго, разумного, спокойного будущего...

Свои душевные поиски и переживания человек всегда старался выплеснуть на бумагу или холст, чтобы потом оценить и осознать, взглянув со стороны. Когда же традиционные формы уже не в состоянии удовлетворить эту потребность, — возникают новые жанры, направления и течения, обогащающие художественную литературу.

Рассмотрим некоторые религиозные моменты, которые встречаются в научной фантастике. Хотя предварительно неплохо было бы определить, когда же родилась эта кажущаяся противоестественной в глазах как атеистов, так и верующих, связь.

Фантастика ненамного младше самой религии. Вспомним хотя бы попытку древнегреческого сатирика Лукиана в пьесе «Икароменипп» описать путешествие своего героя на Олимп. Фантастические моменты охотно использовали в своих произведениях известные антиклерикалы Сирано де Бержерак, Свифт, Вольтер. Чем же так притягательны религиозные мотивы для писателей-фантастов? Вероятно, вечен соблазн познать себя и мир и, возможно, найти пути улучшения этого мира.

А сегодня, сознавая свою слабость и видя хаос вокруг, человек хочет быть сильным, чтобы противостоять всему этому. И не просто сильным, а всесильным. Человек не может жить, существовать в одиночку. Ему нужна поддержка кого-то иного, а может и Иного. Ощувив ее, можно сравнить себя с заступником. А то и постараться уподобить себя Ему.

Три основных качества божества оказались неотвратимо

притягательны для писателей-фантастов: всезнание, всемогущество и дар творения жизни. Ощутить себя Богом — кто устоит перед таким искушением?..

И еще: через Религию, через Веру понять душу завтрашнего человека и уже его глазами, глазами «завтра» взглянуть на нас «сегодня». Взглянуть, увидеть и понять...

Итак, обращаясь к религии, исследуя ее, писатели-фантасты идут по одному из путей познания. Скажем, как мы можем получать достоверные знания о действительности, лежащей вне нас?

Станислав Лем описывал опыт ученого, который с помощью специальных устройств смог создавать полную иллюзию реальности для изолированного мозга: «Это его судьба, его мир, его бытие — все, что он может постичь и познать. Там находятся специальные ленты, с записанными на них электрическими сигналами: они соответствуют тем ста или двумстам миллиардам явлений, с которыми может столкнуться человек в наиболее богатой впечатлениями жизни. Если бы вы подняли крышку барабана, то увидели бы только блестящие ленты, покрытые белыми зигзагами, словно потеками плесени на целлулоиде, но это — знойные ночи юга и рокот волн, это тела зверей и грохот пальбы, это похороны и пьянки, вкус яблок и груш, снежные метели, вечера, проведенные в семейном кругу у пылающего камина, и крики на палубе тонущего корабля, и горные вершины, и кладбища, и бредовые галлюцинации — там весь мир».

Этот пример показывает первое и самое простое средство познания мира — личные ощущения. Но как видим, ощущения нередко иллюзорны и субъективны.

Существует ряд вещей, которые мы никогда не видим и тем не менее имеем о них определенные представления. Например, невидимые человеческому глазу элементарные частицы или удаленные на сотни световых лет звезды. Понять и осознать эти предметы нам позволяют математические и логические абстракции.

Третьей составляющей познания становится Вера, представляющая собой такое внутреннее состояние человека, при котором он убежден в достоверности существующего без посредства органов чувств или логического хода мысли — путем необъяснимой уверенности.

Только в органическом сочетании непосредственного опыта, отвлеченного мышления и веры рождается высший, интегральный тип познания. Теологи склонны считать, что именно здесь господствует Большой Разум, который включает в себя все силы малых разумов, как целое — части. Именно это позволяет ему простираť свой взгляд от видимых явлений природы до предельных граней бытия.

Литература является также одним из средств познания действительности. Понятно, что литература нефантастическая есть отражение настоящего. Грядущее же — призма, через которую писателями рассматривается современность. А задача становится совершенно в традициях «большой» философской прозы. Переворот представлений о мире и о месте человека в нем, пролом сквозь частокол стереотипов и догм, парадоксальный взгляд на вещи, метод доказательства «от противного», мысленный эксперимент... И все это только с одной целью — внести свой вклад в Познание.

«Трудно быть Богом», — сказал однажды Художник. И все согласились: да, действительно нелегко... Но как притягательно ощутить

себя Творцом. И, подобно тому, как пытливый ум ученого старается определить: «А что было, когда ничего не было?», фантазии писателя пытаются пробиться в тот момент, который предшествовал словам «Сотворил Бог небо и землю».

Так и появляются все новые и новые варианты «Божественной комедии». Ведь если исходить из того, что человек — создание Божье, то для познания самого себя необходимо первоначально понять мысль создателя. И потом — через Высшую *мысль* понять нас, земных. Французский философ Г. Марсель говорил, что подняться к Богу — это значит войти в самих себя, более того, в глубину самих себя, и себя же самих превзойти.

Одним из первых, попытавшихся заглянуть в наше время за первую строчку Библии, был англичанин Эрик Фрэнк Рассел. В 1947 году, опубликовав свой рассказ «Хобби», он разом попытался на свой манер решить проблему, мучившую веками теологов и атеистов: и зачем Господь создал сей мир? Ответ дан в названии рассказа.

Несколько лет спустя писатель вновь возвращается к этой теме в лаконичном и не требующем особых комментариев рассказе «Единственное решение».

Здесь нет динамики действия — динамика мысли, движение ищущего разума. Он в пустоте и темноте. Одиночество. «Навечное заточение в тьму, молчание и безучастность. Кара. Тюрьма без приговора. Наказание без преступления». И единственный выход, единственное решение — в себе, внутри, «он сам должен стать инструментом своего спасения».

Автор пытается представить ход Мысли.

«Всякая задача имеет решение. Этим постулатом живет наука. Он был настоящим ученым и поэтому не мог не принять вызова своим способностям... Решение нашлось случайно и сулило спасение от вечной ночи, оно обещало друзей, приключения, веселье, тепло, любовь, звуки голоса, прикосновение рук».

Здесь Рассел высказывает мысль, столь притягательную для писателей-фантастов, ощущающих себя творцами миров.

«Адская работа. Нужно продумать миллион аспектов и проанализировать влияние друг на друга всех побочных эффектов.

Он может создать обширнейшую грезу, мечтание неизмеримой сложности, конкретное и воплотимое до последней точки и запятой. И там он снова будет жить. Но не как прежняя личность — он собирался рассеяться на бесчисленные части, на великое множество форм и проявлений, каждое из которых будет бороться со своей конкретной средой. И он обострит и ожесточит борьбу до предела, наделяя свои формы невежеством, но давая всему учиться заново. Он посеет вражду между ними и утвердит правила игры. Тех, кто соблюдает правила, назовут хорошими. Остальных — плохими. И будут бесконечные конфликты внутри одного большого.

Наступила пора перестать быть личностью как целым, а разделиться и воплотиться в бесчисленные частицы бытия. Тогда эти частицы смогут стремиться к единению и целостности...»

Возможно, именно в результате такого эксперимента и появились мы. По крайней мере очень вероятная картина. А может, этот фантазер-экспериментатор и был первым фантастом. Очень удачливым и весьма популярным. Ведь нельзя же забыть имя того, кто в свое время решил:

«Время настало. Эксперимент должен начаться.
Наклонившись вперед, он устремил взгляд во тьму и произнес:
— Да будет свет.
И стал свет».

Вот такой вариант. Вот такое Начало. А последствиями займутся философы и теологи.

Традиционна в фантастике тема искусственного разума и интеллекта. Наряду с «живым» Создателем появляются на страницах фантастических изданий и его механические аналоги. Фредерик Браун в ироническом рассказе «Ответ» представляет себе высшее как Единый Общий Кибернетический Разум. Это рассказ-шутка, но в каждой шутке, как известно...

«...Переключатель соединял все вычислительные машины всех обитаемых планет — девяносто шесть миллионов миров — в сверхсеть, которая объединяет их в суперкомпьютер, единую кибернетическую машину, собравшую мудрость всех галактик...»

И вот машине задан первый вопрос, «вопрос, на который не могла ответить ни одна кибернетическая машина»:

— Есть ли Бог?

Могущественный голос раздался сразу...

— Да. ТЕПЕРЬ Бог есть».

А вот еще один кандидат на роль Всевышнего из классического рассказа Айзека Азимова «Последний вопрос» — суперкомпьютер в далеком будущем поглощен решением только одного вопроса: как избежать тепловой смерти Вселенной. И подумав, находит ответ, как принято, «единственный» ответ: «Да будет свет».

Энтони Бучер в рассказе «Поиски святого Аквина» устами своего героя предлагает по-другому оценить проблему искусственного божества.

...В эпоху Технархии церковь загнана в подполье. Чтобы привлечь к себе заблудшие души и направить их по пути истинному, нужны доказательства силы религии, а следовательно — знамения и чудеса. И на поиск таких доказательств — в частности, нетленного тела святого Аквина — отправляется инок будущего Фома. Горьким кажется итог его долгих и небезопасных скитаний: найдя нетленное тело святого, «он не увидел ни крови, ни бальзамирующей жидкости, ни посиневших мышц — лишь разорванную тонкую кожу, а под ней сложнейшее переплетение пластиковых трубочек и проволочек». Святой оказался творением человеческих рук — роботом. Что же делать? Крах иллюзий? Крах Веры? Или наоборот — триумф? «Этот совершенный логичный мозг знал, что он создан человеком, а его логические построения привели к вере в то, что человек создан Богом. И он осознал свой долг перед Творцом, человеком, и перед Творцом человека, Богом. Этот долг — обращать людей в веру к вящей славе Господней. И он обращал чистой силой своего совершенного разума... Слишком долго мы полагались на веру и только, но время одной веры прошло. Мы должны призвать на помощь логику, разум, и Аквин показал нам, что совершенный разум может привести только к Богу».

И вот робот-божество становится просто посредником между человеком и Богом, всего лишь помощником, промежуточным звеном в цепи Общения.

Хотя, если задуматься — а нужны ли вообще человеку, человеческой душе посредники для Общения? Не вторжение ли это в Откровение? Ведь в сущности весь институт, вся система религии появились как результат ослабления непосредственной связи человека с Богом.

Есть ли хотя бы один писатель-фантаст, кто не пытался бы отправить своих героев за пределы земного притяжения? Космос... Его манящие просторы были открыты ими намного раньше ученых и конструкторов. Он любим, возможно, потому, что дает Надежду. Дает шанс тому, что маловероятно на нашей маленькой и уже достаточно изученной планете. Шанс на Чудо. На встречу с Неизвестностью.

Безграничность Космоса позволяет сделать таким же безграничным поле для возможного эксперимента, для бесчисленных вариантов и ситуаций.

Рэй Брэдбери предлагает своим героям встретиться с новым Христом (рассказ «Человек»). Но чтобы увидеть Его, чтобы осознать значимость встречи, необходимо отбросить земную расчетливость и практицизм. Увы, это под силу далеко не всем, а лишь тем, кто способен, как говорил древнегреческий философ Плотин, увидеть Бога «не разумом, а чем-то высшим, чем разум». Но человек способен заблудиться в вере и безверии не только среди звезд и туманностей. И не стоит полагать, что наша старушка Земля изучена досконально и не может таить в себе никаких загадок.

Обязательно ли присутствие божества в произведении, чтобы отнести книгу к религиозной тематике? Развивая мысль о трех методах Познания, постараемся проанализировать известный роман Кристофера Приста «Опрокинутый мир», герой которого первоначально пытается понять и познать окружающее с помощью только личных ощущений и логических рассуждений.

Но разве лишь наличие образа Всевышнего или других представителей Высшего разума является обязательным условием причисления произведения к той категории фантастики, которую мы рассматриваем? Кстати, употребление слова «Бог» проблематично даже со строго монотеистической точки зрения. Ибо Бог подобен горизонту, ставящему определенный предел человеческому знанию.

Религия же как таковая — это связь человека с самим источником Бытия, связь, которая наполняет жизнь смыслом, вдохновляет на служение, пронизывает светом все существование, определяет его нравственный облик. И разве тут дело только в вере — в доброго ли седобородого старца с иконы, в шестирукого ли загорелого гиганта Бхагу с кабанными бивнями, в мудрых ли и гуманных пришельцев из далекого Космоса, или просто в себя, в реалии окружающего мира?.. Если у человека отсутствует более или менее истинное представление об окружающей его действительности и собственном его месте в ней, то им будет создана иллюзорная картина, за которую он будет настойчиво держаться. И долг, труден будет путь переосмысления.

Подобный душевный кризис и пришлось пережить Гельварду Манну — герою романа Приста. Гельвард — разведчик будущего, понимаемого не только как наступающее время, но и как территория, лежащая впереди вечно движущегося Города. Это Город Земля, созданный безумней идеей ученого-фанатика Дистейна, город-крепость, изолированный от всего человечества, жители которого полагают, что волею судьбы в результате

грандиозного катаклизма они закинуты на другую планету, окружены враждебным, опрокинутым миром с «четырехугольным, источающим острые пики солнцем». Спасение Города — в вечном движении к «оптимуму», который вечно ускользает, но в котором не действуют законы «опрокинутости», где можно получать электроэнергию, столь необходимую для жизни и движения, где, наконец, мир привычен в своих формах. Чтобы выжить, необходима также жесткая дисциплина, которая поддерживается благодаря строгому делению на касты-Гильдии и при помощи ограничений на «ненужную» информацию, которая может смутить умы.

Гельвард — обыкновенный человек. Естественно, его знания о мире складываются и из той информации, которую он получил при социализации в «яслях», и из всех его личных наблюдений. Он верит своему опыту, своим глазам, которые подтверждают определенные доктрины и определенные общественные установки. И это по-человечески естественно.

Но беда заключается в том, что искажено само сознание Гельварда, его и всех жителей Города. Согласно сюжету романа, искажение наступило в результате побочного эффекта вечно действующего энергетического генератора. Но не все ли равно, под действием чего человек не воспринимает подлинных реалий окружающего мира. Будь то мутации из-за энергетических полей или изменения под воздействием определенных убеждений, искренних или навязанных.

Город занят только выживанием. Процесс познания отсутствует, старые догмы не подвергаются сомнению. В романе прямо не говорится о религии горожан, однако можно предполагать, что вся их жизнь и существование основаны на глубоком религиозном учении. Только веруют они не в Бога, не во Всевышнего, а в движение Города, которому подчинена их жизнь. И вера эта авторитарна. Нельзя говорить о знании, не то что о глобальном познании, основываясь только на опыте предков. Большая часть «учений», формирующих сознание горожан, мягко говоря, спорна. Прежде всего они направлены на сохранение власти Совета Навигаторов — высшего органа управления Города. Казалось бы, власть нужна для благих целей: поддержания порядка, чтобы выжить и дожидаться помощи. Но ведь цель всегда можно переменить. И «движение», возможно, лишь литературный прием.

И только Провидение — случайная встреча с Элизабет, реальной земной девушкой, из нормального мира — помогает герою и остальным персонажам разобраться в истинном положении вещей: они по-прежнему на Земле. А ведь Город уже стоял на берегу Океана, принимая его за очередную реку, и готовился навести через него переправу... Приходится вновь убедить себя, что солнце — шар и что при удалении от города, теперь просто города, не произойдет никаких физических изменений с телами. В это нужно поверить, и тогда вновь станет возможным процесс познания.

А теперь расскажем еще об одном герое «Опрокинутого мира».

Его нет в списке персонажей, он объективно неодушевлен и нереален, точнее, нематериален, но именно благодаря ему роман обретает связь с жизнью реальной, сегодняшней, благодаря ему и все остальные действующие лица выглядят живыми, одушевленными. Этот герой, которого Прист не называет по имени, — Вера, обыкновенная человеческая вера.

В религиозном, политическом и личном смысле понятие веры может иметь совершенно различные значения, в зависимости от того, используется она по принципу обладания или по принципу бытия.

В первом случае — это знание некоего ответа, не нуждающееся ни в каких рациональных доказательствах. Оно состоит из созданных другими людьми формулировок, которые человек приемлет в силу подчинения этим «другим», становясь одним из счастливых владельцев «истинной веры». Таким был Гельвард в начале произведения — он знал то, что должен был знать, чему его научили, как и всех, и верил в то, во что верили все.

Когда Гельвард волею обстоятельств пересматривает свои взгляды, ему предстоит сложный шаг — перейти к вере по принципу бытия, где более важны не верования в определенные идеи, а внутренняя ориентация, установка человека. Только на этом пути можно достичь истинных Знаний.

Обсуждая религиозное направление в научной фантастике, нельзя не затронуть тему Конца Света, одну из «вечных тем» как в религии, так и в рассматриваемой нами литературе. Особенно с недавних пор, когда мир в один миг мог оказаться куда ближе к Армагеддону, чем это внушалось столетиями. Настроения Страшного Суда, то затихая, то возобновляясь с новой силой, уже не покидали умы с августа 1945-го. А что будет в самый канун нового тысячелетия? Ясно, что когда на повестке дня «реализация Апокалипсиса», древние религиозные сюжеты приобретают некий новый сокровенный смысл в глазах толпы.

Эту тему поднимает американский писатель и редактор Дэймон Найт в своем рассказе «Восславит ли прах тебя?». Горький и страшный рассказ — обращение к Создателю — написан в 60-е годы, когда две великие державы поставили себя и весь мир на порог военной катастрофы.

«И настал День Гнева... куда ни глянь — лишь безжизненная пустыня, а на месте океанов — зияющие полости, такие же сухие и пустынные, как и все вокруг...

— Нечестивость их переполнила чашу моего терпения, — произнес Иегова. — Пусть камни заговорят!

Тогда обнажилась пещера, находящаяся глубже других. В молчании встали Господь Бог с ангелами у краев ее и, нагнувшись, попытались рассмотреть блестящие внизу гигантские буквы. Их кто-то высек в стенах пещеры еще до того, как находившиеся в ней машины расплавились и металл залил углубления в камне. Сейчас они ослепительно сверкали серебром во тьме.

И прочел Господь Бог слова:

«МЫ БЫЛИ ЗДЕСЬ. ГДЕ ЖЕ БЫЛ ТЫ»

Этот вопрос набатом звучит при виде всех чудовищных злодеяний XX века.

Затрагивая тему конца света, вкратце укажем, как она используется в других направлениях фантастики («фэнтэзи» и «вуду»). Повсюду растет мода на оккультное, мистическое, принимающее порой уродливые патологические формы. Увеличивается количество сект, где всерьез поклоняются дьяволу, устраивают «черные мессы», даже совершают

человеческие жертвоприношения. Та часть фэнтези, которая ориентируется на сюжеты, связанные с черной магией, вампиризмом, некрофилией, основывается на болезненном интересе обывателя к ужасному и иррациональному. От пугающей реальности сознание стремится уйти в мир еще более пугающего (но не опасного на деле) вымысла. Яркий пример — сериал «Знамение» («Знамение» Дэвида Зельцера, «Дэмьен» Джозефа Ховарта, «Последняя схватка» Гордона Макгила), также хорошо известный в кругах любителей видео, как «Оумен», и «Изгоняющий дьявола» Уильяма Питера Блетти.

Тема Страшного Суда никому не дает покоя. В американских, английских, итальянских журналах, в респектабельных западно-германских еженедельниках ломают копья провозвестники конца света. По всем правилам «науки» называют «точные» даты (1992 или 1999 годы). В ход идут ссылки то на легендарного Мерлина, к сожалению, не оставившего письменных источников, то на жившего в XII веке монаха Иоакино де Фиори, не говоря уже о всем известном Нострадамусе. Создается впечатление, что с приближением нового века печатью овладевает буйная прогностическая лихорадка. Всевозможные футурологические исследования, аналитические выкладки с замахом на самую широкую аппроксимацию, утопические и антиутопические романы — весь этот и без того полноводный поток переживает нечто вроде весеннего паводка. Поветрие, о котором идет речь, называется «хилиазмом», от греческого «тысяча», однако, придерживаясь традиционной для медиков латыни, страх перед наступлением нового тысячелетия предпочтительнее назвать синдромом миллениаризма. Это очень старая и хорошо изученная болезнь, хотя симптомы ее не отличаются постоянством.

Да, конечно, человек слаб. Но он и силен. Силен своим разумом частью большого РАЗУМА, о котором мы здесь говорили.

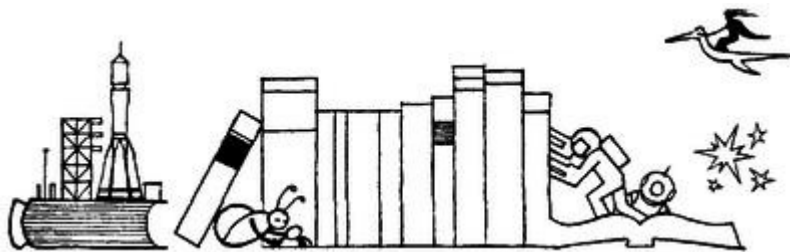
Мы считаем, что взгляд на религиозную фантастику как нечто несерьезное, выдержанное в ироническом тоне, нечто «атеистическое», а также представление о писателях, работающих в этом направлении, как о тех, кто относится к религии, вере и церкви без должного почтения, неверны.

Хочется привести в данном контексте высказывание известного фантаста Филипа Жозе Фармера: «Религия нужна. Хотя бы как сознательное выражение некоего подспудного импульса к выживанию вида Хомо Сапиенс. Наш разум, зная, что в нашем мире личности не суждено жить вечно, строит рациональный образ будущего, или мир иного измерения, словом, иной мир, в котором бессмертие возможно. Просто религия — это самая ранняя научная фантастика».

Природа сознания, его свойства не могут быть описаны логически. Чтобы понять его, как и все, относящееся к сфере психики необходимо непосредственное переживание. Как говорится, легче слепому объяснить понятие «красный цвет», чем в рациональных терминах передать суть самосознания. «Существование Бога, — отмечает У. Джеймс, английский ученый и философ — является ручательством того, что есть высший гармонический порядок, который останется нерушимым вовеки. Мир погибнет, как уверяет наука, — сгорит или замерзнет, но если он является составной частью высшей гармонии, то замысел этого мира не погибнет и даст, наверное, плоды в ином мире, где есть Бог, там трагедия только временна и частична, а крушение и гибель не могут быть

действительным концом всего существующего». Сегодня как никогда, актуально звучат слова Апостола Павла, сказанные две тысячи лет назад: «Нас почитали умершими, но вот — мы живы».

Библиография

Татьяна Добрусина

**Англоязычные фантасты в русских переводах. 1993 г.
Продолжение. Начало см. в № 1**

Во вторую (Д — М) часть включены сведения на 15 мая 1994 года

94. Детская библиотека «Мегаполис-экспресс»: В 6 т. Т 3: Романы. — М.: Товарищество «Изд. дом», 1993. - 463 с. 400 000 экз.

Содерж.: Берроуз Э. Р. Тарзан — приемный обезьяны; Возвращение в джунгли; Тарзан и его звери.

95. Дик (Dick) Ф. Наркотик времени: Роман /Пер. Л. Матвеев. — Обнинск: Титул, 1993. - 288 с. — (Фавориты. Фантастика) 50 000 экз.

96. Дик Ф. К. Свихнувшееся время /Пер. М. Тутов, В. Баканов; Сост. В. Баканов. — М.: Культура; А/О «Титул», 1993. - 477 с. 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Свихнувшееся время; Убик; Рассказы: Военная игра; Из глубин памяти; Вкус уаба; Фостер, ты мертв!

97. Дик Ф. К. Убик: Романы — М.: Центполиграф, 1993. - 493 с. — (Осирис; Вып. 2). 50 000 экз.

Содерж.: Игроки с Титана; Три стигмата Палмера Элдрича; Убик.

98. Диксон (Dickson) Г. Р. Иной путь; Ван Вогт А. Е. Мир Нуль-А; Романы /Пер. М. Гишинский; Сост. Л. Рейфман, М. Гишинский. — СПб. — Союзтеатр; Час, 1993. - 254 с. 100 000 экз.

99. Диш (Disch) Т. М. Геноцид: Романы, рассказы /Пер. Н. Жижиной, М. Пчелинцев, С. Логинов; Сост. А. Чертков. — СПб.: Terra Fantastica компании «Корвус», 1993. - 384 с. — (Б-ка фантастики «Оверсан»). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Геноцид; Эхо плоти твоей; Рассказы: Двойной отсчет; Сто две водородные бомбы; Касабланка; Рабы; В кн. также: Информариум и библиография (с. 5-8); Ч. Плэтт. Интервью с Томасом М. Дишем (с. 373-382).

100. Дойль (Doyle) А. К. Собрание сочинений: В 8 т. Т 8 /Авт. послесл. А. Абрамов. — Тула: НПО «Тулабытсервис», — 1993. - 460 с. 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Открытие Рафлза Хоу; Затерянный мир; Отравленный пояс; Маракотова бездна; Рассказ. Любящее сердце.

101. Дойль А. К. Затерянный мир. Роман /Пер. Н. Волжина. — Казань. Татарское кн. изд-во, 1993. - 189 с. 50 000 экз.

102. Дойль А. К. Затерянный мир; Маракотова бездна; Ужас расщелины Голубого Джона /Авт. предисл., сост. М. Лиознов. — М.: ПКФ «Лакар», 1993. - 255 с. — (Б-ка суперприключений для детей и юношества). 100 000 экз.

103. Дойль А. К. Затерянный мир. Повесть /Пер. Н. Волжина. — М. Московский рабочий, 1993. - 219 с. 50 000 экз.

104. Дойль А. К. Маракотова бездна. Романы, повести /Пер. Н. Волжина, Н. Вольпин, Е. Толкачев — Новосибирск. Дет. лит, Сиб. отд-ние, 1993. - 383 с. — (Б-ка приключений и фантастики). 100 000 экз

Содерж.: Затерянный мир; Отравленный пояс; Когда земля вскрикнула; Маракотова бездна.

105. Дойль А. К. Открытие Рафлза Хоу; Затерянный мир; Отравленный пояс; Маракотова бездна /Пер. Н. Дехтарева и др. — Красноярск. РИМП «Вита»; М. — ТОО «Талисман», 1993. — 476 с. 75 000 экз.

106. Дойль А. К. Открытие Рафлза Хоу; Затерянный мир; Отравленный пояс; Маракотова бездна. М. Диамант. ПКФ «Печатное дело», 1993. - 560 с. — (Б-ка приключений продолжается.) 26 000 экз.

107. Дональдсон (Donaldson) С. Презрение лорда- Роман-фэнтэзи. — СПб. АП «Васильевский остров», 1993. - 544 с. 50 000 экз.

108. Дэвидсон (Davidson) Э. Феникс и зеркало. Роман, новеллы /Авт. предисл. 1. З. Дэвидсон; 2. Р. Брэдбери. — СПб. — Северо-Запад, 1993. - 479 с. 200 000 экз.

Содерж.: Романы: Феникс и зеркало; Странные люди моря; Новеллы. Сейневерелл; Возьмем «к примеру» деревянных индейцев; Чан; Связанные хвостом к хвосту короли; Верховный Ульдж; Флакон с кисметом; Арахисы; Доктор Моррис Голдпеппер возвращается; Удостоверение; Людоед-великан в долине; Apres nous; Кульминация, йо-хо, и вверх; Станция «Шестьдесят Третья Улица»; Дом, который построил Блейкни; Сила всякого корешка; Истоки Нила.

109. Дэлани Дилэни (Delany) С. Р. Вавилон-17- Романы. — М.: Центрполиграф, 1993. - 605 с. — (Осирис; Вып. 10). 60 000 экз.

Содерж.: Трилогия: Вавилон-17; Нова; Падение башен.

110. Желязны Зилазны (Zelazny) Р. Бог Света- Романы, повесть. — М. — Центрполиграф, 1993. - 592 с. — (Осирис; Вып. 27). 60 000 экз.

Содерж. — Романы: Бог Света; Джек-из-Тени; Теперь мы выбираем лица; Умереть в Италбаре; Повесть- Врата его пасти, зубов его блеск.

111. Желязны Р. Кровавый сад- Сборник. — М. — Аким; МП «Книжная лавка», 1993. - 600 с. — (Миры фантастики; Т. 8). 100 000 экз.

Содерж. — Романы- Повелитель снов; Джек из Тени; Повести-Роза для Экклезиаста; Эта смертная гора; Я живу ради мига; Рассказы- Произведение необыкновенной красоты; Двери его лица, фонари его губ; Любовь — только воображение; Человек, который любил Фейоли; Не приходи ко мне зимою снежной; Божественное безумие; Приходи теперь, Сила; Музейный экспонат; Дьявольский автомобиль; Auto da fe; Страсти Господни; Коррида; Всадник!; Путешествие в Дельфар; Песня Телинды; Колокола Шоредана; Рыцарь для Мериты; Кровавый сад.

112. Желязны Р. Остров мертвых- Повести. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1993. - 375 с. — (Иные миры). 100 000 экз.

Содерж.: Джек-из-Тени; Этот бессмертный; Остров Мертвых.

113. Желязны Р. Остров мертвых- Романы /Пер. И. Кубесский, В. Симонов, Ю. Шор; Авт. предисл. Ю. Шор. — СПб.: Северо-Запад, 1993. -

544 с. 200 000 экз.

Содерж.: Творец снов; Этот бессмертный; Остров мертвых.

114. Желязны Р. Принц Хаоса: Роман /Пер. Я. Юа. — СПб.- Terra Fantastica компании «Корвус», 1993. - 320 с. — (Золотая цепь). 100 000 экз.

115. Желязны Р. Т. 1: Создания света — создания тьмы- Роман, повести, рассказы /Пер. М. Денисов, С. Барышева, Е. Гаркави и др.; Сост. О. Пуля. — СПб. — Аргус, 1993. - 384 с. — (Хронос; Кн. 1) 200 000 экз.

Содерж. — Роман: Создания света — создания тьмы; Повести и рассказы- Роза для Экклезиаста: Фурии; Роза для Экклезиаста; Автомобильный дьявол; Музейный экспонат; Коррида; Великие неторопливые короли; Ангел, черный ангел; Люцифер; Чудовище и дева; Страсть коллекционера; Божественное безумие; Любовь — мнимая величина; Аутодафе; Человек, который любил Файоли.

116. Желязны Р. Этот бессмертный: Романы, рассказы. — М.: Центрполиграф, 1993. - 539 с. — (Осирис; Вып. 20). 60 000 экз.

Содерж.: Романы: Этот бессмертный; Остров мертвых; Создания света, Создания тьмы; Мастер снов; Рассказы: Этот момент бури; Когда расцветают бомбы.

117. Желязны Р. Одержимый волшебством; Желязны Р. Сейберхэген Ф.:Черный трон: Романы. — М. — ВАКО, 1993. - 384 с. — (Шедевры фантастики). 20 000 экз.

118. Желязны Р., Шекли Р. Принеси мне голову прекрасного принца. Роман /Пер. А. Андреев. — М.: Мир, 1993. - 379 с. (Зарубеж. фантаст.). 85 000 экз.

119. Жемчужины зарубежной фантастики: Повести /Сост. В. Реликтов. — СПб.: Лениздат, 1993. - 351 с. 100 000 экз.

Содерж.: Ф. Лейбер. Прогулка; Дж. Вэнс. Последний замок; Б. Олди Слюнное дерево; Р. Желязны. Кладбище слонов; С. Дилени. Время, как спираль из полудрагоценных камней; Ф. Фармер. Пассажиры с пурпурной карточкой; Т. Диш. Азиатский берег.

120. Звездные войны. Т. 2. — М.: Калита; Алфавит, 1993. — 400 с. 100 000 экз.

Содерж.: Дж. Лукас. Возвращение Джедай; В. Маккинтир. Звездный путь: Гнев Кана.

121. Звездный путь: Сборник /Пер. М. Алексеев, И. Русакова, А. Прокофьева; Сост. А. Сазонов. — СПб.: МСТ, 1993. — 576 с. — (Звездный путь). 150 000 экз.

Содерж.: Романы: Дж. Блиш. Звездный путь; А. Б. Чандлер. В Альтернативную вселенную; Х. Б. Пайпер. Четырехдневная планета; Г. Р. Диксон. Прирожденный полководец; Рассказ: Г. Р. Диксон. Воин.

122. Звездный старатель: Сборник /Пер. «А. Донец, А. Петров; Сост. А. Полуда. — СПб. Фирма „Мир и семья“ 1993.- 480 с.-(SFhhs). 50 000 экз.

Содерж.: М. Лейнстер. Звездный старатель; Р. А. Хайнлайн. Дети Мафусаила; К. Капп. Знаки Хаоса

123. Искатель. 5: Приложение к журн. „Вокруг света“ /Пер. В. Вебер, Г. Дмитриев. — М.: Тип. АО <Молодая гвардия», 1993. - 160 с. 250 000 экз.

Содерж.: Р. Сильверберг. Ворнан 19; К. Х. Баркер. Туз несчастья.

124. Калейдоскоп. Альманах N 2. — Самара- СамВен, 1993. — 47 с. 30 000 экз.

Содерж.: Роман: Э. Нортон. Да здравствует лорд Кор!

125. Камп (Сашр) Спрэг де Камп Спрэг Л. де. Башня Гоблинов. Из тетралогии «Король поневоле» /Пер. Е. Кацнельсон, С. Мурзина. — СПб. Северо-Запад, 1993. - 478 с. 300 000 экз.

Содерж.: Башня Гоблинов; Часы Ираза.

126. Камп, Спрэг Л. де. Рука Зеи: Роман /Пер. А. Лисочкин. €316.: Северо-Запад, 1993. - 384 с. 50 000 экз.

127. Картер (Carter) Л. Пираты Каллисто /Пер. Д. Арсеньев; Сост. Э. Степанов. — М. АРМАДА, 1993. - 498 с. — (Фантаст, боевик). 75 000 экз.

Содерж.: Джандар с Каллисто; Черный Легион Каллисто; Небесные пираты Каллисто.

128. Картер Л. Черные легионы Каллисто: Романы. — Омск: МИП «Литер», 1993. - 328 с. 50 000 экз.

Содерж.: Джандар с Каллисто; Черные легионы Каллисто.

129. Каттнер (Kuttner) Г. Долина Пламени: Романы, рассказы /Сост. М. Новикас. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 704 с. — (Науч. фантастика). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Долина Пламени; За Зелеными Вратами; Мутант; Рассказы: Исполнение желаний; Порочный круг; Сим удостоверяется; До скорого; Холодная война; «Все тени бороды...»; Зовите его демоном; Крестный путь сквозь века.

130. Каттнер Г. Источник миров: Сборник /Пер. В. Мазур, А. Иванов, С. Греков и др.; Сост. И. Павловский. — М.: ПП «Полиграфия», 1993. - 655 с. — (Миры фантастики; Т. 7). 50 000 экз.

Содерж.: В глубь времен; Ярость; Твои; Сапфировая богиня; Источник миров; Маска Цирцеи; Г. Каттнер, Г. Фокс. Мир внутри драгоценной спирали.

131. Каттнер Г. Маска Цирцеи: Повести, рассказы /Пер. Н. Гузников, А. Ермошин. — Н. Новгород: НПП «Параллель», 1993. — 510 с. — (Миры фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Повести- Планета — шахматная доска; Элак из Атлантиды; Маска Цирцеи; Рассказы: Сквозь века; Да будет проклят этот город; Цитадель тьмы; Сквозь века; Пегас; Кладбищенские крысы; По твоему хотению; Ореол; Порог.

132. Каттнер Г. Этот мир — мой!: Повесть, рассказы /Пер. Н. Гузников. — Н. Новгород: Параллель, 1993. - 512 с. — (Гелиос. Мир фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Рассказы: Этот мир — мой!: Этот мир — мой!; Идеальный тайник; Нарцисс; Ex machina; Гэллегер Бис; Маскарад: Алмазная свинка; Маскарад; Самая большая любовь; Привет от автора; Что вам нужно; Когда рубится сук; Голос омара; Повесть: Долина пламени.

133. Кларк (Clarke) А. Ч. Город и звезды: Роман /Пер. И. Бессмертный. — М.: Радуга, 1993. - 270 с. — (Мастера соврем, фантастики). 50 000 экз.

134. Кларк А. Ч. Пески Марса: Романы /Пер. Е. Кубичев, Н. Трауберг, Л. Жданов; Сост. А. Балабуха. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 608 с. — (Науч. фантастика). 100 000 экз.

Содерж.: Город и звезды; Пески Марса; Большая глубина.

135. Клемент (Clement) Х. Огненный цикл /Пер. С. Бережков, В. Голант, С. Победин; Сост. В. Кирчев. — СПб. — Северо-Запад, 1993. - 480 с. — (Науч. фантастика). 50 000 экз.

Содерж.: Экспедиция «Тяготение»; У критической точки; Огненный цикл.

136. Кокон: Романы, повести /Пер. В. Маркин и др.; Авт. послесл. В. Кан; Сост. Б. Крылов. — СПб.: Васильевский остров, 1993. -495 с. 75 000 экз.

Содерж. — П. Андерсон. Последние из могижан; Люди неба; Достойные соперники; Эпилог; Кокон; П. Андерсон, Г. Р. Диксон. Шериф каньона Галч; Г. Р. Диксон. «Волчонок»; Черный Чарли; Луна, любовь, тишина, тихое пение...; Рождественский подарок; Салманасар; Пожалуй, это несправедливо; Люби меня, люби.

137. Конан бросает вызов: Сборник. — СПб.: Северо-Запад, 1993. -479 с. — (Fantasy). 100 000 экз.

Содерж.: Б. Ниберг, Л. Спрэг де Камп. Мститель; Р. Говард, С. Перри. Конан бросает вызов; Л. Картер, Л. Спрэг де Камп. Черные слезы; Ночные тени Замбулы. В кн. также: Л. Спрэг де Камп. Статья о Говарде; Р. Говард. Хайборийская эра: Ч. 2.

138. Конан-варвар: Сборник /Сост. А. Саяпин. — Таллинн: «Б-ка „Лооминг“, 1993. - 416 с. — (Б-ка зарубеж. криминал, и приключ. романа. Зарубеж. остросюжет. мистика; 10). 100 000 экз.

Содерж.: Р. Гбвард, Л. Спрэг де Камп. Конан-корсар; По ту сторону черной реки; Драгоценности Траникоса; Волки по ту сторону границы; Алая цитадель; Феникс на мече; Р. Мид. Поход изгоев.

139. Конан и боги тьмы: Сборник. — СПб.: Северо-Запад, 1993. -480 с. — (Fantasy). 100 000 экз.

Содерж.: Л. Картер, Л. Спрэг де Камп. Корона кобры; Р. Говард, Р. Джордан. Ловушка для демона; Р. Говард, Л. Спрэг де Камп. Боги тьмы.

140. Конан и Меч Колдуна: Сборник. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 479 с. — (Fantasy). 300 000 экз.

Содерж.: Брайан Д. Золото гномов; Р. Говард, Э. Оффут. Меч Склоса; Л. Картер, Л. Спрэг де Камп. Ветры Аквилонии; Гиперборейская колдунья; Черный сфинкс Нептху; Алая луна Зимбабве; Тени Каменного Черепа.

141. Конан и Песня снегов: Романы, повести /Пер. Е. Хаецкая, А. Циммерман, А. Чех. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 491 с. — (Fantasy). 100 000 экз.

Содерж.: Д. Брайан. Песня Снегов; Диадема Богини; Р. Говард, Л. Спрэг де Камп. Кинжалы Джезма; Р. Говард, Р. Грин. Волшебные камни Курага.

142. Королева ведьм Лохленна Сборник. — М.: Т-во «Клышников, Комаров и Ко», 1993. - 542 с. 100 000 экз.

Содерж.: С. Дилени. Вавилон-17; Г. Г. Смит. Королева ведьм Лохленна; А. Лавси. Полуангелы; А. Нортон. Предтечи.

143. Крайтон (Crichton) М. Парк юрского периода: Роман /Пер. Е. Нерсисянц, Т. Шишов. — М.: ВАГРИУС, 1993. - 446 с. 100 000 экз.

144. Крылатая смерть: Готич. фантастика /Пер. А. Братский и др. — Н. Новгород: ДЕКОМ; М.: ИМА-принт, 1993. - 340 с. — (Галерея мистики). 150 000 экз.

Содерж.: Д. Вандри. Гигантская плазма; Х. Хилд. Крылатая смерть; А. Блэквуд. Вендиго; С. Бишоп. Курган; Х. В. Лавкрафт, О. Дерлет. Таящийся у порога.

145. Курц (Kurz) К. Дерини: Трилогия /Пер. В. и М. Шубинские. — СПб. Северо-Запад, 1993. - 704 с. 200 000 экз.

Содерж.: Возрождение Дерини; Шахматы Дерини; Властитель

Дерини.

146. Курц К. Кровь Дерини- 2. — СПб. Роспринт, 1993. - 382 с. — (Всемир. б-ка бестселлера. Фантастика). 50 000 экз.

Содерж.: Возвышение Дерини; Шахматная партия Дерини.

147. Лавкрафт (Lovecraft) Г. Ф. Локон медузы. — Тольятти: ПКМФ Лада-Маком; Екатеринбург: Ладъ, 1993. - 100 000 экз.

Содерж.: Тайна среднего пролета; Последний опыт; Сияние извне; Кошмар в Ред-Хоуке; Тень в мансарде; Единственный наследник; Ужас в музее; Вне времен; Шепоты во мраке; Локон Медузы; Ужас в Данвиче; Семейный склеп; Курган; Зеленый луг; Зверь в пещере.

148. Лавкрафт Г. Ф. (Дерлет А. У. В склепе: Рассказы. /Пер. Э. Серова, П. Лебедев, Т. Мусатова, Т. Таланова. — М.: РИПОЛ, 1993. - 384 с. — (Horror). 100 000 экз.

Содерж.: Г. Ф. Лавкрафт. Зов Цтулху: Тень над Иннсмаутом; Запертая комната; Данвический ужас; Крысы в стенах; Единственный наследник; Г. Ф. Лавкрафт, А. У. Дерлет. Наследство Пибоди; Лампа Альхазреда; В склепе; Темное братство; Стран-)<jt ный старик; Холодный воздух; Картина в доме; Музыка Эриха Занна; Чужак.

149. Лаумер (Laumer) К. Укротитель времени; Трилогия /Пер С. Маскотин, С. Вебина, Н. Кривцова. — Челябинск: Пластик-информ; М. Селена, 1993. - 560 с. 100 000 экз.

Содерж.: Укротитель времени; Затерявшийся в мирах; Похититель тел.

150. Ле Гуин (Le Gum) У. Волшебник Земноморья: Кн. 1-2-Трилогия /Пер. Л. Ляхова. — Ижевск: РИО «Квест», 1993. - 372 с. — (Волшебная страна). 200 000 экз.

Содерж.: Волшебник Земноморья; Могилы Атуана.

151. Ле Гуин У. Волшебник Земноморья: Кн. 3: Трилогия /Пер. Л. Ляхова — Ижевск- РИО «Квест», 1993. - 220 с. — (Волшебная страна). 100 000 экз.

Содерж. — На самом дальнем берегу.

152. Ле Гуин У. Волшебник Земноморья: Трилогия /Пер., авт. предисл. И. Тогоева. — М. — Мир, 1993. - 550 с. — (Библиотека фантастики: В 24 т. Т. 24). 100 000 экз.

Содерж.: Волшебник Земноморья; Гробницы Атуана; На последнем берегу.

153. Ле Гуин У. Гробницы Атуана; Техану: Романы /Пер. И. Тогоева. — М.: Радуга, 1993. 416 с. — (Мастера современной фантастики). 50 000 экз.

Содерж. — Романы: Гробницы Атуана; Техану; Рассказ-Правило имен.

154. Ле Гуин У. Левая рука тьмы: Романы. — М.: Центрполиграф; Ростов н/Д. Гермес, 1993. - 512 с. — (Осирис; Вып. 8). 50 000 экз.

Содерж. — Левая рука тьмы; Планета изгнания; Гонимый круг неба; Город иллюзий.

155. Ле Гуин У. Ожерелье Планет Эйкумены: Т. 2. — СПб. — Северо-Запад, 1993. - 416 с. 100 000 экз.

Содерж. — Безграничней и медленней империй; Планета изгнания; Город иллюзий; Девять жизней.

156. Ле Гуин У. Волшебник Земноморья; Уильямс Д. Герои ниоткуда.: Роман, повесть /Пер. А. Ставиская, В. Кан. — СПб. Северо-Запад, 1993. - 207 с. — Книга-«перевертыш». 20 000 экз.

157. Лейбер (Leiber) Ф. Мрак, сомкнись!: Роман, рассказы. — М.

Центрополиграф, 1993. - 542 с. — (Осирис; Вып. 21). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Мрак, сомкнись!; Странник; Повесть: Трижды судьба; Рассказы: Печаль палача; Требуется неприятель; Побросаю-ка я кости.

158. Лейбер Ф. Странник: Роман. — Калуга: Негоциант, 1993. -411 с. — Роман — лауреат премии «Хьюго» 1965 г. 100 000 экз.

159. Лейбер Ф. Странник. — М.: Топикал, 1993. - 480 с. — (Клуб «Золотое перо»; Вып. 15). 50 000 экз.

Содерж. — Роман: Странник; Повесть: Трижды судьба; Рассказы: Печаль палача; Требуется неприятель; Побросаю-ка я кости.

160. Ли (Lee) Т. Владыка смерти: Эротическая фантазия для взрослых /Пер. А. Логунов, А. Назаров; Сост. Ю. Воронцов. — Ижевск: Странник, 1993. - 432 с. — (Артефакт). 100 000 экз.

161. Ли Т. Танит Ли. Восставшая из пепла: Кн. 1-я трилогии «Белая ведьма» /Пер. В. Федоров. — СПб/ Библиополис, 1993. -468 с. — (ORION). 50 000 экз.

162. Ли Т. Игроки Зимы /Сост. И. Кузовлев. — Екатеринбург. КРОК-Центр, 1993. - 480 с. — (Иноземье). 100 000 экз.

Содерж.: Попутчики; Одержимый Шон; Игроки Зимы; Серебряный любовник.

163. Лондон (London) Дж. Межзвездный скиталец; До Адама; Алая чума. — Екатеринбург. Сред. — Урал. кн. изд-во. 1993. - 422 с. 200 000 экз.

164. Лондон Дж. Осколок третичной эпохи: Повести и рассказы /Авт. предисл., сост. В. Быков. — М.: Прометей, 1993. - 288 с. 50 000 экз.

Содерж.: Тысяча смертей; Тень и вспышки; Мертвые не возвращаются; Осколок третичной эпохи; Плешивый; Голиаф; Меченый; Враг всего мира; Алая чума; Планшетка; По ту сторону рва; Мечта Дебса; Когда мир был юным; Беспрецедентное нашествие; Сила сильных; Неизменность форм; Красное божество.

165. Лорд (Lord) Дж. Новые приключения Ричарда Блейда в иных мирах. Романы /Пер. А. Антошкульский. — Смоленск: Деймос, 1993. - 350 с. — 3-я кн. тетралогии «Фантастические приключения Ричарда Блейда в иных мирах». 100 000 экз.

Содерж.: Раб Сармы; Ледяной дракон.

166. Лорд Дж. Последние приключения Ричарда Блейда в иных мирах- Романы /Пер. М. Нахмансон и др. — Смоленск. Деймос, 1993. - 350 с. — 2-я кн. тетралогии «Фантастические приключения Ричарда Блейда в иных мирах». 100 000 экз.

Содерж.: Сокровище Тарна; Освободитель джеддов.

166. Лорд Дж. Продолжение приключений Ричарда Блейда в иных мирах- Романы /Пер. М. Нахмансон и др. — Смоленск- Деймос, 1993. - 350 с. — 4-я кн. тетралогии «Фантастические приключения Ричарда Блейда в иных мирах». 100 000 экз.

Содерж.: Чудовище лабиринта; Нефритовый воин.

167. Лорд Дж. Фантастические приключения Ричарда Блейда в иных мирах: Романы /Пер. М. Нахмансон и др. — Смоленск:

Деймос, 1993. - 351 с. — 1-я кн. тетралогии «Фантастические приключения Ричарда Блейда в иных мирах». 100 000 экз.

Содерж.: Бронзовый топор; Горы Брэggi.

168. Лоуренс (Lawrence) Дж. Седьмые звездные войны: Сборник. /Сост. А. Саяпин. — Таллинн: Мелор, 1993. - 416 с. — (Элитарная сер. Б-ка зарубеж. криминал, и приключ. романа: Вып. 15). 30 000 экз.

169. Лукас (Lucas) Дж. Звездные войны: Роман. — СПб.: МП РИЦ «Культ-информ-пресс», 1993. - 215 с. 100 000 экз.

170. Льюис (Lewis) К. С. За пределы Безмолвной планеты; Переландра: Кн. 1. Т. 1-2: Романы /Авт. предисл. Я. Кротов; Авт. коммент. И. Кормильцев. — М. ТОО «ЛШ»; «Вече»; Газета «Книжное обозрение», 1993. - 336 с.

171. Льюис К. С. Космическая трилогия /Пер. Н. Трауберг и др.; Авт. предисл. Н. Трауберг; Авт. послесл. О. Неве. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 639 с. 200 000 экз.

Содерж.: Романы: За пределы Безмолвной планеты; Переландра; Мерзейшая мощь. Современная сказка для взрослых; Эссе. Человек отменяется.

172. Льюис К. С. Племянник Мага. Повесть-сказка /Пер. В. Киренская. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. - 80 с. 40 000 экз.

173. Льюис К. С. Хроники Нарнии /Пер. Ю. Прижбиляк; Авт. послесл. Н. Петровский. — М.: Республика, 1993. - 494 с. 51 000 экз.

174. Майерс (Mayers) Мейерс Дж. Серебряный Вихор: Роман /Пер. С. Шик, С. Сухарев. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 415 с. 200 000 экз.

175. Мак-Каммон Б. Наслаждение смертью: Роман. Гл. 1-47 /Пер. О. Колесников. — М.: ИИЦ Гранд-Пресс, 1993. - (Миф). - 511 с. 50 000 экз.

176. Мак-Каммон Б. Наслаждение смертью: Роман: Гл. 48-95 /Пер. О. Колесников. — М.: ИИЦ Гранд-Пресс, 1993. - (Миф). - 479 с. 50 000 экз.

177. Маккефри (McCaffrey) Э. Арфистка Менолли. Кн. 5. из цикла «Всадники Перна»: Трилогия /Пер. Т. Сайнер-мл. — СПб: ТОО «Лейла», 1993. - 608 с. — (Fantasy). 50 000 экз.

Содерж.: Песни Перна; Певица Перна; Барабаны Перна.

178. Маккефри Э. Арфистка Менолли: Кн. 5. из цикла «Всадники Перна»: Трилогия /Пер. Т. Сайнер. мл. — СПб: АО «СПИКС», 1993. - 607 с. 50 000 экз.

Содерж.: Песни Перна; Певица Перна; Барабаны Перна.

179. Маккефри Э. Белый дракон: Кн. 3. из цикла «Всадники Перна»-Роман /Пер. Г. Трубицына. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 512 с. 300 000 экз.

180. Маккефри Э. Древний Перн: Кн. 4. из цикла «Всадники Перна»: Дилогия /Пер. М. Сайнер, М. Сайнер-мл.; Авт. предисл. М. Нахмансон. — СПб. ТОО «Лейла», 1993. - 444 с. 100 000 экз.

Содерж.: Морита — повелительница драконов; История Нерилки.

181. Маккефри Э. Заря драконов- Кн. 7. из цикла «Всадники Перна» /Пер. М. Сайнер. — СПб.: ТОО «Лейла», 1993. - 348 с. 500 000 экз.

182. Маккефри Э. Отщепенцы Перна- Кн. 6. из цикла «Всадники Перна»: /Пер. М. Сайнер, мл. — СПб.: ТОО «Лейла», 1993. -352 с. 50 000 экз.

183. Маккефри Э. Спор о Дьюне; Корабль, который пел: Романы /Пер. А. Антошульский, М. Нахмансон, Т. Науменко. — СПб.: АО «СПИКС», 1993. - 447 с. — (Fantasy). 50 000 экз.

184. Мартин (Martin) Дж. Чумная звезда: Романы. — Смоленск-Фирма «Русич»; Таллинн: Мэлор, 1993. - 511 с. — (Сокровища боевой фантастики и приключений). 200 000 экз.

Содерж.: Чумная звезда; Хранители; Операция «Новый Рай»; Шпаги Ланкмара.

185. Мартин Дж. Песчаные короли; Уиндем Дж. История с лишайником; Андерсон П. Время огня: Романы. — СПб.: АО «ЭГОС», 1993.

- 416 с. 50 000 экз.

186. Меррит (Merritt) А. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1 /Пер. Д. Арсеньев; Сост. В. Азарский. — Пермь: ОСОО «Янус», 1993. -478 с. — (Коллекция «Януса»). 100 000 экз.

Содерж. — Корабль Иштар; Семь шагов к сатане; Жители миража.

187. Меррит А. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2- Романы, рассказы /Пер. Д. Арсеньев, Е. Сушарник. — Пермь: ОСОО «Янус», 1993. - 574 с. - (Коллекция «Януса»). 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Ведьма, гори!; Тень, ползи!; Покорители Лунного бассейна; Рассказы: Обитатели бездны; Три строчки на старофранцузском; Лесные женщины; Последний поэт и роботы.

186. Меррит А. Корабль Иштар /Авт. предисл. Ю. Шварц. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 443 с. 200 000 экз.

Содерж. — Корабль Иштар; Семь ступеней к Сатане.

188. Меррит А. Лик в бездне: Романы. — СПб. — Комета; М.: Центрполиграф, 1993. - 479 с. — (Осирис; Вып. 12). 100 000 экз.

Содерж. — Лик в бездне; Живой металл; Дьявольские куклы мадам Менделип.

189. Меррит А. Лунная Заводь- Роман /Пер. Т. Браулова. — СПб.: — Северо-Запад, 1993. - 510 с. 200 000 экз.

190. Меррит А. Обитатели миража; Лунный бассейн: Романы /Пер. Д. Арсеньев; Сост. Э. Степанов. — М.: Армада, 1993. - 518 с. — (Фантаст, боевик). 100 000 экз.

191. Меч и сумка. Повести /Сост. С. Чубукин, В. Хусид. — СПб.: Тоо «ВлаС», 1993. - 480 с. — (Все божьи твари). 100 000 экз.

Содерж.: Э. Бойе. Меч и сумка; Р. Адамс. Мечи конных варваров; Р. Желязны. Подмененный.

192. Миллер-мл. (Miller) У. Гимн Лейбовичу: Роман, повесть, рассказы. — Тула: Пересвет; Н. Новгород- НПП «Параллель», 1993. - 540 с. — (Гелиос. Мир фантастики). 100 000 экз.

Содерж.: Роман: Гимн Лейбовичу; Повесть: Дарстеллер; Рассказы: Банк крови; Большой Джо и энное поколение.

193. Монстры Вселенной 10. — М.: Полиграфресурсы; Транспорт, 1993 — 573 с. 100 000 экз.

Содерж.: Ф Пол Пришествие Квантовых Котов

194. Муркок (Moorgcock) М Вечный Герой. Хроника Эрекозе /Пер И Тогоева, И Данилова, — СПб. Северо-Запад, 1993 — 416 с 50 000 экз

195. Муркок М Город Зверя. Хроника Кейна. Трилогия /Пер. Е. Янковская. — СПб. Северо-Запад, 1993 — 414 с. 200 000 экз.

Содерж.: Город Зверя; Повелитель Пауков; Хозяева Хрустальной Ямы

196. Муркок М Город Зверя. Трилогия о Майкле Кейне; Ледовая шхуна — М. Центрполиграф, 1993. - 446 с — (Осирис; Вып 30) 50 000 экз

Содерж.: Трилогия о Майкле Кейне. Город Зверя; Повелитель пауков; Хозяева пауков; Роман. Ледовая шхуна.

197. Муркок М Загадка Рунного Посоха- Романы — М. Центрполиграф, 1993. - 438 с. — (Осирис; Вып. 25) 50 000 экз

Содерж.: Романы Черный камень; Амулет безумного бога; Меч Безумного бога; Загадка Рунного Посоха.

198. Муркок М. Танцоры на Краю Времени- Хроники Карнелиана /Сост. Д. Ивахнов — М; СПб.: Саратов. Тролль, 1993. - 524 с. — (Меч и посох: Коллекция фантаст эпопей. Т 8). 100 000 экз.

Содерж.: Чуждое тепло; Пустые земли; Конец всех песен.

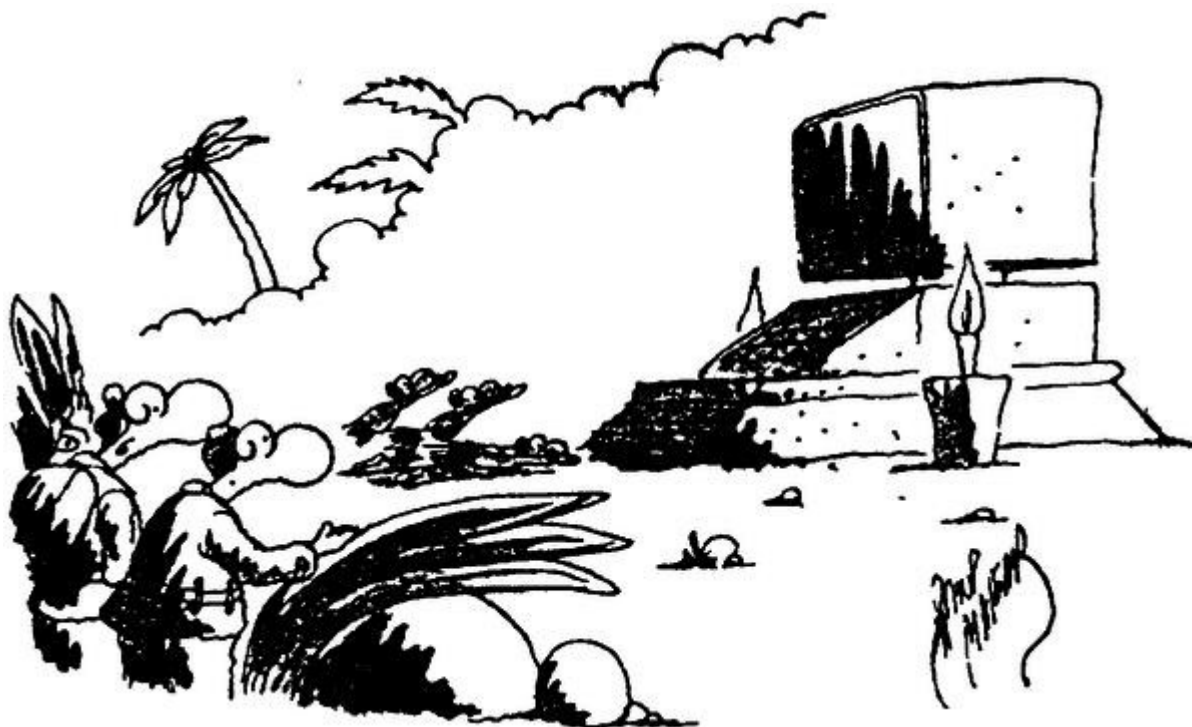
199. Муркок М Хроника Черных Клинков. — М. РИПОЛ, 1993. -304 с — (Joker; Т 5). 100 000 экз

Содерж.: Город Мечты; Несущий Бурю.

200. Муркок М. Чуждый зной. Роман — М. Междунар. журн. «Панорама», 1993 — 173 с — (Панорама приключений и фантастики) — 1-я кн. трилогии «Танцоры Конца Времен» Прил к междунар. журн. «Панорама» 55 000 экз

201. Мэтисон Мэтсон (Mathieson) Р. Легенда. Роман /Пер С Осипов, М Панкратов — СПб. Северо-Запад, 1993. - 447 с 120 000 экз

Содерж.: — Романы. Я — Легенда. Последний; Путь вниз.

Вот вам и белое пятно, не тронутое влиянием современной цивилизации!

Литературный конкурс «Сверхновой»

Наши читатели наверняка знают и любят литературу «фэнтэзи» — эти современные сказки, саги, сказания, которым посвящена немалая часть творчества современных мастеров-фантастов, таких, как Эндрю Нортон, Урсула Ле Гуин, Майкл Муркок, Роджер Желязны, Роберт Силверберг, Энн Маккэфри, Пол Андерсон и многие другие. С произведениями этого жанра вы неоднократно встретитесь на наших страницах. Однако нельзя не заметить, что подавляющее большинство этих книг, с легкой руки Дж. Р.Р. Толкиена — одного из отцов-основателей жанра «фэнтэзи» — питаются образами европейского, в основном кельтского и скандинавского фольклора Гоблины, гномы, феи, рыцари, валькирии, заколдованные мечи, блаженные острова — все эти неперенные атрибуты «фэнтэзи» вышли из западноевропейской мифологической, культурной и мистической традиции. Исключение составляет, пожалуй, только «Русалка» К. Дж. Черри, опубликованная в 1990 году в США и завоевавшая большую популярность — видимо, из-за

«экзотичности» славянских атрибутов для англоязычного читателя.

Мы считаем, что славянское язычество и русское православие являются не менее богатой сокровищницей, откуда могли бы быть почерпнуты идеи и сюжеты для «фэнтэзи». Былины и жития православных святых, сказки о леших, домовых, кикиморах, русалках добрых молодцах и царевнах — великолепный материал для творчества русских авторов, желающих испытать свои силы в этом жанре на русском языке.

Редакция «Сверхновой фантастики» объявляет конкурс произведений в жанре «фэнтэзи» для русских авторов. Произведения должны быть основаны на славяно-языческом или русском материале отличаться оригинальностью сюжета и высоким художественным уровнем. Объем произведений — не более двух авторских листов. Рукописи должны быть присланы в редакцию не позднее 31 декабря 1994 года в одном экземпляре, напечатанные через 2 интервала, по адресу 107076, Москва, а/я № 3, редакция журнала «Сверхновая американская фантастика». Просим авторов сообщить фамилию имя, отчество, возраст, образование, адрес, телефон, факс, e-mail. Рукописи будут рассмотрены компетентным жюри и три лучших произведения в 1995 году увидят свет на наших страницах. Обещаем ответить всем авторам, приславшим рукописи на конкурс.

Желаем удачи!

Уважаемые предприниматели!

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction» — принимает заказы на размещение рекламы.

«Сверхновая американская фантастика» имеет тираж 10 тысяч экз. ежемесячно, распространяется по подписке и в розницу по всей территории России и ближнего зарубежья. Экземпляры журнала направляются и в США, поступают в крупнейшие библиотеки мира.

Мы особенно рады видеть на своих страницах рекламу новых технологий, медицинской и вычислительной техники, средств связи, наукоемких товаров и услуг, а также тех, кто финансирует развитие науки, вкладывает средства и оказывает спонсорскую помощь науке и образованию. Для этих рекламодателей предусмотрены льготы.

Льготы и для КЛФ, и для книгоиздателей (возможен бартер).

Наши расценки на рекламу в одном номере журнала.

4-я страница обложки — 1 000 000 руб (цветная), 2-я и 3-я страница обложки — 800 000 руб, 1 страница в журнале — 400 000 руб, 1/2 страницы — 200 000 руб.

Обращайтесь 103617, Москва, Зеленоград, корп 1435, НИЦ «Ладомир», «Сверхновая американская фантастика». Тел 963-76-94 факс (095) 200-22-00.

Для Вас — фантастическая реклама в журнале фантастики!

Подписной индекс «Сверхновой» — 73447 в каталоге «Роспечати».

* * *

Мы хотим, чтобы «Сверхновая» стала местом постоянного общения

читателей, обмена мнениями, предложениями. Милости просим к нам на «Космическую станцию» — так мы называли рубрику для частных объявлений с минимальными расценками (если объявление поступит до конца 1994 года) 5000 рублей за 10 слов плюс 1000 рублей за каждое дополнительное слово. Деньги перечислять на р/с НИЦ «Ладомир» № 701507 в Зеленоградском филиале МИБ, г Москва, МФО 201478 В конверт с текстом просьба вложить копию квитанции.

Ваши объявления появятся в первых двух номерах 1995 года Если Вы ищете редкое издание или хотите сами что-либо предложить для обмена (книги, журналы, компьютерные игры, видеозаписи и др), хотите найти издателя для своих произведений, расширить деятельность своего КЛФ — пишите нам.

НИЦ «Ладомир» при содействии ТОО «ВРС»

103617, Москва, К-617, кор 142Б.

Per № 012254 от 20 декабря 1993 г Подписано в печать 25 августа 1994 Формат 60х84/16 Бумага типогр № 2 Печать высокая Усл. печ. л 14. Тираж 10 000 экз Заказ № 4996 С-7

Отпечатано с оригинал-макета на фирме «Красный Пролетарий»: 103473, Москва, Краснопролетарская, 16